

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МИР

ПЕРЕМЕН

Главный редактор

Р. С. Гринберг

Международный совет:

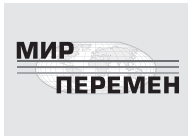
А. А. Акаев (Киргизия), С. Д. Бодрунов (Россия),
В. М. Геец (Украина), М. С. Горбачев (Россия), А. С. Грачев (Россия),
Дж. К. Гэлбрейт (США), М. Земан (Чехия), И. Илиеску (Румыния),
Гж. В. Колодко (Польша), А. Е. Лебедев (Россия), А. Михник (Польша),
А. Д. Некипелов (Россия), П. Г. Никитенко (Белоруссия),
К. Прунскиене (Литва), Р. Скидельский (Великобритания),
О. Сулейменов (Казахстан), Ф. Тишендорф (ФРГ),
Я. Чарногурский (Словакия),
Г. Эрлер (ФРГ)

Учредители:

Институт экономики
Российской академии наук

НП «Редакция журнала «Мир перемен»

4/2020

Международный научно-общественный журнал

№ 4/2020

Журнал зарегистрирован Министерством
по делам телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
ПИ № 77-15089 от 14 апреля 2003 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-55594 от 07 октября 2013 г.

Редколлегия

А. В. Алексеев (шеф-редактор), В. Бачишин, Л. Б. Вардомский,
М. Ю. Головнин, В. И. Куликов, Н. В. Куликова,
Е. К. Мазурова, А. П. Потемкин, В. А. Самарин,
Е. Ю. Скворцова (отв. секретарь), Г. Д. Толорая, Б. Е. Фрумкин,
Л. Г. Ходов, А. С. Ципко, Е. В. Цымбал,
Т. В. Чубарова, Л. Ф. Шевцова, Б. А. Шмелев

Корреспонденты

И. В. Новикова (Белоруссия)

Группа обеспечения издания

А. А. Грачев, С. Ю. Даянова, В. Ф. Лопухова, А. К. Песков,
А. А. Дмитриенко (верстка), И. Д. Драгунская (обложка)

Журнал выходит ежеквартально

Сдано в печать 20/12/2020. Подписано в печать 25/12/2020

Формат 70×100/16. Объем 15 п. л. Тираж 1500 экз.

Печать офсетная. Заказ 8706

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский просп., д. 32

Тел.: +7 (499) 724-15-19

e-mail: mir-peremen@yandex.ru

www.mirperemen.net; www.imepi-eurasia.ru

При перепечатке и цитировании ссылка
на журнал «Мир перемен» обязательна

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС СТОЛИЦА-8»

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

©НП «Редакция журнала «Мир перемен», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю

Р. Гринберг. «Кремлевский мечтатель» или великий реформатор? 4

К 90-летию Михаила Сергеевича Горбачева

<i>А. Адамишин.</i> Сама судьба поощряет Вас, Михаил Сергеевич	8
<i>А. Акаев.</i> Идеи, изменившие мир	11
<i>А. Аузан.</i> Третья попытка	16
<i>И. Безумнова.</i> Памятник нерукотворный	21
<i>А. Бунин.</i> Перестройка – кульминация мировой истории	26
<i>Н. Вардуль.</i> Реформы или власть?	32
<i>В. Выжutowич.</i> Судьба реформатора	37
<i>Е. Гонтмахер.</i> Личное и общественное: размышления о роли М. Горбачева в российской и мировой истории	43
<i>А. Грачев.</i> Грандиозное дело	48
<i>Д. Гудков.</i> Могильщик или акушер новой страны?	54
<i>Д. Драгунский.</i> Чудо восьмидесятых	57
<i>Н. Зиядуллаев.</i> О некоторых мыслях недавнего прошлого – документально	60
<i>В. Иноземцев.</i> Человек, в сложную пору почувствовавший нерв своего времени	63
<i>И. Кобринская.</i> Время М. Горбачева	67
<i>А. Колесников.</i> Революция Ожиданий	72
<i>Гж. В. Колодко.</i> Колумб трансформации: великая ошибка М. Горбачева	77
<i>В. Кувалдин.</i> И дольше века длится жизнь...	82
<i>А. Малащенко.</i> Трудно быть М. Горбачевым	85
<i>Я. Миркин.</i> Уроки перехода	90
<i>В. Мироненко.</i> Счастливый человек	94
<i>А. Некипелов.</i> Кто открыл «дорогу к храму»?	100
<i>А. Нечаев.</i> Перестройка: прорыв или упущенный шанс?	104
<i>И. Николаев.</i> Восторг свободы	109
<i>М. Носов.</i> М. Горбачев и мое время	114
<i>П. Палажченко.</i> Он хотел внедрить в политику мораль	119
<i>Ю. Пивоваров.</i> Наш Михаил Сергеевич	125
<i>А. Рар.</i> Who is Mr. Gorbachev?	128
<i>К. Ремчуков.</i> Великий Советский Союз рухнул от двух инъекций М. Горбачева: против страха и против репрессий	132
<i>В. Рыжков.</i> «Дети Горбачева» – поколение перестройки	137
<i>А. Рябов.</i> Политик, умеющий удивляться	142
<i>Л. Симкин.</i> Последний марксист	146
<i>А. Симонов.</i> И я пошел за ним	150
<i>Б. Славин.</i> Не надо искажать смысл перестройки!	154
<i>Н. Травкин.</i> Он по жизни такой	158
<i>М. Урнов.</i> Три спасибо М. Горбачеву	159
<i>Р. Хасбулатов.</i> Великий реформатор	165
<i>А. Цитко.</i> Попытка очеловечивания Советской России	170
<i>Л. Шевцова.</i> Великое то было время!	175
<i>И. Юргенс.</i> Шанс, с которым мы живем	181
<i>Л. Энзель.</i> Об актуальности «нового мышления»	185

Международный совет	190
Содержание за 2020 г.	191

«КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ» ИЛИ ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР?

Этот номер журнала выйдет незадолго до 90-летнего юбилея Михаила Сергеевича Горбачева. Накануне события мы попросили высказаться о значении его короткого правления для страны и мира как участников и очевидцев перестройки, так и представителей последующих поколений, интересующихся судьбами России. Приняли участие столько человек, что специальный выпуск журнала не смог вместить все тексты. Полную подборку можно будет увидеть на нашем сайте.

Читателю предстоит встретиться с очень разными оценками горбачевского наследия. Это нормально. Тем более, что сам М. Горбачев позаботился об этом, распространив по всей безмолвной стране свои знаменитые гласность и плюрализм. В результате каждый имеет право на собственные суждения, какими бы они ни были, точными или ошибочными. Тем не менее, как сказал кто-то из великих, «без свободы порицания нет лестной похвалы». Это тоже бесспорная заслуга М. Горбачева, о чем, кстати, следовало бы помнить его самым беспощадным критикам.

Похоже, Россия ныне очередной раз впадает в искушение искать свое будущее в прошлом, причем в прошлом сталинского типа, когда страна была великой и процветающей, пока все это не стало исчезать при ее следующих лидерах. М. Горбачев в этом сыграл решающую роль.

Мой ответ простой. Он действительно сыграл огромную роль, как тогда казалось, в окончательной десталинизации страны, за что ему благодарность, почет и уважение.

Нам же рано или поздно придется осознать: без демонтажа созданной И. Сталиным политической системы, без создания институтов политической и экономической конкуренции, без уважения к праву, в том числе и к праву на частную собственность, без восстановления свободы совести, прав и свобод личности, было бы невозможно устроить более или менее нормальную жизнь.

Сегодняшние сталинисты мечтают о возвращении «жесткой руки», не отдавая себе отчета в том, что такой порядок будет основан на беззаконии, страхе и бедности. Разве не заслуга М. Горбачева,

что нынешняя Россия, несмотря на усиливающийся авторитаризм путинской власти, разительно отличается от той страны, какой была в догорбачевские времена, когда даже в самых смелых мечтаниях невозможно было представить себе ту широту пространства свободы, которую мы все еще имеем сегодня?

Хочу обратить внимание на два, с моей точки зрения, явных заблуждения в оценке горбачевских идей и деяний. Речь о якобы ошибочных и наивных намерениях М. Горбачева реформировать советский строй. В либерально-демократических кругах принято считать, что он стремился придать социализму «человеческое лицо», но не понимал, что соединить его с ценностями свободы, демократии и легализовать личный интерес в принципе невозможно. Стереотипное убеждение – М. Горбачев якобы не понимал, что социалистическая система в принципе не реформируема. Но будто бы его непонимание оказалось настолько прогрессивным и полезным, что заслуживает самой высокой похвалы.

Мне придется поспорить с моим другом, выдающимся польским экономистом мирового класса Гж. Колодко, который в заголовке своей статьи в этом спецвыпуске внес слова о «великой ошибке» М. Горбачева. Убежден: никакой ошибки не было. М. Горбачев никогда не считал, что его реальная политика – и когда она была успешна, и когда что-то не удавалось – проводилась вопреки его намерениям. М. Горбачев сам мне рассказывал, что у него не было таких проблем, когда он хотел бы одно, а получалось другое.

Не надо думать, что М. Горбачев, как наивный романтик, хотел спасти спасаемое, а ему это не удалось. И, словно желая его утешить, говорить: «Хорошо, что не удалось, поскольку в результате «неудачи» получилось нечто столь замечательное, о чем он даже и не думал».

Чепуха! Ничто не может быть так далеко от истины, как подобные утверждения. Дело в том, что сторонники такого видения ситуации до сих пор находятся в плену сильно устаревшей конфронтации «измов», от которой сам М. Горбачев отказался еще в начале реформ.

Мировоззрение Михаила Сергеевича – во многом мировоззрение Пражской весны 1968 г., когда в Чехословакии благодаря появлению в стране лидера типа будущего М. Горбачева возникли условия для трансформации бюрократического социализма в демократический. Но если чехословацкая трансформация удалась бы, и страна стала демократическим государством с социальной рыночной экономикой, разве она чем-то отличалась бы, скажем, от соседней капиталистической Австрии? И есть ли разница между «социализмом с человеческим лицом» и «капитализмом с человеческим лицом»? На самом деле никакой. Да и где, собственно, доказательство того, что социализм не реформируем?

М. Горбачев со своей перестройкой не придумал ничего нового по сравнению с тем, что было у А. Дубчека, а потом у Я. Кадара и В. Ярузельского. Все то же стремление соединить социализм с де-

мократией, сказать правду о трагической истории строительства социализма, предоставить свободу творческой интеллигенции, легализовать рыночные механизмы и восстановить частную собственность, сохранив доминирование общественной. Но ведь никому же не придет в голову обвинять А. Дубчека, Я. Кадара и других реформаторов соцстран в «невежестве» или в «некомпетентности».

Что касается «медлительности» и «непоследовательности» М. Горбачева, пожалуй, лучшего ответа на этот упрек не найти, чем тот, который дал сам Михаил Сергеевич. На вопрос Гж. Колодко, почему он не пошел дальше, по крайней мере, как в Польше или в Венгрии, М. Горбачев ответил вопросом: «Вы хоть представляете численность номенклатуры в СССР?». Он хотел этим сказать, что подавляющее большинство из 20 млн советских начальников разного ранга были не в восторге от его начинаний. Легко можно представить, с какой осторожностью должен был действовать инициатор перестройки, чтобы не утратить саму возможность проведения реформ, грозящих номенклатуре утратой привычных привилегий.

При всем при том нельзя не признать, что Михаил Сергеевич допустил большую стратегическую ошибку, которая сыграла решающую роль и в приостановке перестройки, и в поражении его как политика. В сущности, он не смог справиться со стихией, которую сам породил. Давая нам свободу, он открыл ящик Пандоры: реваншисты-сталинисты, номенклатурные национал-сепаратисты, радикал-либералы, все «отлично» поработали на разрушение единого государства и обнищание его граждан.

Но тогда казалось, что всеобщее счастье не за горами. При этом хорошо помню, что одни и те же люди (и даже очень продвинутые люди либерального мировоззрения) беспартийно критиковавшие М. Горбачева за якобы нерешительность в проведении рыночных реформ и сдерживание более компетентных реформаторов, вскоре стали упрекать его за то, что он вообще допустил их к власти. Только подавляющее меньшинство понимало, что после М. Горбачева в два раза уменьшенной страной стали править, в сущности, «слепые поводыри слепых», почти полностью дискредитировавшие в глазах народа великие ценности свободы и демократии и создавшие все условия для восстановления в стране привычного авторитарного режима.

Еще один красноречивый феномен. Два выдающихся ниспровергателя советского социализма, в основном мировоззренческие противники – А. Солженицын и А. Зиновьев – сходились в одном: оба считали, что Запад проиграл «войну» русскому коммунизму. Когда же случилось ровно противоположное, оба жестко выступили против М. Горбачева, который якобы развалил Советский Союз. Поразительно!

Сегодня очевидно, что и Россия, и весь мир стоят на пороге фундаментальных изменений. Если реально оценить разные варианты

более-менее приличного общежития на нашей планете, то станет ясно: никакой разумной альтернативы горбачевским идеям социал-демократического характера нет.

Как для мира, так и для России ничего лучшего не придумано, кроме плюралистической демократии и социальной рыночной экономики. Только теперь она должна уже быть не просто социальной и рыночной, но еще и экологической. Это исключительно важно, поскольку человечество сейчас во второй раз за свою историю перестало быть бессмертным. Первый раз, когда было изобретено ядерное оружие. Сейчас – из-за возможно скорого разрушения среды обитания. Ответ на эти вызовы требует от мира солидарности и общих усилий, которых, увы, пока не видно. Остается ждать нового «нового мышления»?

Словом, наш грешный турбулентный мир ныне вновь жаждет свободы и справедливости. И никто так ясно и естественно не воплощает в себе эти великие ценности как Михаил Сергеевич. Пусть судьба подарит ему еще много радостей. Его идеи и авторитет вновь как никогда нужны стране и миру. Кто-то скажет: не сотвори себе кумира. И будет прав. Но в каждом правиле должно быть исключение. Мое исключение – Михаил Горбачев.

Руслан Гринберг

А. Адамишин

САМА СУДЬБА ПООЩРЯЕТ ВАС, МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

Дорогой Михаил Сергеевич, впервые обращаюсь к Вам лично, но и повод, согласитесь, уникальный. Не часты случаи, когда судьба как бы поощряет человека за его добрые дела, одаривая долгими годами жизни. Ваше долгожитие подтверждает, что, по крайней мере по этому параметру, судьба бывает справедливой. За многое я и, конечно, не я один, благодарен Вам, но одно выделю особо. Вы не побоялись дать стране свободу. Свободу не на словах, а на деле. Такое крайне редко встречается у глав государств. Чтобы внедрять свободу по вертикали вниз, надо любить людей больше, чем себя.

К свободе надо привыкнуть

В тысячелетней истории России насчитывается, насколько я понимаю, лишь два периода, когда люди дышали воздухом свободы полной грудью. Первый – с февраля по октябрь 1917 г. Второй – в годы перестройки и, как и в первый раз, какое то время по инерции после нее.

Как же повезло тем, для кого «светлое слово свобода» стало явью. Тем, кто хотел жить и работать, зная, что заботится не только о своей семье и себе, но и, прежде всего о будущем страны. Не сразу привыкли к свободе, совершенно новому для страны явлению, не сразу поняли, какие горизонты открываются для творческой работы на общее благо людей. Но зато почти сразу стало нарастать сопротивление.

На рабочем уровне я отвечал тогда за управление по правам человека, созданное впервые в истории МИДа. Одно из первых дел, которым мы по поручению генерального секретаря ЦК КПСС занялись, была выработка законодательного порядка въезда – выезда из страны. Что тут поднялось! Номенклатура не хотела и слышать о сломе многолетней практики, когда даже для короткого выезда из СССР требовались мно-

Анатолий Леонидович Адамишин – кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ (г. Москва).

гочисленные характеристики, разрешения партийных органов и КГБ, собеседования и инструкции. Помните как пел об этом В. Высоцкий?

Мощный и унижительный был инструмент воздействия на человека.

Даже на Политбюро в апреле 1987 г. предложения МИДа были встречены со скрытой враждебностью. Напряженность на заседании сняли тогда Вы, сказав: «Пусть люди ездят так, как это принято во всем мире». Но до этого было еще далеко. Потребовались 4 года изнурительной работы с ведомствами, прежде всего отделами ЦК. Лишь в мае 1991 г. за семь месяцев до кончины Советского Союза, Верховный Совет принял полнокровный закон о въезде-выезде. Еще через пять лет, уже Российская Федерация приняла закон об эмиграции, близкий к его советскому прародителю. Миллионы людей выезжают сейчас за рубеж. Знают ли они, кому обязаны такой свободой?

Это не единственное право, которое вернули людям в перестройку. Вспомню лишь освобождение политзаключенных, запрет принудительной психиатрии, изменение судебного порядка, законы о свободе совести, о свободе печати, о свободе творчества, наконец о том, что выборы в органы власти стали действительно выборами.

Реальная политика

По роду службы мне ближе говорить о внешнеполитической области. Я попробовал, в виде реестра конкретных результатов, подвести итог того, что было сделано в перестройку. Он напомнит о внешней политике, которая разительно отличалась от предыдущей, ибо была задумана Вами так, чтобы привести в соответствие с реальными нуждами страны.

Горбачевская команда:

- положила конец идеологической конфронтации между Востоком и Западом по принципу «кто кого закопает», убрав из общественного сознания и политики образ врага;
- прекратила 40-летнюю «холодную войну» с США и их союзниками, показав, что конфронтация с Западом не есть неизбежность;
- остановила наращивание вооружений, разорвавшее страну, впервые в истории начала реальное сокращение ядерного и обычного оружия;
- нашла в себе силы прекратить 9-летнюю войну в Афганистане;
- способствовала урегулированию целого ряда региональных конфликтов: в Анголе, Кампучии, Никарагуа, на Ближнем Востоке;
- перевела отношения с Китаем из враждебных в нормальные; первой осознала значимость смещения центров силы к Азиатско-Тихоокеанскому региону;
- восстановила дипломатические отношения с Израилем и наладила с ним сотрудничество;
- сумела воздействовать на воссоединение Германии таким образом, что оно завершилось историческим примирением с ней;

- не пыталась силой удержать восточноевропейские страны. В бывшем социалистическом лагере не произошло восстаний или выступлений, которые могли бы поставить нас перед нелегким выбором;
- способствовала превращению Европейского континента из полигона будущей войны в зону сотрудничества;
- нормализовала отношения с Югославией;
- подняла значимость прав и свобод людей, чем особенно способствовала росту престижа СССР;
- впервые за десятилетия открыла Советский Союз внешнему миру, а внешний мир – советским людям, покончила с изоляцией, в которой страна находилась в течение долгого времени;
- уменьшила, а во многих случаях сняла финансовое бремя, исчислявшееся миллиардами рублей, которые шли на поддержку национально-освободительных и коммунистических движений;
- начала наводить порядок в военной области: армия и ВПК были лишены монопольного права на определение оборонной политики.

Всем этим перестройка коренным образом улучшила международное положение страны, в разы уменьшила вероятность ядерного конфликта. Все это за неполные семь лет.

Добрый человек

Тем не менее, главная Ваша заслуга – не во внешнеполитической плоскости. Она в том редком и по большому счету неиспользованном шансе, который перестройка дала России. То была великая и мужественная попытка *вытащить Россию из авторитарной матрицы*, восходившей еще к монгольскому игу. Преобразовать страну, не мордуя людей, всегдашних винтиков, а давая им возможность распоряжаться собой. То была уникальная попытка, ибо ни до, ни после никто не предложил достойного выхода из наезженной столетиями колеи.

Перестройка проиграла. Это и моя личная трагедия.

В лагере победителей не гнушаются плясать на ее костях.

Значительная часть демократических преобразований выкорчевана. Так обычно случалось и в прошлом. Вместе с тем ряд завоеванных плацдармов остался, укоренился в нашей политической культуре. С них будет продолжен путь к России честных людей, о чем мечтал Ф. Достоевский. Историческая практика показывает, что это неизбежно. Весь вопрос, когда.

В заключение, приведу слова писателя, Е. Водолазкина: «В конечном счете, важно ведь добр человек или зол. Все остальное второстепенно. Горбачев был (и остается) добрым человеком, и это спасло мир от большой крови».

Всего вам наилучшего, Михаил Сергеевич.

А. Акаев

ИДЕИ, ИЗМЕНИВШИЕ МИР

Пользуясь случаем, хотел бы через наш журнал передать искренние поздравления Михаилу Сергеевичу Горбачеву в связи с его 90-летием, пожелать ему крепкого здоровья и многих лет активной творческой жизни. М. Горбачев относится к числу выдающихся политических деятелей уходящей эпохи. Уверен, что в эти дни весь мир воздаст достойную дань признательности за его политическую деятельность, которая кардинально изменила геополитический ландшафт на нашей планете.

Пришествие М. Горбачева

Как и миллионы советских людей, я почувствовал себя счастливым, когда в марте 1986 г. М. Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС. На место геронтократов в Кремль наконец пришел молодой энергичный лидер, сам вид которого внушал людям воодушевление. В обществе повяло оптимизмом, перераставшим в энтузиазм. Через телевидение и радио М. Горбачев вошел тогда в каждый дом. Свежими идеями и яркими речами о перестройке, ускорении, гласности он сделал сопричастными к своим реформаторским планам миллионы людей. Им нравилось то, что он хотел сделать советское общество более свободным, гуманным и демократичным.

Суть перестройки состояла в преодолении тоталитарного строя, в переходе к свободе и демократии; как говорил сам М. Горбачев о целях перестройки: «Чтобы стало больше демократии, больше социализма». Искренне желая улучшить социализм, он пытался построить в Советском Союзе «социализм с человеческим лицом». Именно под влиянием горбачевской гласности советское общество начало освобождаться от страха. Но прежде всего он хотел улучшения структуры

Аскар Акаевич Акаев – доктор физико-математических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, первый президент Кыргызской Республики (1990–2005 гг.), (г. Москва).

советской экономики, повышения темпов ее роста, а через это – повышения благосостояния советского народа.

Реформы

Реформы в экономике М. Горбачев хотел проводить посредством ускорения научно-технического прогресса. Это было абсолютно верное решение, поскольку в начале 1980-х годов начался подъем новой длинной волны экономического развития в мире, порожденной информационно-коммуникационными технологиями микроэлектронной революции. Как раз тогда появились первые микропроцессоры и началась эра компьютеризации. М. Горбачев посетил один из центров микроэлектроники в СССР (Ленинградское НПО «Светлана») и призвал ученых и инженеров ликвидировать отставание в этой важнейшей области от стран лидеров – США и Японии. В ту пору советская микроэлектроника не сильно отставала от мирового авангарда и при соответствующей поддержке вполне могла совершить прорыв и войти в состав лидирующей группы. То же самое можно сказать относительно лазерных технологий.

Всесоюзное совещание об ускорении научно-технического прогресса (НТП) состоялось 11 июня 1985 г., всего через три месяца после вступления М. Горбачева на пост генерального секретаря. Совещание оказалось представительным и весьма плодотворным. Программа НТП, предложенная там, включала самые передовые инновационные направления, которые набирали силу в США, Японии и ведущих западных странах. В советских научно-технических кругах с огромным воодушевлением были восприняты итоги этого совещания. Если принятая там программа была бы успешно и своевременно реализована, то, несомненно, к 1991 г. советская экономика стала бы инновационной и была на подъеме, что, конечно же, способствовало бы сохранению Советского Союза как великой целостной державы.

Для этого ускорением НТП надо было неустанно заниматься по крайней мере 5–7 лет. К великому сожалению, уже через год-два об этой программе совсем позабыли. Между тем США и другие авангардные страны существенно подняли свои экономики, воспользовавшись плодами микроэлектронной революции, которую Советский Союз вовсе пропустил. Это и стало основной причиной разрушительного кризиса отечественной экономики в конце 1980-х годов, соответственно, ключевой причиной развала СССР.

В начале 1987 г. М. Горбачев провозгласил курс на демократизацию. Советское общество откликнулось повсеместно и с оптимизмом. Тоталитарный строй с его надругательством над личностью и ограничением гражданских свобод более был нетерпим. В стране зародилось демократическое движение. Особо следует сказать об

инициативе М. Горбачева по развитию внутрипартийной демократии и плюрализма мнений. Она была рассчитана на оздоровление партийной жизни, выдвижение кадров новой формации. Однако эти инициативы воспринимались в штыки цепко державшимся за старый порядок партийным аппаратом. В 1985–1987 гг. я работал в ЦК Компартии Киргизии заведующим отделом науки и образования и хорошо помню, как игнорировались идеи и инициативы М. Горбачева на самом высоком уровне. Поэтому его попытка реанимировать перестройку за счет политической реформы и коренных преобразований КПСС, предпринятая в июне 1988 г. на XIX партийной конференции, ожидаемого результата не принесла. Можно сказать, что это был момент начала провала реформ М. Горбачева.

«Новое мышление»

В международной политике М. Горбачев предложил концепцию «новое мышление», предполагавшую общую ответственность за выживание человечества при уважении национального суверенитета и соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Данная концепция сыграла исключительно важную роль в налаживании нормальных отношений между СССР и США, позволила выйти на стратегические договоренности по ядерному разоружению. Именно политика «нового мышления» М. Горбачева положила конец «холодной войне». «Новое мышление» основывалось на принципах партнерства великих держав и предполагало возможность конвергенции двух систем (капиталистической и социалистической), впервые сформулированной великим русским социологом П. Сорокиным еще в 1960 г. «Новое мышление» М. Горбачева сегодня вновь становится актуальным, поскольку возникла острая необходимость формирования устойчивого многополярного мироустройства на основе партнерства.

Именно в условиях «нового мышления» стала возможной ненасильственная смена авторитарных режимов в странах Восточной Европы посредством «бархатных революций» 1988 г., прозванного в Европе «чудесным» годом. Затем, при поддержке М. Горбачева произошло падение Берлинской стены и восстановление единой Германии. Суммируя, можно сказать, что на Западе в заслугу М. Горбачеву ставят курс на политику демократизации, гласности, плюрализма мнений, свободы слова и прав человека, окончание «холодной войны» и ядерное разоружение, перезагрузку отношений с Америкой, вывод советских войск из Афганистана, падение Берлинской стены и объединение Германии, отказ от диктата странам социалистического блока и победу народных режимов в Восточной Европе в ходе «бархатных революций». Поэтому присуждение М. Горбачеву Нобелевской премии мира было закономерным.

Однако, по большому счету, западные лидеры обошлись с М. Горбачевым несправедливо. Сделанные им шаги по одностороннему сокращению ядерных боеголовок и выводу советских войск из бывших восточноевропейских стран-сателлитов к концу 1991 г. без должной компенсации потерь на Западе сочли естественным отражением слабости СССР. Вместе с тем все эти события вызвали бурю негодования в советском общественном мнении. После распада СССР в 1991 г. западные страны и прежде всего США поспешили провозгласить себя победителями в «холодной войне» и уверовали в то, что отныне только они вправе вершить судьбы мира. Вопреки твердым обещаниям, данным западными лидерами М. Горбачеву, НАТО стремительно продвигалось на Восток и сегодня уже стоит у порога России. Стало ясно, что слова и обещания западных лидеров не стоят и ломаного гроша. М. Горбачев оказался идеалистом, он искренне верил в строительство «Общего европейского дома», а вместо этого Россия получила от западноевропейских стран политику, направленную на полную изоляцию и всемерное ослабление.

Что помешало торжеству идей М. Горбачева?

В первые три горбачевских года эти надежды обрели конкретное наполнение. Экономика стала выходить из стагнации, заметно улучшалось материальное положение людей. Морально-политический климат в стране обрел новые живительные краски. Но, к сожалению, горбачевских аккумуляторов хватило лишь на три года перестройки. Дальнейшее развитие событий шаг за шагом размывало перестроечный фундамент, выстроенный наспех, в угоду политической конъюнктуры. Реформам М. Горбачева также катастрофически не везло.

Первым и, пожалуй, наиболее болезненным ударом по горбачевскому авторитету стала объявленная весной 1985 г. антиалкогольная кампания. Глубоко гуманная, вызванная заботой о здоровье людей эта волонтаристская по характеру кампания проводилась административно-запретительными методами и нанесла невосполнимый ущерб экономике страны. Государственный бюджет, и без того испытывавший проблемы, терял около 15 млрд руб. в год. Расцвело самогонование, впервые в стране возник дефицит сахара. 26 апреля 1986 г. произошла авария на Чернобыльской АЭС, последствия которой приобрели чуть ли не планетарное измерение. Все силы советского государства были брошены на устранение последствий катастрофы. Из хозяйственного обихода были выведены огромные территории, зараженные радиацией. Пострадали сотни тысяч людей. И снова дыра в бюджете в десятки миллиардов еще тех, «полновесных», советских рублей.

7 декабря 1988 г. в Армении в Спитাকে произошло землетрясение неслыханной силы в 10,5 балла. До основания были разрушены не-

сколько городов, погибли десятки тысяч человек. Спасательные работы возглавил председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков. В них участвовали все союзные республики. И снова десятки миллиардов бюджетных затрат. К тому же все это происходило в условиях, когда стала заметно пробуксовывать национальная экономика, возник острый дефицит продовольственных товаров и т.д. Дальше пошло по наклонной...

Демократизация и гласность, воспринятые в народе вначале с оптимизмом и даже энтузиазмом, вскоре привели в ряде прибалтийских республик к нарастанию националистических и сепаратистских настроений. Возникли и оживились застойные конфликты между различными этносами, в частности киргизов с узбеками, азербайджанцев с армянами. Они, подобно коррозии, губительно действовали на советский государственный организм. Одновременные реформы в разных сферах порождали хаос в обществе и в головах людей. М. Горбачев торопился и хотел все реформы провести разом, а это оказалось не под силу закостеневшему партийному и государственному аппарату. Страна погрузилась в хаос, центр потерял контроль над внутривнутриполитическими процессами. Все с большей силой стали назревать внешние трудности. Пришла в движение Восточная Европа, взявшая курс на отход от СССР. Теряла дееспособность Организация Варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи. Вряд ли нашлось в мире государство, которое устояло бы перед лицом подобных, следующих один за другим разрушительных ударов.

Лично мое знакомство с Михаилом Сергеевичем произошло в 1989 г., когда я был избран народным депутатом Верховного Совета СССР. М. Горбачев по уровню эрудиции, компетенции, широкой информированности о делах в стране и в мире заметно возвышался над общей депутатской массой. Близко пообщаться с М. Горбачевым мне удалось лишь в 1991 г. в ходе новоогаревского процесса, когда разрабатывался проект нового Союзного договора. Об этих временах у меня остались грустные воспоминания. После августовского 1991 г. путча стало очевидно, что его авторитет резко подорван.

22 ноября 1991 г. М. Горбачев впервые побывал в нашей республике. В то время я работал президентом Киргизской Республики. Наш гость излучал энергию, фонтанировал новыми идеями. Каких-либо тревожных признаков в его поведении не было. Но через две с небольшим недели 8 декабря в Беловежской пуще «славянская тройка» – Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич – объявили о прекращении существования СССР. Через шесть лет после прихода к власти М. Горбачев оказался не у дел. Была у него великая цель построить в Советском Союзе «социализм с человеческим лицом». В итоге не оказалось ни социализма, ни Советского Союза.

А. Аузан

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

Перестройка, инициированная М. Горбачевым, была, на мой взгляд, третьей серьезной попыткой преодоления институциональной «ловушки колеи», характерной для нескольких веков отечественной истории.

Исторический поворот

Первой попыткой всерьез решить эту проблему стали «Великие реформы» Александра II, которые главным поворотным пунктом имели отмену крепостного права, а затем серию институциональных преобразований, давших в конце концов в длинной перспективе очень хорошие экономические эффекты. Политические эффекты были более противоречивыми.

Вторая попытка – это послесталинские преобразования, осуществленные руководством СССР во главе с Н. Хрущевым, где, опять-таки, поворотным пунктом стало освобождение заключенных из лагерей и осуждение культа личности. В рамках этой попытки тоже были неоспоримые достижения: первый спутник, первый космический полет человека, успехи на других технологических направлениях, впечатляющий взлет культуры, превращение СССР в социальный образец для многих государств, что отразилось и в феномене кубинской революции.

Третья попытка – перестройка, 1985–1991 гг.

Во всех трех попытках есть некоторые общие черты. Был поворотный социальный пункт, связанный с освобождением крестьянства или заключенных лагерей, или с демократизацией и освобождением людей от идеологических ограничений. Безусловно, были попытки институциональных преобразований, иногда странных. Например, земство, которое сейчас нам кажется естественным явлением, вряд ли признавалось таким же в XIX в. – просвещенный англичанин сошел бы с ума от этой попытки совместить самодержавие, сословность

Александр Александрович Аузан – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

и гражданское общество. Но это было сделано. Потому что на пути в неизведанное нередко приходится применять неожиданные инструменты, и современная институциональная теория понимает их как промежуточные институты. Но не любой промежуточный институт приносит успех.

Время М. Горбачева. Кооперативы, странная система выборов (первых свободных выборов, думаю, на протяжении последних десятилетий, самых свободных выборов) в Верховный Совет СССР – это тоже своего рода институциональные поиски на базе идеи освобождения людей и попытки превратить человека из объекта давления самодержавно-крепостнических институтов в субъекта созидательной и экономической деятельности.

Почему М. Горбачев решился не на имитацию и фальстарт, не на привычную роль лидера «застоя», а на чрезвычайно рискованный исторический поворот? Риски, признаем теперь, были действительно очень серьезными и привели к тяжелым последствиям. Можно ли считать, что он случайно оказался во главе страны во время этого исторического поворота? Вряд ли, потому что сокращающийся ресурс СССР позволял, тем не менее, еще длительное время продолжать «застойное» управление. Можно сказать, кислорода, если не двигаться, хватило бы еще на пару десятилетий. Если же совершать рывок, то кислорода было, конечно, недостаточно. М. Горбачев неоднократно говорил, что это предмет сознательного выбора, причем выбора, который, на мой взгляд, был на уровне лучших идей своего времени.

Для меня очень важен факт, сообщенный Михаилом Сергеевичем в его биографических книгах, что, когда он ходил в общежитие МГУ на Стромынке в комнату, где жила Раиса Максимовна и три другие девушки, в эту же комнату ходили еще три человека: М. Мамардашвили, З. Млынарж и Ю. Левада. Молодой М. Горбачев, сельский механизатор, дошедший до аспирантуры юридического факультета, оказался в конкуренции с тремя крупнейшими будущими интеллектуалами Европы. Когда я спросил у него об этом, он очень оживился и сказал мне:

– Ты знаешь, как у девчонок глаза горели, когда Мераб им про «Капитал» Маркса рассказывал? Я подумал: «Все это прочту и пойму!» Потом уже понял, что они запрещенные книжки читают, и стал читать запрещенные книжки.

Видимо, именно тогда проявился тот человеческий потенциал, который потом реализовался в Капитане Перестройки. Раиса Максимовна в этом участнике конкуренции увидела человека, который способен из последнего генерального секретаря стать первым президентом.

Почему же не удалась третья попытка?

В соответствии с теорией институциональных изменений решение этой проблемы – проблемы колеи – требует значительного исторического времени. Ресурс исторического времени может быть обеспечен

либо материальными накоплениями, либо наличием духовного ресурса. С материальным накоплением к тому моменту в СССР дело обстояло уже довольно плохо. Оптимальные точки для преобразований были пропущены – сначала в 60-е, потом в 70-е годы. Именно в 60-е годы, в момент лидерства нашей страны в мировом технологическом развитии, можно было приступить к институциональным преобразованиям и совершать поворот. Но это не было сделано, козыгинские реформы были отвергнуты, ставка сделана на ренту от самотлорской нефти, и страна ушла в глубокий убежденный застой.

Теперь о ресурсе духовном, ресурсе доверия. Третья попытка в этом смысле, по сравнению с первой и второй, начиналась в чрезвычайно трудное время. У Александра II был значительный запас легитимности. У Н. Хрущева – значительный запас идеологии, которую еще не полностью отвергла страна. Этот запас был в 1950–1960-е годы, но его уже не было в годы 1980-е. Поэтому доверие не могло обеспечиваться накопленным культурным ресурсом, легитимностью самодержавия или коммунистической идеологией. Его нужно было искать во взаимодействии реальных стейкхолдеров.

Он дождется общественного признания

Надо сказать, что М. Горбачев в течение семи лет показывал, на мой взгляд, чудеса искусства политического маневрирования – находясь практически непрерывно в меньшинстве, он обеспечивал все же определенную линию движения страны. Но, основную проблему с элитами и населением – проблему доверия – М. Горбачеву решить не удалось. Важно понять почему, потому что это относится не только к его личным неудачам.

В России почти никогда не существовало консенсусного проекта будущего. Россия 200 лет разделена спорами западников и славянофилов, социалистов и либералов по поводу того, кто такой «русский человек» – общинник или развивающаяся личность, индивидуалист или коллективист. Россия находится на мировой медиане между индивидуализмом и коллективизмом. И это не сочетание индивидуализма и коллективизма в каждом из нас. Полевые исследования показали, что страна разделена на индивидуалистов и коллективистов. В мегаполисах преобладает индивидуализм, за Уралом преобладает индивидуализм, нарастающий к Сахалину. В Поволжье, в Южной и Центральной России, за исключением мегаполисов, – зона коллективизма.

Коллективизм и индивидуализм имеют свои особенности, свои плюсы и минусы. Но они генерируют противоположные запросы к власти, потому что индивидуалисты хотят свободы, демократии, предпринимательства; коллективисты – гарантий, стабильности и социальной справедливости. Противостояние индивидуализма и кол-

лективизма создает очень трудные, а иногда невыполнимые условия реформирования, потому что одна часть общества требует немедленного преобразования, а другая – его совершенно отвергает. Именно поэтому медленный темп преобразований, попытка действовать «медленно, но неуклонно», как выразался Александр II, привела к тому, что именно Царь-Освободитель был убит представителем свободомыслящей публики.

Политическое чутье позволяло М. Горбачеву видеть эту проблему. Недаром им был предложен план некоторого социального контракта, т.е. обмена ожиданиями между властью и группами населения. Фактически, это социал-демократия: сочетание свободы и справедливости. Свобода была бы принята крупными городами, а справедливость достаточно устойчивая ценность в стране. Но ведь важно не провозгласить идею, а операционализировать ее. Мне кажется, главная причина неуспеха перестройки состояла в том, что у нее, в отличие от предыдущих двух попыток, не было плана. Первая попытка, попытка Александра II, совершалась на основе длительного и хорошо подготовленного плана. Об этом прекрасно написал Я. Гордин, упоминая «героев поражения» – ту часть элит, которые, переживая поражение своих друзей и товарищей во время декабрьского восстания 1825 г., тридцать лет готовили реформы, которые были вручены после смерти Николая I его наследнику.

Вторая попытка. Там не было столь длительной подготовки плана трансформации, но там было общее осознание послесталинским Политбюро необходимости перемен, оно возникло еще при И. Сталине и вытекало из кризиса ГУЛага. Не случайно, именно Л. Берия стал основным автором и инициатором достаточно радикальных реформ, которые Н. Хрущевым были реализованы, видимо, в гораздо меньшем формате, чем предполагались.

В годы, предшествующие перестройке, элиты не подготовили никакого плана трансформации. Что, скорее всего, объясняется полным выветриванием идеологии. Тем, что Д. Норт считал настолько же закономерным, как и положительное воздействие идеологии на развитие на предшествующих фазах.

Не было и хороших предложений по промежуточным институтам. Конечно, важны и культурные особенности. Потому что, если мы применили бы промежуточные институты вроде пожизненного найма, как в Японии, чеболей, как в Корее, или поселкового предприятия, как в Китае, вряд ли имели бы не то что успех, но хотя бы понимание, что это такое. Достаточно точно это выразил один из идеологов горбачевских экономических реформ, академик Л. Абалкин, который на предложение использовать китайские методы реформирования, сказал: «Где же мы вам найдем в Советском Союзе столько китайцев?!»

Фактически исторические условия для успешного поворота были, не было ресурса, прежде всего, ресурса исторического времени.

И что получилось? М. Жванецкий в конце перестройки очень мудро сформулировал то, что, может быть, тогда мы и не понимали: «Те, кто хочет получить все и сразу, получают ничего и постепенно».

Исторический поворот упирается в проблему: необходимо одновременное изменение культуры, политических и экономических институтов и наличие исторического времени для такого изменения.

Что остается от попыток поворота, которые исторически должны считаться неудачными, поскольку страна возвращается в колею? Можно ли сказать, что они были совершенно бесполезны? Нет, конечно, потому что от первой попытки остались земства и суд присяжных. От второй – острое и могучее чувство вышедшего в космос человека из страны, которая рвется в будущее, что отражено и в книгах, и в фильмах, и в картинах. От третьей – ощущение, что глобальный мир на Земле возможен, что можно жить без страха войны, страна может быть свободной, и даже справедливой.

Конечно, попытка достичь этих целей и ее результаты есть ответственность автора идеи, лидера перестройки Михаила Сергеевича Горбачева.

На одном из его юбилеев мой покойный друг А. Рогинский, глава «Мемориала», любимый ученик замечательного ученого Ю. Лотмана предложил нескольким людям, присутствовавшим там, определить, за что мы уважаем Михаила Сергеевича. Каждый из нас высказался (я тоже), но важно то, что сказал Арсений: «Я не знаю другого такого исторического примера (*а в знании истории мало кто мог тягаться с А. Рогинским*), чтобы крупный государственный деятель жил в потоках ненависти и клеветы, упорно дожидаясь признания своих результатов в своей собственной стране».

Очень правильно и очень важно. Общественное признание к автору третьей попытки великого исторического поворота должно прийти. Иначе о четвертой попытке не стоит и задумываться.

И. Безумнова

ПАМЯТНИК НЕРУКОТВОРНЫЙ

На памяти моего поколения нет более ярких и политически насыщенных лет, чем те, когда страной руководил М. Горбачев. Политический лидер новой эпохи, он начал цепь глубоких изменений – для мира, стран и народов, для человечества в целом. Но острее и раньше других первые знаки перемен ощутили люди в странах социалистического блока, прежде всего в нашей стране, тогда Советском Союзе.

От ноября к марту. Перемены

Место и роль М. Горбачева в истории опишут позже, профессионально, непредвзято, с высоты прошедшего времени. Но политический деятель, тем более столь значительного масштаба, изменяет и человеческие судьбы, жизни своих современников. Так что же мы, современники, расскажем об эпохе М. Горбачева своим внукам?

Новый генсек разительно отличался от своих предшественников и совершенно выбивался из сложившихся стереотипов партийного работника. Он был довольно молод, с ясным и открытым взглядом, вполне человеческой речью и, более того, с улыбкой, нечасто посещавшей чело прежних советских руководителей.

М. Горбачеву досталось тяжелое бремя. Необходимо было для начала просто накормить население – ситуация в сельском хозяйстве ухудшалась, приступить к решению жилищной проблемы – квартирный вопрос испортил не только москвичей, но и всех советских граждан, живших в крайне стесненных условиях. Были одобрены две программы – продовольственная (до 1990 г.) и жилищная (до 2000 г.). Наконец, необходимо было обеспечить рост экономики – не менее 4% в год. Так появилась концепция «ускорения» экономического развития.

Довольно скоро стало понятно, что «ускорения» не произошло и не предвидится, и на смену ему пришла новая концепция – перестройки. Слово «перестройка», как ранее «спутник», вошло во все языки мира в своем русском звучании. Перестройка означала ширококомасштабную программу, стержнем которой был переход от жестко

централизованной командно-административной системы хозяйствования к хозяйствованию на рыночных основах, правда, в рамках социализма. Действительно, в стране начались изменения – предприятия переводились на хозрасчет и самоокупаемость, получали возможность выбирать поставщиков – а также руководителей. Внедрение демократических процедур в трудовые коллективы советского образца было натужным, неуклюжим – хорошо помню выборы директора издательства, в котором работала, некоторую смуту, недоумение и брожение в коллективе, обоюдную неловкость избираемых и избирателей.

Эта демократическая практика у нас не прижилась – на мой взгляд, к счастью. Еще одно запомнившееся и не прижившееся начинание первых лет М. Горбачева – широкая антиалкогольная кампания. Ее авторы справедливо решили, что массовое пьянство и алкоголизм в конце концов приведут к вырождению народа, и широким взмахом руки перекрыли потоки производства и продажи спиртных напитков. К сожалению, под нож попали виноградники в винодельческих районах СССР. Кампания продлилась два года, принесла кратковременное улучшение демографических показателей и, конечно, массу анекдотов – несомненный плюс, поддерживающий душевный тонус населения.

Зато прижились кооперативы и индивидуальная трудовая деятельность – площадки, на которых выросли многие сегодняшние миллионеры. В Москве появились кооперативные кафе и рестораны – знаменитое кафе на Кропоткинской, которое быстро полюбила советская элита, китайский ресторан Мейхуа, уютный «Белый лебедь» на Сивцевом Вражке, куда мы могли иногда сходить всей редакцией... Кооперативное движение не спасло экономику, экономический рост замедлялся, товары на магазинных полках убывали, а о решении жилищной проблемы никто и не заговаривал.

Перестройка

Перестройка, в отличие от идеи ускорения, связанной с решением экономических задач, была более широкой концепцией. Она предусматривала не только радикальные экономические, но и политические преобразования, обновление идеологии. Однако задуманные экономические реформы не были реализованы – речь, в частности, о программах перехода к рыночной экономике Л. Абалкина (ее называли «арендизацией» экономики), а также С. Шаталина и Г. Явлинского «500 дней» (с последней мои близкие и друзья связывали немало надежд, желая обрести хозяйственную самостоятельность и начать строить собственное дело). Концепция регулируемого рынка, закреплённая постановлением Верховного совета СССР от июня 1990 г., умерла, не родившись.

Зато реформы политические и идеологические с мощью направленного взрыва снесли старую систему и открыли страну всем ве-

трам – свежим и не слишком. Вспомним реформу программы КПСС, отодвинувшей достижение коммунизма на довольно неопределенную перспективу, созыв Съезда народных депутатов, и ГЛАСНОСТЬ – да, именно так, прописными буквами, потому что для многих моих соотечественников перестройка и М. Горбачев ассоциировались как раз с гласностью.

Съезды народных депутатов произвели фурор в общественной жизни. Помню, что на работе и дома в дни заседаний не выключались телевизоры. Вряд ли самый популярный фильм мог бы сравниться по охвату аудитории, драматизму и остроте дискуссий с выступлениями политических звезд перестройки – Г. Попова, С. Станкевича, А. Собчака, Н. Травкина – имена новых перестроечных трибунов появлялись каждый день. В режиме прямой трансляции мы слушали выступления А. Сахарова. Замечу в скобках, что в СССР существовала традиция публиковать материалы съездов КПСС. Они издавались на самой лучшей плотной мелованной бумаге (нередко финской) в переплете пролетарского красного цвета с золотым тиснением. Миллионными тиражами. Материалы съездов народных депутатов тоже были изданы и стали абсолютным бестселлером – мне удалось купить заветные два тома стенограммы первого Съезда далеко не сразу. Цвет переплета стал бордовым, бумага – не такой вызывающе роскошной, шрифт названия – более строгим. Из подобных перемен и ежедневных событий складывалась наша новая жизнь.

В стране каждый день происходило что-то невероятное. Люди дышали полной грудью и впитывали дух перемен, наслаждались невиданной свободой читать прежде запрещенные книги, обсуждать неизвестные факты собственной истории и даже высказывать собственное, а не предписанное парткомом суждение.

Появлялись новые средства массовой информации, толпы читателей собирались у стендов газеты «Московские новости», чтобы найти в свежем номере очередную блестящую статью А. Кабакова, в «Огоньке» блистал В. Коротич. Все это происходило просто потому, что одному человеку, облеченному большой властью, существовавший порядок замалчивания, лжи и лицемерия показался несправедливым и бесчестным. И он нашел в себе силы и мужество его изменить. На Западе его назовут улыбчивым Горби. Энергичный и обаятельный советский лидер предложил миру «новое политическое мышление», увидел его единым, взаимосвязанным и взаимозависимым, с безусловным приоритетом общечеловеческих ценностей над любыми другими, с балансом интересов и совместным решением общемировых проблем. Сегодня мало кто боится ядерного удара – по крайней мере, гораздо меньше, чем коронавируса или изменений климата. М. Горбачев обеспечил нам тридцать лет контроля над ядерными арсеналами стран – членов ядерного клуба, и ядерная угроза потеряла остроту (во

всяком случае, так было до недавнего времени, когда продление договоров о ракетах средней и меньшей дальности и о стратегических наступательных вооружениях оказалось под вопросом).

Годы М. Горбачева не были легкими. Громадная страна, утратив железный стержень Коммунистической партии (чьей руководящую и направляющую роль в 1990 г. упразднил III Съезд депутатов, изъяв закреплявшую эту роль статью 6 из Конституции СССР), буквально трещала по швам. Социал-демократическая многопартийная система западного образца сама собой почему-то не возникла, а в союзных республиках начались мощные центробежные процессы – «парад суверенитетов», национальные конфликты, в которых руководство страны прибегало к военной силе. Прилавки магазинов пустели еще быстрее, чем до перестройки, а старшее поколение вновь увидело памятные с военных времен талоны и карточки.

В 1990 г., получив свой первый заграничный паспорт, я поехала в Прагу, где жила семья моей сестры – ее муж работал в торговом представительстве СССР. Перед возвращением домой сестра спросила, что я хотела бы купить, и я ответила, не задумываясь, – еды. Много позже она сказала мне, как сильно тогда испугалась.

Через очень короткое время Чехословакии не стало – появились Чехия и Словакия, как не стало и Югославии. И, главное, не стало СССР. Торговые представительства постепенно исчезли, экономические связи (равно как и почти все прочие) со странами социалистического блока были свернуты. Зато вместо двух Германий на карте вновь появилась одна. В те годы советские войска ушли не только из Афганистана. Они ушли и из Германии, распалась военная Организация Варшавского договора, в Европе же основательно и с большими удобствами расположились войска НАТО. В широком смысле Советский Союз ушел отовсюду, получив взамен дружелюбные улыбки мировых лидеров и немножко гуманитарной помощи.

Памятники и памятное

Сам М. Горбачев удостоился памятника, даже двух. Первый – бюст в группе «отцов немецкого единства» в Берлине, вместе с Дж. Бушем и Г. Кодем, к 20-летию объединения Германии. Немалая ирония состоит в том, что в Варшаве возвели памятник президенту США Р. Рейгану – в знак признательности за его неоценимую поддержку движения «Солидарность». Второй памятник, уже в полный рост, появился в Германии совсем недавно. М. Горбачев держит в руках молоток, вероятно, символ разрушения стены. Не буду обсуждать художественные достоинства и идейные послылы памятника, но отмечу, что немцы умеют признавать ответственность и быть благодарными. Они не просто признают свою ответственность за нацизм, но готовы

расплачиваться за старые ошибки. Как раз в годы М. Горбачева они провели масштабные выплаты тем, кто в период Великой Отечественной войны был угнан в Германию на принудительные работы.

Германия подала пример того, что политика и этика не должны существовать отдельно друг от друга. К сожалению, в большинстве случаев связи между ними не прослеживаются, и тому тоже есть пример, из тех же лет, очень наглядный и памятный. Вывод войск из Германии и поддержку объединения «без предварительных условий» ставят в вину М. Горбачеву не менее часто, чем распад СССР. Вновь подчеркну, что его решения оценит история. Их часто называют опрометчивыми и ошибочными для политика подобного уровня, однако они совершенно понятны и даже естественны для обычных людей – наших соотечественников. Многие из нас склонны безоглядно доверять людям, к которым приходят с открытой душой и подарками от всего сердца, не требуя ничего взамен, лишь ожидая увидеть такую же душу нараспашку... В том случае вышло совершенно наоборот, вероятно, партнеры понимали этику совсем не так, как ее понимают в России.

Так что же я расскажу о временах М. Горбачева будущим внукам? Расскажу, как мы выживали в трудные времена, как варили дома сыр, получали сахар по талонам. Покажу свои самые любимые и до сих пор используемые сковородку и форму для пирогов, сделанные на уральском оборонном заводе по действовавшей тогда программе конверсии – как многие считают, нанесшей огромный вред нашему ВПК. Расскажу, что симпатичный узбек, который продает сухофрукты в ближайшем магазине и говорит по-русски, приехал из Самарканда, узбекского города, в котором когда-то жили мои русские бабушки.

Но одна история будет совсем особой. Мой папа часто рассказывал, что у него в детстве была удивительная книга Э. Сю о странствиях Вечного жида – Агасфера, которую он зачитывал до дыр. От времен папиного детства ничего не осталось: мой дед, крупный партийный работник, в 1938 г. был расстрелян, а семья репрессирована – вместе с бытом, библиотекой и собакой. В 1990-м на переходе между станциями «Боровицкая» и «Библиотека им. Ленина» я остановилась у книжного развала – и не поверила своим глазам. Передо мной лежал «Агасфер», репринт издания 1930-х, того самого, папиного – вещь, совершенно невозможная в нашей жизни до М. Горбачева. Я не стала дожидаться повода или праздника – сразу отдала книги отцу. Его лицо я никогда не забуду... Так новый лидер страны, сам того не ведая, вернул один из долгов своего предшественника и антипода конкретному человеку.

История продельывает удивительные виражи и зигзаги, и тех, кому выпало быть кормчими в ее бесконечном бурном потоке, рассматривают пристально и судят сурово. И все же – подождем судить. Но не забудем сказать спасибо Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

А. Бунич

ПЕРЕСТРОЙКА – КУЛЬМИНАЦИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Реформы М. Горбачева, к сожалению, не получили пока должного признания. Обсуждение истории СССР 1985–1991 гг. обычно сводится в современной России к традиционным обвинениям в предательстве и развале страны: «сдал», «слил» и так далее. В действительности проблема значительно сложнее, однако в идеологических и популистских целях сводится к примитивным клише. Скорее всего потому, что подобные объяснения ближе сердцу многих представителей сегодняшней элиты – «сдавать» и «сливать» – это то, что они как раз могут понять, поскольку сами в этом варятся, и ничего другого не представляют. Для обывателей этого тоже достаточно, нет желания вдумываться и глубоко анализировать.

По объективным законам истории

Для начала следует прояснить уровень происходивших тогда перемен. Например, известный британский историк Э. Хобсбаум в основу своей классификации фактически положил события 1991 г. Так, в его интерпретации XX в. – «короткий», начинается в 1914 г. и заканчивается в 1991 г., в противоположность «долгому» XIX в., который по мнению Э. Хобсбаума, начал свой отсчет с Французской революции 1789 г. и длился до 1914 г. Таким образом, советский эксперимент выступает как основа всего столетия, важнейший феномен мировой истории, логическое продолжение процесса, начатого еще Французской революцией. Мне представляется это вполне разумным.

Исходя из такого принципа, события перестройки, 1991 г. – это кульминация мировой истории, явление, подводящее итог попытке построения коммунистического общества, а также имеющее чрезвычайное геополитическое значение (масштаба двух мировых войн,

Бунич Андрей Павлович – кандидат экономических наук, глава Союза предпринимателей и арендаторов России (г. Москва).

Ялты и Потсдама). Ф. Фукуяма тогда вообще провозгласил «конец истории». Могло ли произойти подобное без соответствующих объективных предпосылок, закономерностей, движущих сил – просто спонтанно, по воле (тем более, по вине) одного лица, или небольшой группы лиц? Марксистский подход – исторический материализм – полностью исключает подобную трактовку, а ведь многие критики М. Горбачева – ортодоксальные коммунисты, и должны были бы опираться при анализе на учение своих классиков.

Но даже если мы возьмем либо идеалистическую трактовку истории (к примеру, Г. Гегеля), либо встанем на религиозно-теологическую основу с ее предопределением и Божественным замыслом, либо воспользуемся эволюционной теорией, либо станем рассуждать с позиций прогрессизма, всегда и везде будем сталкиваться с необходимостью постижения глубинных сдвигов, причин, процессов, целей – для постижения истории, если мы хотим увидеть в ней смысл. Поэтому М. Горбачев мог лишь определенным образом направить развитие, но никак не отменить или по своему усмотрению определить то, что в принципе должно произойти. Сама его личность сформировалась по объективным законам истории. Тот, кто это отрицает, отрицает вообще смысл в истории и сводит все к игре случайных сил и конкретных личностей.

Главные же вопросы – был ли тупиковым коммунистический проект, какие были потенциальные возможности трансформации и в какой степени они были реализованы? На эти вопросы и надо отвечать. В противном случае возникает детская картинка: жил-был могучий Советский Союз вместе с мировой социалистической политической системой и коммунистическим движением во всем мире, все было прекрасно и здорово, но тут откуда-то объявился нехороший М. Горбачев и в течение нескольких лет один из двух полюсов мира рухнул! На самом деле противоречия в СССР появились не при М. Горбачеве, а гораздо раньше.

За эффективное хозяйствование

Прежде всего, это касалось экономического базиса. Советская экономика требовала кардинальных реформ как минимум лет за 25 до прихода М. Горбачева. Созданная И. Сталиным система практически не претерпела никаких серьезных изменений. В основе это была мясорубка, которая нуждалась в бесконечном потоке человеческого фарша. Все попытки реформ до М. Горбачева не затрагивали экономическую суть, изменения были лишь в правилах функционирования аппарата. Номенклатура устала превращаться в фарш и заключила своеобразный пакт о неистреблении – сначала при Н. Хрущеве, затем при Л. Брежнев. Все остальное в административно-командной системе сохранялось до 1980-х годов практически полностью, косыгинская реформа не в счет, поскольку это была косметическая процедура.

Проблема возникла давно, так как без тотального страха и перидических «жертвоприношений» вся дикая конструкция начинала заваливаться: внутренних экономических стержней, мотивов в ней было немного. И. Сталин скорее реализовал не учение Маркса-Энгельса, а идеи раскритикованного когда-то Ф. Энгельсом малоизвестного немецкого профессора Е. Дюринга, который как раз предлагал силовое, административное вмешательство и руководство хозяйством. Пресловутая «сталинская» экономика, которую пытаются проповедовать некоторые деятели, смахивала больше на империю древних ацтеков, известную кровожадностью и неслыханными массовыми человеческими жертвами. Как только в 1950-х годах страха не стало, кровь перестала литься – все начало гложуть. Нужен был другой механизм, основа которого – интересы людей, но его создать никто особо не пытался.

Фактически требовалось превратить систему, основанную на внеэкономическом принуждении, в живую сеть стимулов и интересов, при этом не утратив политической власти и не потеряв управляемости, – нетривиальная задача. Но партия надолго занялась аппаратными дрызгами, и лишь в 1980-е годы геронтократы неожиданно столкнулись с тем, что «так жить нельзя», потому что «мы не знаем страны, в которой живем». Тут и возник М. Горбачев. Такова была реакция системы, результат длительной эволюции. Система же, как известно из кибернетики, во-первых, никогда не производит изменений, пока есть возможность функционирования по-прежнему, а во-вторых, все изменения производит исключительно для самосохранения.

Поэтому М. Горбачев действительно был идеальным для системы руководителем на данном этапе, причем выражавшим интересы наиболее прогрессивных, но опять-таки, системных сил. Просто болезнь развивалась сначала в скрытой форме (при И. Сталине), затем в хронической (при Н. Хрущеве и Л. Брежнев) и, наконец, вошла в острую фазу. Или, если оперировать теорией катастроф, перестройка – это переход в «режим с обострением», предпосылки для которого вызревали очень долго.

Историческим фигурам, которые выдвигаются в такое время, не позавидуешь. Они должны принять на себя весь риск и ответственность за многолетнее бездействие или даже вредную деятельность предшественников, причем будут гарантированно прокляты, тогда как реальные виновники провала преспокойно сошли в могилу и остались в народной памяти как положительные герои: ведь ухнуло не при них, а позже. Такова ирония истории.

Ко времени М. Горбачева социалистическая экономика накопила множество дисбалансов и неразрешимых (в рамках старой парадигмы) противоречий. Конечно, противоречия были не только экономические, но и политические, международные, идеологические, нацио-

нальные и прочие, но пока экономика позволяла покрывать скрытые убытки, можно было существовать. Поэтому-то экономический кризис означал и тотальный кризис системы. Проявились все пороки «реального» социализма. Главное, что выяснилось – система была чудовищно неэффективной. Дело в том, что ее каркас, сохранившийся от И. Сталина, изначально не мог быть эффективным. Абсолютная мифология, что И. Сталин – эффективный менеджер.

Эффективность – это соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами или достижение определенных результатов с минимально возможными издержками, или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов и т.д. И. Сталин никогда не мыслил в этих категориях. Он мог убить и ограбить сколь угодно большое количество людей, потратить неограниченные ресурсы, плюс никто не мог определить, максимальный это результат или нет, а если кто и пытался, получал пулю. Издержки и реальные результаты (в соотношении с затратами) были неизвестны, а на самом деле представляли собой чудовищную растрату сил, средств, жизней, институционального ресурса общества.

Поэтому у М. Горбачева было всего два варианта: продолжать «эффективное» хозяйствование, начать репрессии, закручивать гайки, попробовать жертвоприношения или начинать экономические реформы. Возможно, номенклатура и не дала бы ему пойти по кровавому пути, даже если он захотел бы, поскольку номенклатурный консенсус к этому времени уже был против мясорубки. В любом случае он пошел правильным путем.

Уже в 1986 г. легализовали частное предпринимательство, в 1987 г. начали появляться кооперативы, в 1989 г. дело дошло и до госпредприятий, которые стали массово переходить на аренду. Одновременно возникла рыночная среда – совместные предприятия, биржи, частные банки. Важную роль играла «комсомольская экономика» – система центров НТТМ... Все это время популярность М. Горбачева росла, причем он опирался на прогрессивные слои общества – молодежь, активных людей из интеллигенции, прежде всего научно-технической. Миллионы людей граждан наконец получили возможность легально зарабатывать, развиваться. Это было краткое, но прекрасное время свободы и надежд.

Спротивление перестройке

Совершенно оправданно М. Горбачев проводил и политику гласности – просыпавшаяся страна нуждалась в свежих мыслях и дискуссиях. Ведь с 1930-х годов общественные науки были фактически парализованы, произошла «сталинизация» гуманитарной сферы – процветали догматика и начетничество. Это прежде всего касалось экономи-

ческой мысли, а также истории, философии, других идеологических дисциплин. Гонениям мракобесов подверглись даже некоторые негуманитарные области знания, особенно генетика и кибернетика. Это сдерживало общее экономическое развитие, страна стала отставать идейно. Так что гласность лишь пробудила общественное сознание, обеспечила творческое пространство информации и знания, а во все не была направлена на «очернение». Конечно, некоторым глупым людям так казалось, поскольку они просто не могли сразу осознать столько нового. К несчастью, появились вскоре и политические силы, которые использовали невежественную толпу в своих играх.

Речь идет о номенклатурном сопротивлении реформам. В руководстве КПСС сохранялось влиятельное «фундаменталистское» реакционное крыло, которое выступало либо вообще против любых реформ, либо требовало повернуть время вспять и идти обратно, к И. Сталину. В отличие от М. Горбачева, который опирался на прогрессивные силы номенклатуры, это были консервативные силы. Номенклатура вообще, согласно теории Дж. Гелбрейта была советской «техноструктурой».

Подобно двуликтому Янусу номенклатура имела как технократическое, прогрессивное лицо, так и чисто аппаратное, паразитическое, интриганское – объединяющее людей, которые со времен любимого ими И. Сталина ничего не умели, кроме организации бесконечных заговоров. В новую жизнь они обоснованно боялись не вписаться из-за своего делового, интеллектуального и морального убожества. Поэтому и занялись тем единственным делом, которое умели делать: начали готовить заговор против М. Горбачева. При этом косная часть общества стала для них опорой: за два поколения советская власть взлелеяла миллионы бездарей, лодырей, вертухаев и стукачей, переживающих, что останутся без кормушки (как сейчас выясняется, волнения были напрасными).

В этой обстановке ростки новой жизни, едва проявившись, встречали ожесточенное сопротивление на всех уровнях. Все двигалось не то чтобы медленно, но неуверенно, как-то нерешительно. Параллельно возникло еще одно движение – радикальных демократов во главе с Б. Ельциным, которые пытались перехватить инициативу у М. Горбачева, играли на опережение. В итоге номенклатура разделилась на три условных отряда. Во-первых, М. Горбачев и те, кто ориентировался на него. Во-вторых, те, кто понимали, что трансформация неизбежна, но пытались сохранить и Союз, и партию, – «ортодоксы» (догматики, сталинисты). Их интересовала только собственная власть, они тупо мешали, не имели внятной программы, кроме очередного ГУЛАГа, что было невозможно. В-третьих, демократы, те, кто был готов на любые жертвы вплоть до развала СССР и ликвидации КПСС.

В итоге вторая и третья группы тайно объединились против первой, сначала при избрании Б. Ельцина председателем Верховного Со-

вета России в июне 1990 г., затем во время путча 19 августа 1991 г., далее случилось то, что случилось – и КПСС, и СССР перестали существовать. Впоследствии, в октябре 1993 г., третья группа окончательно разделалась со второй, и началась современная эпоха.

Вернемся к главному вопросу, на который надо ответить: был ли исчерпан во всемирной истории коммунистический эксперимент? Думаю, в том виде, как он осуществился в 1917–1991 гг., «реальный социализм» все же был обречен. Исчерпана ли коммунистическая идея вообще? Возможно, нет. Ведь даже у Бога получилось только со второго раза – потребовался всемирный потоп, Ноев ковчег. Может быть, и придет когда-нибудь социализм-коммунизм 2.0.

Безусловно, развал СССР в варианте М. Горбачева был бы более мягким, произошла бы трансформация в некое подобие ЕЭС (намеренно не буду останавливаться на национальных и международных аспектах, они лишь добавляют противоречий и сложностей). Даже вполне реально было сохранить каркас КПСС, постепенно преобразуя ее в другие партии России и стран обновленного Союза. Экономические потери и страдания населения были бы меньше, приватизация могла быть проведена более рационально и справедливо... Но М. Горбачев не имел возможности закончить, поэтому можно рассуждать только гипотетически.

Справедливости ради отметим, что могло быть не только несколько лучше, но и намного хуже. Пример Югославии весьма памятен. В любом случае суть не меняется, главную битву за XX в. и будущее коммунизм проиграл. Поэтому версия о «предательстве» М. Горбачева – не что иное, как попытка избежать серьезного анализа причин поражения СССР. Как сказал Дж. Сантаяна: «Тот, кто не помнит (добавим от себя – не понимает) своего прошлого, обречен пережить его вновь». Также нелепо утверждение, что СССР развалился потому, что М. Горбачев начал реформы, перестройку, гласность. Все наоборот: СССР развалился потому, что сам М. Горбачев появился слишком поздно; потому, что не хватало сил осуществить более решительные экономические преобразования; потому, что интриги и заговоры мешали и не удалось довести дело до конца. Именно те, кто воспользовались моментом, как раз и пошли на гораздо большие уступки Западу, чем требовала обстановка, такие уступки, которые М. Горбачев даже не обсуждал...

Н. Вардуль

РЕФОРМЫ ИЛИ ВЛАСТЬ?

Эра М. Горбачева – это не история. Это уникальный образец политического выбора. Окрыляющего, изменяющего все вокруг и, конечно, драматичного, а поэтому во многом оболганного. Теми, кто никогда не смог бы сделать такой выбор. Не реформаторами, а охранителями, для кого главный приоритет – не лучшая жизнь страны, а сохранение своего положения в ней.

Реформатор – всегда трудная доля. Фраза М. Горбачева: «Главное – начать!», ушедшая в фольклор и анекдоты, на самом деле кредо настоящего реформатора. Надо осознать, что альтернативы реформам нет. Осознав же, пуститься в трудный путь, который становится самоценным. Только так и проводятся великие реформы.

Слова «великие реформы» сразу ассоциируются с реформами Александра II. Соответствующую параллель мы еще проведем, но сначала сравним сделанное М. Горбачевым и Дэн Сяопином.

Китайский опыт

Важно найти шкалу сравнения. Пусть она будет такой: как поступали два великих реформатора в переломные моменты.

Перестройка М. Горбачева, по сути, привела к революции – во всяком случае власть КПСС и построенный ею социализм на ней закончились. Вопрос: мог ли М. Горбачев силой остановить такое развитие событий? Возможно, однако принципиально важно, что он и не пытался это сделать. Выбирая между сохранением собственной, безграничной на момент начала перестройки, властью и изменениями, бурно проходившими в стране, он объективно сделал выбор в пользу перемен.

Николай Владимирович Вардуль – кандидат экономических наук, экономист и публицист (г. Москва).

Дэн Сяопин поступил иначе. 4 июня 1989 г. на знаменитой пекинской площади Тяньаньмэнь закончилось многомесячное открытое противостояние китайской власти и сотен тысяч протестовавших против коррупции, инфляции и роста неравенства. Закончилось большой кровью. Разгон митингующих силами армии, танков и полиции привел к гибели 7–10 тыс. человек, по западным оценкам, или 200 человек, как официально сообщил Пекин (точное число жертв вряд ли когда-нибудь станет известным).

Кровь, пролитая в Пекине, – неотъемлемая часть китайского реформаторского опыта. Знаменитые реформы Дэн Сяопина были начаты за 11 лет до этих событий. И в Китае, как и в СССР, их отнюдь не встречали исключительно «нескончаемыми аплодисментами». Стояние на Тяньаньмэнь – свидетельство массового протеста, политически незрелого и практически никак не организованного, хотя среди лозунгов Тяньаньмэня был, например, и такой: «Долой диктатуру!».

Дэн Сяопин не остановился перед применением силы и не пошел ни на какие «либеральные» уступки в политике, в полном объеме сохранив свою власть. Драматургия истории в том, что 15–18 мая 1989 г., в момент, когда противостояние на Тяньаньмэнь приближалось к точке кипения, в Пекине с официальным визитом находился М. Горбачев. Известно, что протестующие пригласили его на митинг, но он предпочел приглашение проигнорировать.

Кто прав – Дэн Сяопин, вошедший в историю как великий, но кровавый реформатор, или М. Горбачев, выбравший продолжение реформ, а не удержание власти любой, включая применение вооруженной силы, ценой?

В политике ценен результат. Дэн Сяопин по праву считается архитектором экономического подъема своей страны. Китай – вторая по валовым показателям экономическая держава мира, и уже поэтому с ней невозможно не считаться в том числе и в политике. Результаты России несопоставимы.

В соревновании с М. Горбачевым победил Дэн Сяопин. Но есть как минимум два уточнения. Первое. На хрестоматийный вопрос – стоит ли тот или иной политический курс того, чтобы ради него были разом и вне всяких правовых процедур убиты сотни безоружных людей, – есть два ответа. Западный: ни один современный политик не может допустить в своей стране что-то, хотя бы отдаленно напоминающее события 4 июня 1989 г. в Пекине, во имя чего бы то ни было. Ограничители ему ставит демократия. Восточный ответ: пусть приговор вынесет время.

Еще один вопрос: в какой системе координат человек чувствует себя в большей безопасности? Ответ на него, как мне кажется, следует обязательно учитывать при вынесении решения об итогах соревнования реформаторов.

Второе уточнение. Если власть дороже продолжения реформ или, во всяком случае, их распространения в новые сферы (от экономики к политике), где гарантия, что власть не вырождается в диктатуру, и все не пойдет по сценарию бессмертной сказки Е. Шварца «Дракон»? Исторических примеров, свидетельствующих о том, как эта сказка становилась былью, хоть отбавляй. В современной России на государственном уровне принято считать: лучше пусть остается диктатор, чем его свержение с сопутствующим революции периодом острой внутренней борьбы. Так оценивается, например, «арабская весна». Эта позиция заявляется, что называется, на экспорт. Но если ее принять за базовую, тогда перед реформами рано или поздно опускается шлагбаум, оставляющий открытой одну дорогу – к диктатуре.

Но ведь у Китая получилось! Однако это уже заслуга преемников Дэн Сяопина. Хотя, строго говоря, угроза диктатуры, сначала мягкой, а потом костенеющей, в Китае сохраняется. Так что на длинной исторической дистанции спор М. Горбачева с Ден Сяопином не закончен.

Две модернизации

Теперь сравним перестройку с великими реформами Александра II. Главное: и то, и другое – модернизационные проекты.

Россия/Советский Союз знали разные модернизации. Первыми обычно упоминаются петровские преобразования и сталинская индустриализация. Действительно, первый российский император и первый секретарь-генералиссимус добились грандиозных перемен. При ранее невиданных масштабах затрат прежде всего «человеческого материала». Так что фундамент этих перемен сложен буквально из костей. Крепостных – при императоре, крестьян и заключенных – при генсеке. Есть прямая параллель: демидовским мануфактурам «отписывались» целые деревни с бесправными крепостными, которые стали родоначальниками российского пролетариата, точно так же ГУЛАГовские строители вместе с «шарашками» – двигателями самых амбициозных сталинских проектов. В обоих случаях налицо усиление угнетения. Значит, такая модернизация оказывается с изъяном, потому что главное в ней – развитие не столько технико-экономических показателей, сколько прогресс самого социума.

Этому критерию в гораздо большей мере соответствует другой модернизационный вектор, заданный великими реформами и перестройкой.

Этот тип модернизации в условиях нашей страны оказался еще более драматичным. И Александр II, и М. Горбачев пережили бурю общественных восторгов. Александр II стал царем-освободителем. Первые шаги его реформ активно поддержал герценовский «Колокол» – в то время главный идейный рупор оппозиции и вместе с тем популярнейший, в том числе и у российского чиновничества высших рангов, ор-

ган массовой информации. М. Горбачев стал признанным гражданином мира. Но Александр II спустя 20 лет после начала великих реформ был убит народовольцами, а деятельность М. Горбачева в современной России официально оценивается скорее со знаком минус.

Но модернизация стране и во второй половине XIX в., и конца 1980-х годов была жизненно необходима. Главное, что сделал Александр II, – ликвидация крепостного права. Главное, что подготовил М. Горбачев, – ликвидация тоталитарного советского строя. Главный вектор перестроечных перемен: дальше от диктатуры, ближе к демократии.

При этом и реформы Александра II, и реформы М. Горбачева имели внутренние провалы. Главный провал великих реформ – решение земельного вопроса при освобождении крестьян. Они были освобождены без земли. Формально свободные крестьяне – подавляющее большинство жителей России – оказались лишены права собственности на землю (от нее крестьянина отделяла община). Не имея своей, невозможно уважать чужую собственность – это было зерно будущих революций, потрясших Россию в начале XX в. Главный провал перестройки – не столько крах СССР, сколько неготовность и неумение построить на его месте другое государство, в котором права людей не просто провозглашались бы, но при соответствующей защите становились двигателем дальнейшего развития общества. Однако, скорее, это задача постперестройки.

Впрочем, это те провалы, которые не перечеркивают достижений. Как, например, великие реформы вернули Россию на исторически магистральный путь развития после паузы, взятой в царствование Николая I. Тогда был выдвинут политический лозунг: «Россия – не Европа!», в том числе приведший к Крымской войне и к шокировавшему страну поражению в ней, которое зафиксировало масштаб исторического отставания России от развитых стран. Так и перестройка, закрыв социалистический эксперимент, сделала нашу страну государством с общечеловеческими ценностями, с человеком, представляющим собой не «винтик», а в полном смысле слова самостоятельную личность. Тот факт, что преимущества этого выбора мы до сих пор не ощутили и, более того, норювим опять свернуть на «особый путь», – уже ответственность совсем не М. Горбачева.

Кто-то наверняка скажет: «Ну и что? Разве можно сравнить результаты перестройки со сталинской индустриализацией или с великими реформами!».

Сравним. Начнем с реформ Александра II. Их модернизационный эффект – это и есть в целом успешное развитие России вплоть до накативших на страну волн войн и революций. В которых, кстати, есть след ошибок тех же реформ.

Модернизация Александра II исторически все-таки окончательно не опоздала, при этом сохранила основы государственного устройства: страна как была, так и осталась самодержавной империей.

С перестройкой сложнее. Она прямо привела к революционным изменениям. Но это вовсе не ее крах. Сейчас едва ли не каждая революция называется «цветной». Но тогда первой «цветной революцией» стала российская – 1991–1992 гг. Ее можно было бы назвать «революцией подснежников», но надо не замыкаться в собирании «гербария» революций, не искать всюду след ЦРУ, а понять, что с развитием общества меняются и революции. Российскую начала 1990-х годов не объяснишь, опираясь на знания, почерпнутые из истории КПСС. Где здесь класс-гегемон? Если революция буржуазная, то где она, буржуазия? Неужели ее двигателем были бывшие цеховики или только проклюнувшиеся кооператоры? И уж никакое ЦРУ не могло бы вывести на центральные площади Москвы в 1989 г. сотни тысяч людей.

Суть в том, что такая «цветная» революция есть одна из ипостасей модернизации. Главная доминанта развития – уже не борьба эксплуатируемых классов с эксплуататорскими. Двигателем социального прогресса стала эффективность. И, что важно, эффективность, очищенная от большой крови.

Советский Союз рухнул под грузом собственной неэффективности. Это наследство в том числе сталинской индустриализации. Тогда была заложена модель развития, в которой принимаемые решения взвешивались не на весах эффективности, а на весах соответствия «линии партии», которую определял лично И. Сталин. Он преуспел в том, что сумел добиться максимального результата при минимальном использовании демократических начал. В этих условиях результативность его модели была предельной. Поэтому дальше его наследники были вынуждены по формуле «шаг вперед – два шага назад» осторожно экспериментировать с запуском демократических стимулов развития. В этом был один из источников будущей перестройки.

Но с самой перестройкой, если ее сравнивать со сталинской моделью, получилось с точностью до наоборот. Она не показала не то что предельных, а просто нормальных результатов, выражающихся в прогрессе социально-экономического развития страны и в качестве жизни населения. Почему?

М. Горбачеву, в отличие от Дэн Сяопина, не повезло с наследниками. Мощный демократический потенциал его перестройки оказался невостребованным, не поддержанным государственным строительством соответствующих институтов. Власть испугалась, увидев в обращении к этому потенциалу угрозу для себя. В результате демократия практически официально сегодня объявлена едва ли не тупиковой ветвью эволюции.

Но это никак не снимает с повестки дня задачи модернизации страны. Значит, детище М. Горбачева – перестройка – остается незавершенной.

В. Выжутович

СУДЬБА РЕФОРМАТОРА

М. Горбачев был последним генсеком ЦК КПСС и первым президентом СССР. В этом ключ к разгадке его политической судьбы. И одновременно – к пониманию олицетворенной им эпохи. «Процесс пошел»... «Не надо раскачивать лодку»... «Нам тут подбрасывают»... Почему это вошло в политический фольклор, стало легкой добычей пародистов? Потому что звучала живая речь – прежние лидеры СССР были не в состоянии без бумажной «партитуры» публично исторгнуть из себя даже «дорогие товарищи!». Да и вообще последний генсек оказался самым свободным в своих человеческих проявлениях, самым открытым, а посему и самым уязвимым (и для партаппарата, и для народной молвы) из советских вождей.

Придерживаться большинства – не значит игнорировать меньшинство

Предъявлять М. Горбачеву исторический счет за то, чего он не сделал или сделал не так, можно сколько угодно. Но подобной «бухгалтерией» если и заниматься, так только на трезвую голову. То есть с пониманием тогдашних реалий. И с пониманием человека, на глазах у всего мира совершавшего не просто статусное, но и трудное внутреннее преобразование из руководителя партии, авангардная роль которой была закреплена в Конституции, в президента, отменившего политический монополизм. Поколение Z вряд ли себе представляет тот объем власти, каким обладал генсек ЦК КПСС на одной шестой части суши. Так что эти ребята едва ли могут сполна оценить подвиг советского владыки, ради затеянных им преобразований добровольно пожертвовавшего своим абсолютным владычеством.

25–31 июля 1986 г. М. Горбачев совершал турне по Дальнему Востоку. Я работал тогда в «Литературной газете» и был в числе журна-

листов, освещавших эту поездку. До сих пор помню, как в Дальневосточном научном центре его глава академик В. Ильичев докладывал о работе здешних ученых. Говорил очень тихо, по писаному, идя в фартватере заранее заготовленной речи. Когда закончил, что-то словно оттаяло в нем, он смутился и произнес неожиданно громко: «Я ведь, Михаил Сергеевич, когда-то, в молодости, голос имел. Говорил откровенно, все как есть, в бумажку не заглядывал. После, знаете ли, отвык. Отучили». Об этой поездке М. Горбачев потом расскажет в своей книге «Жизнь и реформы»: «Поездка помогла также понять, что происходит далеко от Москвы, как там воспринимают перестройку. Ответы оказались неутешительными: надежды людей на перемены не находят никакого отклика в партийных и управленческих структурах, чиновная знать инстинктивно или сознательно саботирует перестройку, не желает решать даже простейшие вопросы».

Спустя без малого двадцать лет после дальневосточного визита я брал интервью у М. Горбачева для «Российской газеты» по случаю его 75-летия. Приступая к беседе, мы условились не говорить о перестройке, августовском путче, распаде СССР и прочих событиях, знаменовавших конец советской эпохи: на эти темы мой собеседник уже многократно высказывался. На предложение же поговорить о новых явлениях в мировой и российской действительности он охотно откликнулся. Правда, был, как всегда, осторожен и обтекаем.

Я спросил его: «Почему вы так редко комментируете политику Путина?» Он ответил: «Если проанализировать сделанное Путиным, мы увидим, что это социал-демократическая программа. Это то, что нам надо. ... То, что сделал Путин для России, уже в историю вошло и за ним записано. Он из хаоса вытащил расползавшееся государство, когда и армия, и федерация, и экономическая, и социальная системы – все было в распаде». Еще вопрос: «До какого предела президент должен ориентироваться на большинство?» Спрошено было за шесть лет до Болотной, за семь – до «двушечки» «кошунницам» (Pussy Riot), за пятнадцать до внезапного «нарушения обмена веществ» у «берлинского пациента».

Сегодня ответ М. Горбачева на этот вопрос прозвучал бы гораздо определеннее и смелее, чем в 2005 г., а, скорее всего, от такого ответа Михаил Сергеевич вообще воздержался бы: «Придерживаться большинства – не значит игнорировать меньшинство. Тем более, что меньшинство – это обычно самая продвинутая, думающая часть общества. С этими людьми подчас нелегко разговаривать, я сам это пережил, знаю. Но без их участия власть не решит ни одной важной задачи. И надо уметь с ними строить отношения».

Почему М. Горбачев, а не кто-то иной из последней череды генсеков, членов Политбюро дозрел до осознания неотложной потребности в переменах? Думаю, возраст. Не в том лишь смысле, что 54-летний се-

кретарь ЦК по сельскому хозяйству, вдруг получивший в руки страну, был во всех отношениях не чета кремлевским старцам. Я говорю «возраст», имея в виду прежде всего тот факт, что в отличие от Л. Брежнева, Ю. Андропова, К. Черненко М. Горбачев начал свою карьеру в год XX съезда. Выпускник МГУ, еще недавно с неподдельным душевным трепетом писавший сочинение «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет», пережил, как сам теперь признается, сильнейшее потрясение от доклада Н. Хрущева. Антисталинская прививка, полученная в ранней молодости, как видно, оказалась полезной. Возможно, именно с той поры М. Горбачев стал постепенно проникаться верой (кто-то скажет – иллюзией), с которой не расстался до сих пор. Верой, что возможен другой социализм – с человеческим лицом.

Эпоха полдорожья

Как бы то ни было, М. Горбачев сделал то, что сделал. Он внедрил гласность как способ преодоления долголетней, пропитанной страхом общественной немоты и повального двоемыслия. Это ведь гласность послужила катализатором всех прочих перемен и оказалась самым действенным разрушителем советской системы.

Он утвердил свободные выборы на альтернативной основе. Знаменитый Съезд народных депутатов СССР стал предтечей рожденного уже при Б. Ельцине полноценного российского парламента.

Он возродил ликвидированную большевиками многопартийность.

Он вывел войска из Афганистана. И положил начало договоренностям о выводе советской группы войск из воссоединенной при его содействии Германии.

Он поднял шлагбаум для свободного передвижения своих соотечественников по миру.

Он... нет, не прорубил – открыл окно в Европу, убрав железный занавес, причем отнюдь не за тем, чтобы «отсель грозить» тому ли, иному «надменному соседу». Внешнеполитическим курсом под названием «новое мышление» был разрушен окаменевший в мировом сознании образ СССР как осажденной крепости (Р. Рейган, посетив Москву в 1988 г., сказал, что не считает охваченный перестройкой Советский Союз «империей зла»). Мало? Для президента, мучительно, по капле выдавливавшего из себя генсека (помните, как он осаживал А. Сахарова, которого сам же вернул из горьковской ссылки?), даже перебор.

Впрочем, те, кто «подбрасывал», перебора не ощущали. Наоборот, пеняли (уже можно было открыто пенять) М. Горбачеву за нерешительность, стремление «усидеть на двух стульях», половинчатость всех его начинаний. Чтобы пойти на радикальные шаги, «архитектору» перестройки недоставало внутренней отваги? Возможно. Но, полагаю, тут было и другое. Взвешенность (горбачевская, фирмен-

ная). Просчитывание последствий. И – осторожность. Осторожность, шедшая, надо думать, еще и от знания русской души, в которой спокон веку изумительно уживаются и оглядчивая боязнь перемен, и разудалая готовность крушить все разом.

В сущности, вся горбачевская эпоха – эпоха полдорожья. Эпоха между «еще» и «уже». Чем была гласность? Перегоном между цензурой и свободой слова. Первые кооперативы? Транзитом на пути от государственной собственности к частной. Какую же духовную эволюцию пережила интеллигенция, решительней прочих слоев населения поддерживавшая М. Горбачева? Процесс поэтапного освобождения передовых умов от догматов коммунистической веры запечатлелся в названиях тогдашних сценических творений.

Таких, например, как ленкомовский спектакль «Диктатура совести». Еще диктатура, но уже – совести. До сжигания своих партбилетов в прямом эфире «прорабы» перестройки дойдут позже, в год крушения СССР. До горьких прозрений и самобичевания (литератор Л. Сараскина: «Мы доказывали Западу, что не хотим больше быть пугалом и вести себя как мировой жандарм. И мы стали дымовой завесой для тех, кто под шумок распродал все направо и налево, кто вооружил Чечню, кто обескровил промышленность и пустил страну по миру») – спустя лет пятнадцать.

Однако как схожи были намерения двух советских лидеров, в разное время по-своему пытавшихся что-то подправить в стране! Н. Хрущев развенчивал культ И. Сталина ради укрепления советской системы. М. Горбачев боролся с брежневским застоєм ровно с той же целью. Преодолеть застойные явления. Придать ускорение экономике. Внести элементы демократии в политическую и общественную жизнь. При этом основ не ломать. Перестраивать здание социализма, и не более.

Что оно перестройке не поддается, стало ясно не сразу. Но как только из фундамента были вынуты краеугольные камни (страх, партийное всевластие, цензура), началось обрушение. Обнажились социальные язвы. Вырвались на поверхность годами загоняемые под спуд национальные проблемы и противоречия. На предоставленное право открыто выражать трудовой и гражданский протест страна отозвалась шахтерскими забастовками. На дарованную свободу собраний – людским морем в Манеже и Лужниках под плакатами «Долой КПСС!», «Иванова и Гдьяна – в депутаты!», «Свободу – Литве!». Был еще Сумгаит. Были Тбилиси и Вильнюс. Нагорный Карабах. Танки в Баку. Много чего было.

Счастливых реформаторов не бывает

К чести М. Горбачева, он не снимал с себя ответственности, не назначал «стрелочников». Достоинно нес бремя первого президен-

та страны, в муках и корчах выбиравшейся из тисков тоталитаризма. Позже он скажет, что счастливых реформаторов не бывает. Это открытие стоило бы недорого, не будь оно оплачено личной судьбой. Судьба же реформатора известна: быть непризнанным и обруганным современниками. Фонд «Общественное мнение» провел опрос: «Когда в нашей стране было больше демократии?» Большинство российских граждан сочло, что самая демократичная эпоха в истории России – нынешняя, а самый демократичный правитель – В. Путин. Второе место занял Л. Брежнев. По мнению 7% опрошенных, больше всего демократии было во времена Б. Ельцина, по мнению 3% – при М. Горбачеве.

Когда этих двух, самых нелюбимых, чтобы не сказать ненавидимых, правителей – М. Горбачева и Б. Ельцина – народное большинство связывает одной веревочкой, оно, в общем, не ошибается. Как не ошибается, ставя их в один ряд, и другая, менее внушительная часть общества (к ней имеет честь принадлежать и автор этих строк), испытывающая признательность М. Горбачеву и Б. Ельцину. Былая личная, мягко скажем, нерасположенность друг к другу двух великих реформаторов, изменивших ход отечественной истории, общеизвестна. Но объективно они не были антагонистами. Б. Ельцин противостоял М. Горбачеву по закону отрицания отрицания, идя в реформах дальше. По сути, он был, как говаривали в советские времена, наследником и продолжателем, или, пользуясь новейшей терминологией, преемником. Не будь М. Горбачева с его перестройкой, не было бы и Б. Ельцина с его кардинальными преобразованиями. Это очевидно. Это исторически удостоверенный факт.

В 1996 г. М. Горбачев попытался догнать ушедший поезд. Баллотировался в президенты, набрал менее 1%. Потом в компании с самарским губернатором К. Титовым основал Социал-демократическую партию России. Как сообщил тогда немецкий журнал *Der Spiegel*: «Этот человек осторожно зондирует настроения в стране. Михаил Горбачев, способствовавший уничтожению коммунистической партии, изучает возможность нового политического восхождения, но уже на социал-демократической ниве». Восхождение не состоялось. Среди лидеров партии произошел раскол, а сама СДПР так и не стала хотя бы мало-мальски влиятельной.

М. Горбачев понимал, что время его ушло. Тем не менее он никогда надолго не пропадал из общественного поля зрения. Помнится, например, как в 2000 г. бывший президент СССР и нынешний глава России встретились в Кремле, где, по известному выражению Михаила Сергеевича, «обменялись». М. Горбачев высказал В. Путину все, что он, будучи председателем общественного совета НТВ, думает о скандале вокруг этой телекомпании, о конфликте между «Медиа-Мостом» и «Газпромом», о свободе слова в России. В. Путин в ответ

заметил, что негоже, мол, государству вмешиваться в спор хозяйствующих субъектов, пусть все решает суд, а для свободы слова «нужна подлинная, прежде всего экономическая, самостоятельность средств массовой информации». Впрочем, сам президент ничего не сказал в телекамеры. Президентский настрой ретранслировал М. Горбачев: «Он (В. Путин – В. В.) твердо придерживается идеи свободы слова и практики свободы слова. Без этого, как он сказал, общество не может ни жить, ни решать проблемы, которых у нас хватает...»

В те дни стало казаться, что после многолетнего отлучения от большой политики М. Горбачев вновь востребован ею. Ему, как тогда думалось, уготована классическая роль, в которой выступают, а порой и блистают ушедшие с государственных постов мировые лидеры – роль посла по особым общественным и политическим поручениям. Перед ним был вдохновляющий пример бывшего американского президента Дж. Картера (посредническая миссия на Балканах и на Гаити), японского экс-премьера Я. Накасоне (урегулирование конфликта в Юго-Восточной Азии). Но то ли сам М. Горбачев не стал предлагать себя на такую роль, то ли власть воздержалась от предложений... Во всяком случае на реплику корреспондента одной из западных газет: «Вы же можете быть полезны вашей родине на посту министра иностранных дел или чрезвычайного уполномоченного при Путине» – М. Горбачев ответил: «Мы с Путиным ни разу этот вопрос не обсуждали. Да мне и не обязательно занимать пост министра иностранных дел, чтобы быть услышанным в Америке».

Есть жесткий закон реформаторства: кто начинает реформы, тот никогда не присутствует на завершающей стадии. Он либо должен уйти добровольно, либо его заставят уйти. Летом 1996 г. кандидат в президенты России М. Горбачев в своем предвыборном интервью выразил несогласие с таким порядком вещей. Сквозь привычную взвешенность каждого слова вдруг прорвалось: «Реформы должен завершать тот, кто их начал. А начал-то их я!»

Е. Гонтмахер

**ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ М. ГОРБАЧЕВА
В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ**

Михаил Сергеевич Горбачев стал генеральным секретарем ЦК КПСС 11 марта 1985 г. Мы, сотрудники отдела социальных проблем труда и народного благосостояния Центрального научно-исследовательского экономического института (ЦЭНИИ) при Госплане РСФСР, восприняли этот факт без всякого энтузиазма. В нашем коллективе, которым руководил выдающийся экономист, доктор экономических наук Г. Мильнер, давно следили за перестановками в Политбюро и смертью очередных генеральных секретарей чисто статистически: вот Х отставлен, а на его место поставлен Y. Нам от этого ни холодно ни жарко. Пожалуй, только борьба с прогульщиками, провозглашенная Ю. Андроповым, на короткое время обострила нашу бдительность, хотя мы и без этого (не академический же институт!) ходили на работу каждый день и были там с 9 до 18.

Без него изменений не было бы

Новый генеральный секретарь, как мы знали, следя за его московской карьерой, был выдвиженцем Ю. Андропова, учился на юридическом факультете элитного МГУ в самые мрачные годы позднего сталинизма. И то что он, получив «красный» диплом, не стал делать карьеру в союзных правоохранительных органах, в нашем кругу объясняли его провинциальным происхождением: никто за него словечка не замолвил. Вот и отправили его по распределению обратно в Ставрополь, откуда он смог вернуться в Москву через много лет именно благодаря «замолвленному словечку» всеильного главы КГБ.

Евгений Шлемович Гонтмахер – доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ (г. Москва).

Поэтому появление М. Горбачева на самом вершине советского политического Олимпа встретило весьма скептическое отношение у нас, прожженных пессимистов в отношении реальных реформ (а мы склонялись к концепции «социализма с человеческим лицом»). То, что относительно молодой – это хорошо на фоне предыдущей геронтократии, но «один в поле не воин».

Наш скептицизм еще более усилился, когда в апреле новоиспеченный генеральный секретарь на пленуме ЦК объявил об «ускорении» и связанными с ним обещаниями резко поднять промышленность и благосостояние народа. Нам, пережившим многочисленные съезды КПСС и пленумы ЦК, на которых такие обещания раздавались с понятными результатами, эта инициатива показалась банальной и продиктованной тем, что каждый новый генсек должен ритуально продемонстрировать свою энергетику и желание что-то сделать.

Тут еще и антиалкогольная кампания! Мы встретили эту инициативу в штыки, потому что сам замысел этой «реформы» изначально показался нам не просто неправильным – вредным. Кстати, Михаил Сергеевич через много лет признал, что тогда ошибся¹. Если вернуться к тем временам, то я вместе с моим коллегой П. Шульгиным предложил только-только появившейся газете «Собеседник» опубликовать диалог двух молодых ученых-экономистов, кандидатов наук о плюсах и минусах антиалкогольной кампании. Естественно, что мы разнесли ее в пух и прах. Думали, что «Собеседник» этот пасквиль на партийное решение не опубликует. Однако наш материал вышел и привлек всеобщее внимание. Правда, главного редактора тут же вызвали на ковер в ЦК, но дело было сделано.

Сейчас, по прошествии многих лет, могу сказать, что сам факт такой публикации говорил о подспудно начинавшейся перестройке, которая официально была объявлена позже, в январе 1987 г. Мы, молодые скептики, тогда это не смогли разглядеть.

В 1986 г. наряду с научной началась и моя публицистическая активность. Меня начали печатать в органе ЦК КПСС газете «Советская Россия» – одном из флагманов тогдашней пробуждавшейся гласности. Я писал, конечно, о социальных проблемах – достаточно критично, в стиле будущего «Прожектора перестройки». И меня, беспартийного, с «неправильной» фамилией печатали! Сейчас, конечно, я понимаю, что если Михаил Сергеевич не стал бы генеральным секретарем, то всего этого не было бы.

Потом изменения хлынули широким потоком. Это и гласность, которая для меня значила очень конкретно: я был потрясен публикациями Н. Шмелева, Ю. Афанасьева, Ю. Карякина и многих других, появлением ранее запрещенных исторических и художественных

¹ <https://www.kp.ru/daily/26381/3259739/>

книг. Колоссальное впечатление на меня производила и деятельность В. Коротича в «Огоньке», Е. Яковлева в «Московских новостях». В этих изданиях я, кстати, тоже публиковался, чем горжусь до сих пор.

В 1987–1990 гг. у меня – в отличие от некоторых моих коллег, разочарованных неудачами экономических реформ и дальнейшим обострением социальных проблем, – отношение к Михаилу Сергеевичу серьезно изменилось в лучшую сторону. Я увидел его искренность и неподдельное желание повернуть в сторону «социализма с человеческим лицом» и сочувствовал его скорее напрасным усилиям улучшить советскую систему. Мне, кстати, к 1990 г. стало ясно, что эта система принципиально нежизнеспособна. Ее надо было или законсервировать со всеми органическими недостатками – что все равно привело бы к краху. Либо надо было ее радикально менять. М. Горбачев это пытался сделать, отменив пресловутую 6-ю статью Конституции (о доминирующей роли КПСС) и проведя в 1989 г. полуальтернативные выборы участников первого Съезда народных депутатов СССР.

События же развивались намного быстрее тех решений, которые принимались М. Горбачевым и его единомышленниками в Политбюро.

В начале 1989 г. случилось эпохальное событие в моей жизни – я впервые выехал за границу, в Чехословакию. Это была частная поездка по приглашению моих пражских друзей. Я спокойно получил все необходимые документы, сел в поезд и ранним утром въехал в страну, которая все еще находилась в железных объятиях тех, кто задушил с нашей помощью Пражскую весну 1968 г. Меня встречали как гостя из «свободного мира». Люди собирались на квартирах послушать мои рассказы о том, что такое «перестройка и гласность». Это было за несколько месяцев до чехословацкой «бархатной революции», которая открыла перед этой страной ворота для возвращения в Европу.

Перечисляю эти события из моей жизни только для того, чтобы показать, насколько деятельность М. Горбачева, который стоял надо мной через множество ступенек в иерархии, перестроила меня, рядового гражданина СССР. Благодаря этому, в постсоветский период жизни России я вступил вооруженный огромным запасом социального, общественного и политического оптимизма, который не исчерпался и до сих пор, несмотря на все тренды последних лет.

Время исторической оценки еще не пришло

Расхожим местом стало упрекать М. Горбачева в том, что он не смог инициировать экономические реформы, которые вывели бы СССР из кризиса. Если посмотреть на статистику, то это верно – никакого ускорения так и не произошло. Более того, в 1989–1990 гг. экономика Советского Союза явно пошла вниз, хотя тогдашняя официальная отчетность этого не показывала.

Но вместе с тем именно при М. Горбачеве в 1986–1987 гг. были приняты основополагающие законы, разрешившие «индивидуальную трудовую деятельность» и «кооперативы», т.е. малый и даже средний частный бизнес. Практически все «олигархи» начала 1990-х годов появились именно из этой среды, т.е. фактически благодаря М. Горбачеву.

В конце концов именно твердость и принципиальность М. Горбачева привела к провалу ГКЧП, что открыло дорогу для юридически оформленного обретения независимости всеми 15 союзными республиками СССР. Конечно, сам Михаил Сергеевич такое развитие событий не предполагал, до последнего момента надеясь, что будет подписан новый Союзный договор и единая страна, пусть в виде конфедерации, сохранится.

Ушел он со своего поста – первого и последнего президента СССР – достойно, хотя вполне мог бы спровоцировать внутривластный кризис, чреватый последующими насилием и пролитой кровью.

Самое главное, что сделал М. Горбачев для российского общества, – прервал застой и деградацию, которым в середине 1980-х годов казалось бы, нет конца. Общественные настроения, благодаря перестройке и гласности, быстро наполнились энтузиазмом и энергетикой, которые очень помогли Б. Ельцину подготовить и запустить гайдаровские реформы. Правда, довольно скоро эти настроения снова изменятся в сторону критического отношения к новой, казалось бы, долгожданной власти. Ельцинский мизерный рейтинг начала 1996 г. был закономерным следствием массового разочарования в демократии и рыночной экономике. Тогда лишь ценой невероятных усилий удалось предотвратить коммунистический реванш, который, я уверен, окончательно добил бы страну.

К сожалению, дискредитация в массовом сознании россиян базовых ценностей демократии, которые были продекларированы в начале 1990-х годов, легла тенью и на отношение к личности и деятельности Михаила Сергеевича. С ним привыкли связывать не только кризис конца советского периода, но и развал СССР, который для многих сейчас не кажется неизбежным. Однако для исторической оценки роли М. Горбачева просто еще не пришло время.

Дело в том, что развитие России идет по спирали. После увлечения идеями перестройки и реформ начала 1990-х годов наступил, как уже сказано, откат, своего рода контрреформация. Это, к счастью, не означает полного возвращения в советскую институциональную сетку, но элементы застоя и вытекающей из него деградации налицо. В массовом сознании, особенно среди поколений, которые моложе 45 лет, начинает зреть потребность в изменениях, о чем говорят многочисленные социологические наблюдения. Однако на каких принципах эти изменения проводить? Тут снова на первый план выходят ценности справедливости, искренности и любви, что (если перево-

дить на политический язык) все равно ведет нас к демократии, социальному и правовому государству. Это ровно тот поворот в мозгах, который, скрываясь под словами о «социализме с человеческим лицом», привел М. Горбачева и его единомышленников к перестройке.

Поэтому историки будущего (возможно очень недалекого), оценивая роль Михаила Сергеевича в судьбах России, назовут его предтечей состоявшегося успеха страны и людей, ее населяющих.

Но и это не все. М. Горбачев, объявив о «новом мышлении», внес решающий вклад в дело мира отводя его от падения во все более углубляющуюся пропасть тогдашнего «соревнования двух систем». «Холодная война» не просто могла в любой момент перерасти в горячую фазу, но и рождала колоссальную массу ненависти по обеим сторонам «железного занавеса».

То, что я показал на собственном примере первого выезда за границу, стало доступным сотням миллионов людей, как на Востоке, так и на Западе, откуда в бывший закрытый социалистический лагерь поехал поток туристов, бизнесменов, экспертов, студентов. Академик А. Сахаров когда-то мечтал о конвергенции двух систем – капиталистической и социалистической. Ему не довелось дожить до момента, когда это взаимопроникновение, несмотря на глобальное поражение практического марксизма, начало происходить. Решающий толчок этому дал М. Горбачев, уничтожив «железный занавес».

Можно возразить: ведь стало банальным утверждение, что в 1991 г. социалистическая система вчистую проиграла. Что касается международных отношений – это так. Запад потерял своего военно-политического соперника, но если посмотрим на те тенденции, которые пробивают себе дорогу в капиталистическом обществе, то увидим очевидный сдвиг в сторону социального государства. Этот сдвиг настолько велик, что тамошний политический истеблишмент просто не успевает адекватно на него реагировать. Отсюда нарастающее недовольство растущим расслоением, отрывом правящих элит от общества. На сцену выходит другая, более молодая элита, для которой триада «свобода, равенство, братство» не ритуальное заклинание, а базис для преобразований.

Отсюда пробивающие себе дорогу идея безусловного базового дохода, усиленное налогообложение сверхдоходов, растущее внимание к качеству жизни как альтернативе фетишизации роста ВВП, углубляющаяся децентрализация власти, глобализация гражданского общества, активный пацифизм, «озеленение» всего и вся. В этом сдвиге проглядывает тот импульс, который связан с горбачевским «новым мышлением». Очень хорошая иллюстрация того, что история развивается по спирали...

Я уверен в том, что всем нам – и молодым, и тем, кто постарше – повезло не просто жить в одно время с Михаилом Сергеевичем, но и находиться в том потоке жизнеутверждающих событий, которые он создал.

А. Грачев

ГРАНДИОЗНОЕ ДЕЛО

В дни, когда инициатор перестройки готовится отметить свое 90-летие, может быть, стоит, не впадая в юбилейную риторику, попробовать подвести некоторые (неокончательные) итоги начатого им грандиозного дела.

Высвобождение внутренних сил самого общества

Начнем с поразительных перемен, произошедших в России и в мире всего лишь за шесть с половиной лет пребывания М. Горбачева на посту руководителя советского государства и партии, безраздельно правившей в нем более 70 лет. Их беспрецедентный масштаб и необратимый характер признают как те, кто восхищаются М. Горбачевым, так и те кто (в основном, в его собственной стране) его осуждают, а то и проклинают.

Тем, у кого короткая память или кто хотел бы принизить значимость подлинно революционной Реформации, которую пережило за несколько лет тоталитарное монопартийное государство, обряженное с 1917 г. в шинель «военного коммунизма», стоит напомнить главное.

Превентивная революция перестройки позволила России нагнать всемирную историю и после десятилетий добровольного отшельничества воссоединиться с остальным миром. Она дала возможность обществу откусить от «яблока» свободных выборов и гласности, включила право на свободу слова и информации в список общественных приоритетов.

Перестройка вернула верующим храмы и реально гарантировала свободу совести и религиозных объединений. Она реабилитировала все жертвы сталинских репрессий и освободила брежневских политзаключенных. Академик А. Сахаров был вызволен из горьковской ссылки. В открывшихся архивах обнаружили «потерявшиеся» секретные

Андрей Серафимович Грачев – кандидат исторических наук, политолог, научный руководитель Форума новой политики (г. Париж).

приложения к пакту Молотова-Риббентропа и протоколы Политбюро, санкционировавшие расстрел пленных польских офицеров в Катыни.

Через тридцать лет после того, как Н. Хрущев раздал паспорта колхозникам, советские граждане, наконец, вышли из крепостной зависимости от государства, получив право свободного выезда из страны. Зато другие, такие, как М. Ростропович и Ю. Любимов, лишённые советского гражданства за непокорность властям, смогли вернуться.

Бывший советский политзаключенный и правозащитник К. Любарский написал о М. Горбачеве: «он сделал для нашей свободы больше, чем кто-либо иной и не его вина, что мы не смогли ею в полной мере воспользоваться».

М. Горбачев оказался редкой птицей среди российских реформаторов – человеком, убежденным в том, что по-настоящему глубокие перемены достигаются не «железной рукой», а высвобождением внутренних сил самого общества. «Я отказываюсь от революции как способа решения проблем, хотя по глубине перемен, которые назрели в стране, она действительно нуждалась в революции» – сформулировал он свое кредо.

Положенные им в основу советской внешней политики принципы нового мышления – признание неделимости мира, отказ от его раскола на идеологические системы и военные блоки, приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, – за несколько лет, отпущенных перестройке, позволили Советскому Союзу разорвать «кольцо врагов» – от НАТО на Западе до Китая на Дальнем Востоке, не забывая про мусульманский мир (Иран и Афганистан) на его южных границах, и превратили Москву из столицы «империи зла» в источник надежды на создание нового рационального мирового порядка.

В 1987 г. М. Горбачев подписал с Р. Рейганом в Вашингтоне Договор об уничтожении советских и американских ракет средней дальности. Ему пришлось согласиться пустить под пресс вдвое больше советских СС-20, чем «Першингов» и «Томагавков» – для того, чтобы устранить с европейского континента американские евrorакеты, которые маршал С. Ахромеев сравнивал с пистолетом, приставленным к виску СССР. (В отличие от советских, американские ракеты могли служить элементом первого удара по нашей территории).

Начали развязываться узлы застарелых региональных конфликтов, которые подпитывало соперничество двух сверхдержав. В Южной Африке разразилась своя перестройка, Н. Мандела – южноафриканский А. Сахаров – вышел из тюрьмы и вслед за этим рухнул режим апартеида. Уйдя из Афганистана, Советская армия перестала платить тысячами убитых и раненых за бессмысленные стратегические амбиции кремлевских старцев, а страны Восточной Европы, получив от М. Горбачева «вольную» в виде права на «свободу выбора», одна за другой перемахнули за забор Варшавского пакта, поняв, что «доктрина Брежнева» им больше не страшна.

В октябре 1990 г. М. Горбачев был удостоен Нобелевской премии мира «за ведущую роль в мирном процессе как важной части жизни международного сообщества», а также за то, что «конфронтацию сменили переговоры...». Однако поехать в Осло на церемонию ее вручения М. Горбачев не смог из-за разгоравшегося внутреннего кризиса.

Как известно, за все благие дела приходится расплачиваться. Допустив свободные выборы, он оборвал династическое правление партийных генсеков и тем самым лишил самого себя права на пожизненное пребывание во власти.

Исторический баланс перестройки

Очень быстро он убедился в том, преобразовать мир оказалось легче, чем реформировать и изменить Россию. Перестройке, названной им самим постфактум «революцией обещаний», настало время платить по выданным векселям. Какие же из них оказались без обеспечения и по каким до сих пор, почти тридцать лет после ухода М. Горбачева в отставку ему предъявляют счета?

Кстати, он сам, подводя исторический баланс перестройки, перечисляет наряду с неоспоримыми успехами и свои неудачи. Если положить то и другое на чаши весов, может показаться, что неудачи перевешивают. Правда, с течением времени баланс оценок меняется.

Да, перестройка не стала «продолжением Октября». Наоборот, положив конец большевистскому проекту претворения в жизнь коммунистической утопии, она нанесла тяжелейший удар по любым вариантам левой альтернативы бесконтрольному правлению капитала и рынка не только в экономике, но и в политике. К чести М. Горбачева можно напомнить, что вслед за своими друзьями «шестидесятниками» он добросовестно исследовал все варианты спасения изначального ленинского проекта, очищенного от скверны и крови сталинизма. Не пренебрег ни югославским кооперативным самоуправлением, ни идеями Пражской весны, ни диссидентскими идеями еврокоммунистов. И только после августа 1991 г., осознав, что именно практика и облик советского варианта реализации пророчеств «Коммунистического манифеста» фатально подорвали шансы коммунистической идеи на реинкарнацию в обозримом будущем, этот «неверный ленинец» сдал свой партбилет.

Перестройке не удалось одолеть в несколько прыжков пропасть между административно-командной бюрократической экономикой, обряженной к тому же в тяжеленные доспехи военно-промышленного комплекса, и рынком, не рухнув в пучину коррупции и уголовщины. В то время, как «невидимая рука» рынка держала за горло большинство населения бывшего СССР, другие блудливые руки распихивали по карманам и оффшорам плоды труда, пота и сверхэксплуатации нескольких поколений советских тружеников.

При отсутствии независимого правосудия, четких правил приобретения и использования собственности и социальной ответственности новорожденного капитализма, подаренной свободой предпринимательства воспользовались прежде всего бандиты и проходимцы из прежней советской номенклатуры.

Куда же завела страну столь оптимистично начавшаяся перестройка – в очередное обещанное светлое будущее или в проклятое прошлое? И значит ли это, что ее инициаторам не надо было «браться за оружие», а лучше продолжать ковылять и дальше по советской колее унижительного тотального дефицита, обмена нефти и газа на продовольствие и запрограммированного проигрыша технологического (и, стало быть, стратегического) состязания с Западом. То есть, по пути Северной Кореи, Кубы, и сырьевых колоний третьего мира? Один из многих вопросов, поставленных и оставленных перестройкой.

Среди вариантов ответа – китайский путь как метод сочетания эффективного рынка с сохранением монопольной власти партии и как способ спасения огромной страны от распада. Им не устают колотить глаза М. Горбачеву.

Мог ли он спасти СССР от развала?

Одной из главных неудач перестройки и своим политическим поражением М. Горбачев считает распад СССР. «Считаю самой моей большой бедой, горечью является то, что страну не удалось сохранить единой». И сегодня он продолжает настаивать на том, что роспуск Советского Союза был исторической ошибкой и что единое государство можно было сохранить.

Было ли это возможно и, если да, то каким способом. В своем эссе о роли М. Горбачева в советской и российской истории живущий сейчас во Франции русский математик и писатель Г. Ильин отметил: «У Горбачева было два выхода: ордынский или европейский. Подавление свободы по-китайски или утверждение свободы по-европейски. Первый выбор обернулся бы большой кровью в европейской части страны к западу от Урала; Горбачев пошел по второму пути – он подарил стране свободу».

Разумеется, у президента СССР были в руках и необходимые силовые рычаги, и конституционные полномочия для подавления очагов республиканской «смуты» и восстановления «ордынским» способом целостности страны. Но применение силы, не гарантируя результата, могло взорвать страну, как пороховой склад, и погрузить ядерную сверхдержаву в пучину местных мятежей, межнациональных конфликтов и гражданских войн по югославскому сценарию. Оставался «европейский» путь заключения нового Союзного договора.

Даже горе-путчисты, решившиеся в последний момент на авантюру ГКЧП, не отважились пойти до конца по «китайскому

пути» и взять на себя ответственность за превращение набережной перед Белым домом в Тяньаньмэнь.

М. Горбачев прав, называя истинными могильщиками Союза тех, кто вывел танки на улицы Москвы в августе 1991 г. и кто, приняв от них эстафету, собрались на тайную сходку в Беловежской пуще в декабре. И те, и другие преследовали одну цель – устранить М. Горбачева с политической сцены и похоронить его проект. Он не зря напоминает, что многие из тех, кто не устает обвинять его в том, что он «сдал» без борьбы союзное государство, сами, когда он обратился за поддержкой к парламентам, по-советски единогласно, заглядывая в глаза новым властям, проголосовали за роспуск СССР.

Но справедливо обличая августовских и декабрьских путчистов, он не вправе забывать о своей ответственности. И хотя по-человечески его можно понять – главе государства трудно смириться с клеймом его «разрушителя», – может быть, спустя почти четверть века ему стоит признать очевидное: именно он, М. Горбачев, и его попытка реформы советской системы разрушили прежний Союз. СССР не пережил перестройки и вошел в стадию терминального кризиса потому, что его политический режим оказался неспособным реформироваться, и из-за того, что составлявшие советскую «внутреннюю империю» нации и народы воспользовались обретенным правом на провозглашенную им «свободу выбора».

Если ему психологически трудно этим гордиться, то, по крайней мере, нет причины этого стесняться, ибо всякий раз, когда надо было выбирать между спасением бюрократического государства и демократическим процессом, М. Горбачев, пусть и не без колебаний, выбирал демократию, предпочитая свободу принуждению.

Последний западник

Практически ни одному из российских режимов не удавалось разрешить роковое противоречие в отношениях с Европой: между претензией на то, чтобы считаться Европой и готовностью стать подлинно европейской страной – с плюрализмом мнений, верховенством закона, реальными выборами руководителей, неприкосновенностью человеческой личности, реальной конкуренцией в политике и экономике и отчетностью власти перед обществом. Всякий раз не только евразийское георасположение, но и утвердившийся деспотический генокод самодержавной власти (все равно – царской, большевистской или постсоветской) неудержимо влекли страну в Азию.

М. Горбачев, может быть, наш последний «западник», попробовал устранить это противоречие с помощью своего проекта «Общего европейского дома».

Совместное сожительство в нем Запада и Востока Европы, включая, разумеется, Советский Союз, должно было не только создать уникаль-

ное общее стратегическое и экономическое пространство от Атлантики до Тихого океана, но и стать важным политическим подспорьем для его проекта демократизации советского общества и научить российское общество и политические элиты европейским манерам.

Здание «Общего дома», как и многие другие амбициозные проекты перестройки, осталось недостроенным. Не удалось М. Горбачеву, несмотря на важные соглашения, заключенные с США в области ядерного разоружения, добиться создания безъядерного мира, перспективы которого он обсуждал с Р. Рейганом на саммите в Рейкьявике. Не удалось договориться с западными партнерами о том, чтобы переключить «дивиденды мира» – колоссальные ресурсы, высвободившиеся после окончания холодной войны от прекращения гонки вооружений, на решение глобальных мировых проблем, ликвидацию голода и нищеты, экономической отсталости, загрязнения окружающей среды. Перспективы их возможной реализации оборвал неожиданный распад СССР и отставка М. Горбачева.

Россия и Запад не сумели найти совместный выход из холодной войны и закончили ее не союзниками, а соперниками. Стрелки часов на обложке бюллетеня американских ученых-атомщиков, которые показывают время, оставшееся до начала третьей мировой войны, вплотную придвинулись к полуночи.

Значит ли это, что не сдержавшую всех своих обещаний перестройку не стоило начинать, и что дает М. Горбачеву основание вопреки всему говорить, что он остается оптимистом?

«В самой России предоставленная перестройкой свобода выбора не привела к выбору подлинной свободы – говорит он. – И для самой России, и для всего внешнего мира чрезвычайно важно, чтобы великая страна пошла по пути углубления и расширения базы подлинной демократии».

Иначе говоря, по его убеждению, перестройка должна быть продолжена. Может быть, только сейчас мы осознаем, что ее историческое значение состояло больше не в том, чтобы дать окончательные ответы, а в том, чтобы поставить нужные вопросы. Ответы уже не за ним, а за нами.

«Хочу выполнить обещание, которое дал своим друзьям, – однажды написал он, – пригласить на 90-летие. Это, конечно, нахальство, но я думаю, так и надо действовать – ставить задачи, которые мобилизуют». Рассказывают, что К. Чуковский, сам доживший до преклонного возраста любил провожать своих гостей с дачи в Переделкино напутствием: «В России надо жить долго!»

Живите долго, Михаил Сергеевич!

Д. Гудков

МОГИЛЬЩИК СТАРОЙ ИЛИ АКУШЕР НОВОЙ СТРАНЫ?

Детские воспоминания: какой-то бубнеж в телевизоре, аплодисменты, много непонятных слов, длинные речи... М. Горбачев, да. Это уже потом станет понятно, что так умирала самая большая страна в мире, подготовленная к этому не взрыву, но всхлипу всей историей своего существования. М. Горбачев стал – кем? Ее могильщиком? Акушером новой России? Да нет. Все гораздо проще, без пафоса: человеком, который, к счастью, оказался просто человеком. Справился, как сумел: кто может – пусть попробует лучше.

Первый и последний

Оглядываясь назад, туда, в детство (мне было только 5, когда М. Горбачев возглавил страну), видишь теперь много интересного. Он ведь был первым и последним из генсеков, кто родился в СССР, а не в империи. Как же странно, что этот единственный оказался и последним. Закончил «холодную войну», согласился на перестройку, объявил гласность...

Самый интересный вопрос: мог ли иначе?

Представим, что на фоне полного отсутствия в магазинах штанов и колбасы пошел бы на коммунистический принцип – и до конца, до последнего человека. Что случилось бы тогда? Прорвался бы к власти либеральный ГКЧП, арестовали бы генсека в Форосе, появился бы Б. Ельцин в телевизоре с трясущимися руками?

Кто знает. В любом случае, тогда на исходе Союза мир был довольно понятен: если вот эти упыри против М. Горбачева – значит, что-то он сделал правильное. Или просто оказался достаточно человеком, чтобы восстановить против себя упырей.

В принципе, сейчас, по прошествии 30 лет, этого уже достаточно. Потому что упыри вернулись, проведя работу над ошибками. И ни-

Дмитрий Геннадьевич Гудков – российский политик, общественный деятель (г. Москва).

кто уже не поедет в тот же Форос на переговоры. Не с кем больше переговариваться, тут все – их.

Оставим в стороне пока большую историю. Посмотрим на маленькую, личную, частную. Уж если заговорили об СССР – помните его вождей? У всех у них была не личная жизнь, а то стыдная тайна, то зубодробительная мука. Добирались до самой верхушки, выгрызали друг другу горло – за это время полностью теряли человечность, простую способность любить.

Да и сейчас самый большой путинский секрет, одна из швейного набора кощеевых игл – его семья. От кого там какие дети, кто они, где они – не дай Бог признаться. И на этом фоне М. Горбачев стоит где-то в стороне, прекрасной стороне, где не нужно мучить других и мучиться самому.

Вот он, вот его Раиса Максимовна – и все просто, понятно и радостно. Этого мало для политика? Но этого достаточно для человека. И оказывается, что именно-то людей среди генсеков и президентов острая нехватка.

Та самая человечность...

Было бы глупым мне сейчас пытаться судить о М. Горбачеве как очевидцу тех лет. Из меня – ребенка – плохой очевидец. Можно лишь перебирать воспоминания современников, смотреть сериал про «Чернобыль» да слушать рассказы о том, кто и какие решения принимал. Мог ли принять другие? Изнутри истории это всегда видится иначе, чем снаружи, по прошествии многих лет.

Зато отсюда, из нашего 2020 г., ясно видны совсем другие константы. Та самая человечность. Она остается физической постоянной вне зависимости от того, идет «холодная война», или нет, падает Берлинская стена или стоит. И как-то так получается, что в России у правителей за последние 100 лет был острый недостаток этой самой человечности.

Просто представьте, что В. Путину с одной стороны ставят шапку В. Мономаха, а с другой – Алину. Куда пойдет диктатор? Да, вы знаете. Все так.

Или А. Лукашенко: с одной стороны сын Коля, а с другой – скипетр-автомат с подствольным метателем держав. Что возьмет? Тоже правильно.

За власть они будут цепляться до последнего, жертвуя ради нее всем. А уж какими-то там людьми – это в первую очередь.

На рубеже же 90-х, все внезапно вышло иначе. Огромная государственная машина дала сбой, пропущенный через все ее змеевики и шестеренки человек сохранил в сердце что-то такое, что сохранить там было никак не должно. Даже я с женой Лерой, далеко не самые близкие его знакомые, впервые встретившись с ним несколько

лет назад, полчаса слушали рассказы – не о том, как он мог жахнуть по Америке, но не жахнул (уверен, это было бы любимым путинским мемуаром), не о том, как выводил войска из Афганистана, а про нее – Раису Максимовну.

Старость ли это? Нет. Старость лишь заостряет черты характера, убирает наносное, очищает ядро, самую суть. И оказывается, что у главы самой большой страны мира сутью была любовь к жене. Может, и поэтому упыри из ГКЧП решились на путч? Они так и не смогли понять, как можно любить не себя, не абстрактную (а потому кровавую) идею, а конкретных людей. Не всех, но некоторых – хотя бы близких.

Он мог бы сделать больше, но честно ушел

Нет, конечно, одного этого мало. Для того, чтобы рваться вперед, проходить через кризисы, добираться к новым вершинам, нужно много других качеств. Но мы же зареклись сейчас анализировать события тридцатилетней давности – и хватит того, что в целом все обошлось. Дадим себе роскошную возможность видеть в человеке человека.

Ведь другие, приходившие в куда более легких обстоятельствах, у которых в магазинах были и колбаса, и штаны, были куда хуже. И если М. Горбачев закончил войну, то Б. Ельцин – начал. В. Путин – начал. И даже Д. Медведев. А уж сколько начали до них..

Нет, это не значит, что нам сейчас нужен «новый Горбачев». Хватит этих исторических отступлений – так недолго договориться и до нового Н. Хрущева. Да и сам М. Горбачев подчеркнуто, акцентированно ушел со сцены.

Он мог бы сделать куда больше, но ведь поступил честно. Он не оставил стране в наследство Семью, не привел к власти и кормушке своих друзей: он просто оставил пост и этим тоже выгодно отличается от своих последователей. Хотя, повторяюсь, от него можно было бы ждать большего и рассчитывать на большее.

Еще одно важное. Не нужно говорить, что он «дал нам свободу» или «развалил СССР». Ни то, ни другое не будет верным уже потому, что такое не под силу ни одному человеку. Он не смог и не стал мешать – вот правильное определение. Не встал на пути у паровоза под названием «История», а отошел в сторону. И сейчас смотрит, куда несется эта махина, как нынешние машинисты намертво вцепились в рычаги. В поезде случалось разное – но Михаил Сергеевич Горбачев уже не имеет к этому отношения.

Это нулевая отметка – первое условие для идущего во власть: суметь с ней расстаться. Дальше может быть гораздо лучше, гораздо больше, но хотя бы так. Это условие соблюдено.

В целом, в сумме, как ни перебирать детали, на времени М. Горбачева стоит знак «плюс»: тот, что, наверное, не был виден изнутри.

Д. Драгунский

ЧУДО ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

В пятницу вечером, 17 мая 1985 г., я сидел в гостях у своих подруг, театральных критикесс Лены и Кати. Вернее, у Лены. Катя к ней тоже приехала. Мы болтали о пьесах, спектаклях и вообще об искусстве. Часов до десяти вечера. Потом я поехал домой. Когда я открыл дверь, жена выбежала в прихожую и спросила:

- Ты где был, телевизор смотрел? Программу «Время»?*
- Нет, а что?*

Ускорять и перестраивать

Оказывается, по программе «Время» передавали выступление М. Горбачева в Ленинграде. Он говорил, что все гниет и рушится, одна только коррупция цветет, и нужно срочно что-то делать. Ускорять и перестраивать. Иначе вообще загнемся. Говорил без бумажки, эмоционально, горячо. Начало новой эры, проще говоря!

Мне стало досадно, что пропустил такое важное событие.

Но ничего. Программу «Время» тогда повторяли в восемь утра. Утром не стали передавать запись той программы, которую не показали вчера. Все равно думал – вот, вот сейчас. Пошел прогноз погоды. Может быть, потом покажут. Все-таки выступление генсека. Но нет.

Однако через полмесяца издали, как положено, брошюру: «Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС тов. М. С. Горбачева на собрании партхозактива г. Ленинграда». Я тут же пошел в магазин «Москва» на улице Горького. Там она уже закончилась. Говорят: идите в Художественный проезд, в Дом политической книги, это рядом.

Бегу туда. Дают! Толпа у прилавка, очередь в кассу. Вдруг слышу, продавщица кричит кассирше:

– Маша! Горбачева не выбивай!

Да, это было настоящее чудо.

Мне было лет 18, наверное, когда я прочел в самиздате замечательный марксистский текст «Российский путь перехода к социализму и его результаты», более известный под названием «Завещание академика Варги». Этот текст появился в 1965 г., Е. Варга умер в 1964-м, но реальным автором был литературовед Г. Пospelов; на нашем факультете он заведовал кафедрой теории литературы, и мы, слегка фрондирующие студенты, воспринимали его как типичного советского долдона. Бывает. Меня более всего поразили последние слова этого маленького трактата:

«Для изменения существующего положения необходим перелом в верхах. Инициативы снизу ждать невозможно. Трудящиеся массы так привыкли к повиновению, что не могут заставить правящие круги взяться за осуществление тех задач, которые в последние годы своей жизни поставил перед советским обществом Ленин». Для меня дело было не в В. Ленине; дело было в том, что нам годами вбивали в голову что-то про ведущую роль широких народных масс. Но вот умный человек, марксист, на пальцах показал, что от народных масс толку не добьешься. Перелом же в верхах – достаточно было поглядеть на этих очень сытых и неповоротливых людей, не способных сказать: «Здравствуйте, дорогие товарищи!» без подглядывания в бумажку, – какой еще перелом? Да они задавятся за один лишний день у власти.

Это я очень крепко запомнил, и с тоской наблюдал медленную перетасовку геронтократического иконостаса на Мавзолее и на здании Телеграфа, где в праздники вывешивали портреты самых-самых главных руководителей. Впрочем, и относительно молодые товарищи, вроде Г. Романова или В. Гришина, тоже не вызывали никакого энтузиазма: ясно было, что они станут только сохранять и укреплять все это военно-бюрократическое устройство. Да, потом-то я узнал, что в дебрях ЦК КПСС гнездились очень прогрессивные спичрайтеры и эксперты – но приди к власти какой-нибудь «Железный Шурик», весь прогресс скукожился бы до легкого смягчения формулировок.

Чудо само по себе

М. Горбачев – это и был перелом в верхах, единственно возможный для нашей страны и нашей культуры способ реформ. Это было чудо само по себе. Но еще бóльшим чудом казались – то есть на самом деле оказались – грандиозные сдвиги во всей общественной жизни. Всего два штриха – новое для советского человека слово «плюрализм» и гласность – детище Александровских реформ, о которой мы помним еще из рассказов А. Чехова. Но весь идейный, культурный, а вслед за ними политический и экономический ландшафт СССР – и всего мира – стал меняться на глазах.

Все это делалось быстро. Как это обычно бывает? Писатели о чем-то фантазируют, сочиняют утопии, а в жизнь они воплощаются через десятки лет, в лучшем случае. Но вот еще одно воспоминание: знакомый драматург, мой ровесник, позвонил поделиться творческими планами:

– Старик, сажусь писать пьесу. Политическую! Представляешь: в маленьком городе выборы председателя горисполкома. Как всегда у нас – наверху решили, кто будет, и предстоят выборы из одного кандидата. Не выборы, а одно название, и все к этому уже привыкли за много лет. Слушай дальше! В городе есть неравнодушные люди, молодежь в основном. Они и выдвигают своего кандидата! Проводят собрание! Им пытаются помешать! Они выходят с плакатами! Требуют настоящих выборов! Вообще-то опасная тема...

– Нет, не очень, – возразил я.

– Почему? – он почти обиделся. – Это же против партийного диктата! Против всех советских порядков! Против лжи! – развоевался приятель.

– Ты радио сегодня слушал? – спросил я. – Горбачев сказал, что нам нужны альтернативные выборы.

– Черт! – закричал он. – Эх!

Вот тебе и «эх!». Быстрая тогда была жизнь.

Сама идея ускорения, законы о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности и о собственности – это уже была революция. В 1986 г. в Москве висели плакаты: «Перестройка – это возрождение ленинского облика социализма!». Конечно, ленинского, как же иначе; кстати, мне кажется вполне вероятным, что М. Горбачев читал упомянутую брошюру Г. Поспелова (псевдо-Варги). Разговор о «ленинских заветах» был не только инерцией, не только стилем разговора с народом, для которого «ленинский-священный», но и, возможно, искренней верой в реалистичность последних набросков В. Ленина. Но уже через три года был первый Съезд народных депутатов, после которого демонтаж советских политических и экономических структур стал вопросом времени. Это время настало быстро, и остается лишь изумляться политическому и человеческому мужеству М. Горбачева, который в конце 1991 г. не стал цепляться за власть.

Михаил Сергеевич Горбачев пробыл у власти шесть с половиной лет, и за этот краткий срок изменил к лучшему не только нашу страну, но и всю планету, судьбы миллиардов людей – это надо честно признать и поблагодарить его. Роль личности в истории на исходе XX в. оказалась необычайно велика, и нам всем несказанно повезло, что у руля советской и мировой политики оказался такой человек. Именно этот человек.

Н. Зиядуллаев

О НЕКОТОРЫХ МЫСЛЯХ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО – ДОКУМЕНТАЛЬНО

35 лет назад я, как и мое поколение, с радостью и надеждой встречал апрель 1985 г., когда руководителем СССР стал разбудивший страну М. Горбачев. Эти надежды были связаны с ожиданием свободы и справедливости, которых так не хватало и которое выявило ярких политических лидеров. С его приходом мы стали свидетелями, а порой и участниками тех социально-экономических потрясений и масштабных трансформаций, творцом которых волею судьбы он стал.

Союз Суверенных Государств

Мое восприятие этой мощной и яркой Личности проходит прежде всего через призму его взаимоотношений с ближайшими экономическими советниками – академиками С. Шаталиным и Н. Петраковым, с которыми меня связывали многолетние личные отношения. Именно они вместе с Л. Абалкиным, Г. Явлинским и другими выдающимися экономистами теоретически обосновали реформаторские процессы и представили свое видение обновленного облика великой державы с нормальной рыночной многоукладной смешанной экономикой социально ориентированного типа. «В СССР, – говорил С. Шаталин, – нужно целиком менять систему, а не штопать уже абсолютно изношенный костюм». Он считал М. Горбачева «одним из великих политиков в российской и мировой истории»¹.

Наби Саидкаримович Зиядуллаев – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН Узбекистана, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва).

¹ Шаталин С. Жизнь, не похожая ни на чью. М.: ИД «Экономическая газета». 2004. С. 82.

Вспоминается июль 1990 г., когда на даче в Архангельском с участием представителей всех союзных республик, кроме Эстонии, готовилась единая союзная программа перехода к рыночной экономике для всех республик. Именно там родилась идея построить Союз Суверенных Государств (ССГ), вдохновителем которого был М. Горбачев. Это был единственный этюдный шанс сохранить действительно обновленный Союз, с наиболее сильной составляющей – идеей создания Экономического союза политически абсолютно суверенных государств. ССГ задумывался как некое объединение народов, освобожденных от диктата союзного Центра. Ведь многие республики и не помышляли о своем выходе из Союза и не были готовы к реальному суверенитету ни политически, ни экономически, ни психологически.

Программа реформ была одобрена Верховными советами республик, но, к сожалению, никто даже не попробовал подступиться к ее реализации. М. Горбачев стремился к подписанию политического союзного договора, хотел лучшего для страны из-за чего согласился на совмещение несовместимых программ Шаталина-Петракова с альтернативной правительственной программой Н. Рыжкова, не осознавая, что внешняя схожесть программ обманчива. Н. Петраков писал тогда: «Наличие общей цели – переход к рынку – еще не гарантия успешного объединения. В программах была заложена разная логика. И за общностью слов скрывается различное содержание. Необходимо было делать выбор... Великий мастер политического компромисса М. Горбачев не мог понять, что эти методы нельзя переносить в область экономики»². В это время республики, прежде всего Россия, уже начинали отход от Центра. И не вина М. Горбачева, что Россия пошла иным путем.

Не по той дороге

Глубокие идейные разногласия привели в конце 1990 г. к добровольным отставкам С. Шаталина как члена Президентского совета и Н. Петракова как помощника Президента СССР. В своем заявлении 30 декабря Н. Петраков писал: «Михаил Сергеевич, я не политик, а профессиональный экономист со сложившимися в течение трех десятилетий взглядами, менять которые меня не смогли принудить радетели феодально-ортодоксального марксизма и развитого социализма. Мне казалось, что Вы знали об этом, когда приглашали на должность помощника Президента СССР, и я со всей ответственностью отнесся к Вашему предложению. Однако думаю, что в чем-то мы не поняли друг друга. Основную долю вины беру на себя. Очевидно, я неправильно трактовал функции советника Президента, а мои советы пришлось не ко двору.

² Петраков Н. Экономические реформы – разменная карта в политической игре // Русская рулетка. Избранное. Т. 2. М. СПб. 2012. С. 165–166.

Считаю, что не вправе далее оставаться на занимаемой мною должности. Прошу освободить меня по собственному желанию»³.

Но, что очень важно и что характеризует незаурядную личность Михаила Сергеевича, эти разногласия не были перенесены на добрые личные отношения, которые сохранялись пока оба были живы. С. Шаталин подчеркивал: «Горбачев относится к разряду людей – так, по крайней мере, кажется мне, – наделенных божьей искрой неподдельного обаяния. По отношению ко мне он это сделал на пять с плюсом»⁴.

Рыночные преобразования, доказывали С. Шаталин и Н. Петраков, свернули не на ту дорогу, привели к катастрофическому обвалу, падению уровня жизни. Они остро критиковали шоковую терапию, антигуманный характер радикального курса российских «реформаторов» на тотальную приватизацию и либерализацию. Это находило отражение в их многочисленных статьях и аналитических докладах Международного фонда «Реформа», в котором я работал.

Так, сразу же после путча Фонд разработал Конвенцию создания открытого экономического сообщества на территории СССР, обнародованную в «Известиях» в сентябре 1991 г. «Настоящая трагедия, – писал С. Шаталин, – состояла в том, что наш народ не понял, что страна смертельно больна, что раковые метастазы охватили все важнейшие части организма... Сейчас Россия идет не вперед, а назад. Она вымирает и деградирует. К сожалению, необратимо»⁵. Это касалось и некоторых других членов СНГ, которые стремились к максимизации собственных экономических выгод в двусторонних отношениях с Россией при минимизации обязательств и ответственности в многосторонних.

Либеральные времена горбачевской перестройки актуальны и сегодня. Профессионально занимаясь проблемами СНГ, не могу не отметить, что все народы Содружества имеют многовековую историю дружественных отношений, 70-летнюю историю совместного мирного проживания в единой великой стране. Сейчас же Грузия и Украина навсегда отделились от России, укрепляют отношения с Западом, стремятся в НАТО. Сложные процессы происходят в Беларуси, Молдове, Кыргызстане, да и в Казахстане. Убежден, что во многом политика отдаления от России не отвечает национальным интересам их народов и чревата непредсказуемыми геопоследствиями.

Горбачевское наследие важно поскольку постсоветское пространство становится все более дифференцированным, контрастным, конфликтным, а главное, утрачивает политическое, экономическое и социальное единство.

³ Петраков Н. Указ. соч. С. 171.

⁴ Шаталин С. Указ. соч. С. 86.

⁵ Шаталин С. Указ. соч. С. 111, 133.

В. Иноземцев

ЧЕЛОВЕК, В СЛОЖНУЮ ПОРУ ПОЧУВСТВОВАВШИЙ НЕРВ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

М. Горбачев для меня – величайший из ныне живущих людей, представитель того поколения, которое можно без преувеличения назвать советским Greatest generation. Он – человек, в сложную пору почувствовавший нерв своего времени и направление развития мира и сумевший не препятствовать тому, что рано или поздно неизбежно свершилось бы. Именно в этом я вижу талант настоящего политика. Не переламывать мир, а понимать его и принимать его изменчивость – великое умение, и Михаил Сергеевич вполне его проявил. В день его 90-летия нам всем остается пожелать этому удивительному человеку возможность как можно дольше наблюдать последствия своих действий, а всем нам – шанса как можно дольше называть себя его современниками.

Для меня

Мое впечатление о М. Горбачеве вряд ли можно считать репрезентативным: его избрание на пост генерального секретаря пришлось на начало моей учебы в университете, куда я поступил когда мне еще не было шестнадцати лет. Поэтому в моей жизни Михаил Сергеевич как политик и человек присутствовал всегда. Перестройку я воспринял с большим энтузиазмом – но прежде всего как возможность обновления общества, познания правды о его истории, и, разумеется, как средство преодоления глобальной конфликтности, которая в начале 1980-х годов казалась реально чреватой войной. Советский Союз в то время казался мне довольно прочной политической конструкцией, но партийная пропаганда выглядела убогой даже для совсем молодого

Владислав Леонидович Иноземцев – доктор экономических наук, лауреат премии имени академика Н. П. Шмелева, директор Центра исследований постиндустриального общества (г. Москва), старший ассоциированный сотрудник-резидент Центра стратегических и международных исследований (г. Вашингтон).

человека, которому был дан шанс воспользоваться всеми возможностями социальной мобильности, бесплатного образования и тем прочим (как сейчас кажется – немногим), что давала советская система.

По мере развертывания перестройки я, как ни странно, остался сторонником той линии, которую проводил М. Горбачев, хотя становилось все очевиднее, что ультрарадикальные силы возьмут верх. Завершение политической карьеры президента СССР, хотя и стало следствием его собственных шагов, кажется мне образцом исторической несправедливости. Трагедия этого времени состояла, на мой взгляд, в том, что советское общество (которое было более зрелым и образованным, чем нынешнее российское) отвергло лидера, стремившегося вести его вперед с учетом существовавших реалий, а не подстраиваться под иллюзорные надежды и безосновательные ожидания.

В последующие почти уже 30 лет я составил и личные впечатления о М. Горбачеве, которого считаю человеком исключительной порядочности, честности и восхитительных душевных качеств. Его жизнь после отставки – пример для подражания любому политику, не только российскому (убежден, что ничего подобного мы в России не увидим еще десятилетия). Мне лестно, что Михаил Сергеевич читал и читает мои статьи и книги, не отказывается писать к ним предисловия и всегда с трогательным вниманием относится к просьбам личного характера. Мой опыт общения с политиками такого масштаба невелик, но я не вижу равной М. Горбачеву ни одну из ныне живущих фигур.

Для страны

Феномен М. Горбачева состоит в том, что он запомнится людям как человек, который не сумел достичь поставленной им самим задачи, но при этом сделал то, что не удавалось никому в истории России – переломил путь ее имперского развития. Михаил Сергеевич – как коммунист и человек своего времени – воспринимал доставшуюся ему страну как современное европейское государство, как политический конструкт, основанный на понятных принципах федерализма и чуть ли не «дружбы народов», каковой она никогда не была. Россия – и Советский Союз – сформировались как сложные империи, не будучи перед тем никаким подобием национального государства, что и создало ту идентичность, которая долгое время не позволяла этой империи разрушиться, поскольку за этой чертой истории по сути не существовало. М. Горбачев распустил империю – и сделал это в такой момент, когда новая ее реконструкция (в отличие от начала 1920-х годов) была уже невозможна. Обычно говорят о том, что Михаил Сергеевич дал всем нам свободу – не думаю, что этот тезис очевиден: несомненно то, что он закончил историю российской империи, и в этом отношении сыграл огромную роль в судьбах не столько страны,

сколько множества стран, каждая из которых идет сегодня своим особым путем, причем Россия, вероятно, самым сложным.

В советском гимне пелось о Союзе, который «сплотила навеки великая Русь» – и впрямь то действительно была Русь (а скорее даже Московия). В постгорбачевскую эпоху Российская Федерация вернулась к границам Московии середины XVII в., но по-прежнему воспринимает себя Россией (которая как политический субъект была империей с первого до последнего дня), и потому находится в непримиримом конфликте с постимперскими реалиями нашего времени. М. Горбачев не оценил роль антиимперского движения в СССР, когда начинал перестройку – и меня всегда удивляло, почему советские вожди, десятилетиями поддерживавшие антиимпериалистические и антиколониальные движения во всем мире, не осознавали, что сами находятся в столице такой же (если не более уязвимой) метрополии.

Однако так или иначе, империя закончилась. Тем самым М. Горбачев проводил XX в., столетие, которое увидело, в том числе и с его помощью, закат всех империй, создававшихся великими державами на протяжении большей части их исторического пути. Поэтому, мне кажется, стоит говорить о заслугах Михаила Сергеевича не столько перед страной, сколько перед странами, которые появились на месте Советского Союза. Многие народы в результате его реформ получили возможность построить собственную государственность, а насколько успешно они ее развивают – это уже их дело.

Относительно России и опыта перестройки я сказал бы одно: все было сделано правильно, за исключением абсолютизации идеи демократизации. В СССР идея народовластия была крайне популярна – считалось, что оно служит гарантией от диктатуры и, обеспечивая его, мы приобщаемся к «общечеловеческим ценностям». На самом деле важнейшим отличием Запада от советского блока был его правовой порядок. Демократическое государство не обязательно бывает правовым – и этот момент не был достаточно оценен в годы перестройки. Вот почему именно «демократы», пришедшие к власти в конце 1990-х годов, и восстановили в итоге авторитарную систему, опираясь на популистские элементы демократизации.

На мой взгляд, современная путинская система не предстает отрицанием горбачевско-ельцинского периода; напротив, она тотально укоренена в ельцинской эпохе, которой время перестройки было полностью противоположно. Период правления М. Горбачева был единственным относительно продолжительным периодом свободы в России в XX в. и, по сути, стал временем перехода от тоталитарной политической системы к авторитарно-олигархической. Эта свобода сейчас уничтожена не полностью. Вкупе с роспуском империи она стала тем зерном, ростки которого сделают Россию качественно новой страной, но не при жизни Михаила Сергеевича (и, возможно,

даже не при жизни многих читателей этих строк). В придании нашему обществу такой динамики – великая заслуга М. Горбачева.

Для мира

Влияние Михаила Сергеевича на мир вне Советского Союза было самым большим, и, без сомнения, положительным. Пацифизм М. Горбачева стал фактором, без преувеличения позволившим человечеству пережить XX столетие, так как опасность ядерного конфликта была исключительно велика. Михаил Сергеевич, по-моему, понимал, что идеологическая борьба не стоит того, чтобы поставить на карту судьбы всего мира. Конечно, он искренне рассчитывал на обновление советского общества и изначально не планировал «сдавать» СССР ради всеобщего мира, но важны не столько намерения, сколько итог: опасная конфронтация была закончена. Усилия М. Горбачева позволили: объединиться немецкому народу, который уже почти залечил раны, нанесенные четырьмя десятилетиями искусственного раскола; создать поистине единую Европу в границах ЕС; на некоторое время снизить масштабы военных расходов; существенно повысить внимание международного сообщества к проблемам прав человека.

Распад советского блока, который стал реальностью при М. Горбачеве, положил конец традиционным геополитическим представлениям о «старших» и «младших» партнерах, «ограниченном суверенитете» и «сферах влияния». Мы и сейчас не вполне понимаем, насколько сократилось влияние «ведущих» держав даже на их непосредственных соседей, не говоря об остальном мире. «Протектораты», которыми были социалистические страны по отношению к СССР, сегодня более невозможны (что показала, например, авантюра США в Ираке), как невозможны и силовые действия одних стран по сокрушению независимости других (о чем свидетельствует неудача российской агрессии против Украины). Благодаря М. Горбачеву мир стал более гибким, а возможности великих держав – ограниченными.

Конечно, крах социалистического лагеря фундаментально изменил облик современного мира, спровоцировав всплеск глобализации, расширение всемирного экономического и гуманитарного взаимодействия. Разделенность планеты на два противоположных лагеря во многом блокировала все эти процессы, и потому не выглядит случайным, что информационная революция, как и радикальные изменения в паттернах миграции и международной торговли пришлось именно на постперестроечное время. Разумеется, я не собираюсь доказывать, что информационная революция произошла благодаря Михаилу Сергеевичу, но его вклад в строительство современного взаимосвязанного мира неоспорим – хотя его мечты о глобальном ненасилии и полном ядерном разоружении далеки от исполнения, и, возможно, никогда не станут реальностью.

И. Кобринская

ВРЕМЯ М. ГОРБАЧЕВА

Видимо, нет и не может быть правых в спорах о роли первого и последнего президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева в истории мира, страны, народа, каждой семьи. «Михаил, Михаил, ты построил новый мир!», пел на концерте в Кракове звезда польской эстрады А. Росевич летом 1988 г. улыбающимся в первом ряду Михаилу Сергеевичу и Раисе Максимовне Горбачевым, В. Ярузельскому, Э. Шеварднадзе... «Герой мира, изгой России», писали о М. Горбачеве российские журналисты, когда ему исполнилось 80.

Это была эпоха

У всех, переживших то время, правда своя. Чаши весов истории покачиваются, но остаются в относительном равновесии уже 30 лет. Мир стал иным – без большой крови и без ответа «прав или виновен». Может быть в этом и состоит феномен М. Горбачева. Но никто не отрицает, что его неполные семь лет у власти, это – эпоха. Такой она остается в жизни каждого.

Так сложилось, что всю эту эпоху, все события я воспринимала через тройную линзу. Летом 1987 г. муж уехал работать в наше посольство в Варшаве, и следующие пять лет я прожила, переживая, во-первых, все лично, во-вторых, анализируя и оценивая (хотя какие тут оценки!) профессионально, и, в-третьих, наблюдая и пытаясь понять происходящее в стране через призму польского восприятия, что, впрочем, также было частью профессии. Состояние порой было близко к шизофреническому. Часто случалось дежавю – я видела, как радовалась толпа, когда распался на куски цементный памятник Ф. Дзержинскому в Варшаве, и как страшно падал на людей железный Феликс в Москве. Ненавистные символы были одни и те же. В 1987 г. в Варшаве были карточки и полупустые полки продовольственных

Ирина Яковлевна Кобринская – кандидат исторических наук, руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (г. Москва).

магазинов. Потом бушевала инфляция. В Москве все то же случилось двумя годами позже.

Но если быть точной, моя эпоха М. Горбачева началась в октябре 1987 г. Тогда, в Варшаве в библиотеке Дома советской культуры и науки мне попался 9-й номер журнала «Юность», а в нем напечатанная полностью, без купюр притча гениального Ф. Искандера «Кролики и удавы». Для привыкших к цензуре, профессиональной самоцензуре, но, конечно же, читавших все в «самиздате», появление полного текста жесточайшей сатиры Ф. Искандера в журнале с многомиллионным тиражом стало шоком и Знаком – символом свободы слова. Именно тогда поверила, что в стране действительно начались перемены.

«Новое мышление» М. Горбачева стало обретать конкретные, даже личные смыслы – раньше невысказанные: посольство разрешило мне, жене дипломата, работать в Польской академии наук. Что дало уникальную возможность изучать изнутри восприятие политики М. Горбачева научным сообществом Польши. При этом задачи польских коллег, так же, как и у нас, много лет живших в двойной реальности, были теми же, что в институтах АН СССР. Помимо статей и книг, они писали экспертные записки принимающим решения на самом верху.

На самом деле именно в этот момент решалась судьба будущей польской «восточной» политики. И то, что сделал М. Горбачев в мировой политике, прежде всего, в Центральной и Восточной Европе, и сама его личность, шокирующее своей неожиданностью и силой обаяние оказали огромное влияние на восприятие не только польского общества, но и экспертов, несмотря на негативный исторический опыт. В октябре 1987 г. по опросам ведущего польского социологического центра CBOS, 75% жителей страны выражали симпатию ему и его реформам. Огромным успехом пользовалась его книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира». У книжных магазинов в Варшаве стояли очереди, тираж пришлось допечатывать. С М. Горбачевым же пришла «мода» на русское. В Театре Повшехны – «Мастер и Маргарита», одна из лучших постановок романа М. Булгакова. Постановка «Чонкина» В. Войновича, отрывки из которого впервые были опубликованы в той же «Юности» в 1988 г.

М. Горбачев приезжает в Польшу в июле 1988 г. Его приветствуют тысячные толпы поляков. Генерал В. Ярузельский много позже в интервью говорил, что теплее поляки принимали только Папу Иоанна Павла II. И еще: «До сих пор слышу слова Иоанна Павла II во время моего визита в Ватикан в 1987 г.: „Горбачева нам послало Провидение“». Открытый к диалогу М. Горбачев в момент визита в 1988 г. оказался не готов к ответу на вопрос о Катыхни. Но уже в 1990 г. польской стороне были переданы первые документы.

Через месяц после визита М. Горбачева в Польшу началась волна протестов, а в начале 1989 г. был организован «круглый стол». По

свидетельству В. Ярузельского, во время визита М. Горбачев дал ясный сигнал – Россия не будет вмешиваться в дела Польши. Этот же сигнал получили и другие страны ЦВЕ. Началась череда «бархатных» бескровных революций.

Для академического сообщества, естественно, в первую очередь были важны внешнеполитические шаги М. Горбачева. К моменту его визита в Польшу Советский Союз в декабре 1987 г. подписал Договор о ракетах средней и меньшей дальности. Базовый договор, обеспечивавший военно-политическую стабильность в Европе на протяжении более 30 лет. СССР начал выводить войска из Афганистана. В июне 1988 г. было подписано соглашение между СЭВ и ЕЭС.

8 декабря 1988 г. выступая на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке М. Горбачев заявил: «Для нас ясна обязательность принципа свободы выбора». Там же была представлена беспрецедентная по масштабам программа сокращения войск и разоружения.

Польское «новое мышление»

Безусловно, базовым мотивом М. Горбачева была попытка вывести из пике советскую экономику. Но внешнеполитический смысл и фокус его инициатив от этого не менялся. Ему не удалось спасти социалистическую экономику, но удалось открыть Россию миру и мир для России.

На этом фоне в академических кругах Польши если не возобладали, то серьезно рассматривались сценарии выстраивания восточной политики в духе школы парижской «Культуры» (польскоязычный журнал, который издавался во Франции) Е. Гедройца. Говоря современным политологическим сленгом – прагматической концепции реальной политики, учитывающей геополитическое и геоэкономическое положение Польши в Европе между Россией и Германией и не предлагающей решений в духе игры с нулевой суммой. Эта концепция, особенно в наши трудные времена, и в такие, скажем обтекаемо, странные политические времена в Польше, заслуживает особого внимания.

Политическую линию редактора «Культуры» Е. Гедройца, как отмечает польский историк А. де Лазари, лучше всего представляет том Ю. Мерошевского «Финал классической Европы». Редактор признавал, что нужно приспособливаться к текущим изменениям в мировой политике, «нужно уметь сохранять принципы и менять взгляды». Одним из главных принципов была открытость в отношении мира и людей. Никаких фобий.

Е. Гедройц с Ю. Мерошевским, пишет А. де Лазари, были до боли реалистами-прагматиками, решительными противниками романтизма и напыщенных жестов в политике. «Давайте начнем думать о будущем и текущей ситуации. Что нас характеризует – так это то, что мы постоянно копаемся в прошлом. Нужно с этим, наконец, покончить, чтобы закрыть всю эту историю. У нас нет никакой четкой политики ни

в отношении Запада, ни восточной политики, нет никакого видения будущего. Независимость заключается в том, что у народа есть видение того, к чему он стремится, и он старается это видение реализовать. У нас оно в настоящий момент совершенно отсутствует. Раньше мы держались за советский подол, теперь – за американский».

В коротком эссе не место рассуждать о понятиях «независимость» и «суверенитет» или подробно анализировать события 1990-х годов и (уже в который раз) причины вступления стран ЦВЕ, прежде всего Польши, в НАТО. Напомню лишь, что по данным опросов СВOS в 1992 г., самое большое беспокойство поляков вызывало объединение Германии, в распаде же Советского Союза их беспокоила возможная нестабильность на восточной границе, в Белоруссии и Украине.

Что же касается восточной политики, то Е. Гедройц предлагал «прежде всего, нормализовать отношения с Россией и следить за тем, чтобы Украина, прибалтийские государства и Беларусь сохраняли независимость в качестве партнеров». «Мы боремся с советским строем, но стремимся к нормализации отношений с Россией и налаживанию сотрудничества с российской интеллигенцией».

На переломе 1980–1990-х годов дух и философия «Культуры» на фоне горбачевского «нового мышления» способствовали формированию польского «нового мышления», а также появлению целой плеяды открытых миру и России блестящих министров иностранных дел новой Польши – К. Скубишевского, В. Бартошевского, Б. Геремека, А. Д. Ротфельда, С. Меллера и сильных дипломатов, которые даже веда страну в НАТО и ЕС, старались, тем не менее, выстроить партнерские отношения с Россией. Не могу не вспомнить и блестящего российского дипломата, возглавлявшего в те трудные времена наше посольство в Варшаве – Ю. Кашлева, одним из первых отказавшегося признать ГКЧП. Тогда же появилось и серьезное польское россиеведение. В 1990 г. М. Карп основал Центр восточных исследований по изучению постсоветских государств. Существенно позже, в 2008 г., в той же парадигме открытости «Культуры» Е. Гедройца во Вроцлаве начал выходить журнал «Новая Восточная Европа».

В то же время и в том же духе укрепилось на многие годы и живо до сих пор польско-российское «диссидент-сообщество» – А. Михник, В. Ерофеев... В меняющейся внутривосточной ситуации в странах роль этого сообщества не меняется и дает надежду на лучшие времена и большее взаимопонимание...

Упрощая по сути, для создававших концепцию восточной политики польских экспертов вопрос стоял так: либо уделять главное внимание отношениям с будущей Россией при партнерстве с УЛБ (Украиной-Литвой-Белоруссией), либо выстраивать жесткий буфер УЛБ и уходить от России на Запад. На тот момент, не будем забывать, Польша оставалась членом еще не распущенного Варшавского

договора с российскими танками на территории страны. И главную проблему эксперты видели в возможном развале Советского Союза. То, что он наступит так скоро, представить не мог никто. Но к нему готовились. В конце 1990 г. на закрытой конференции польской Академии национальной обороны обсуждались сценарии распада СССР и возможных действий советской армии.

Конец «горбачевомании» в Польше наступил неожиданно, 13 января 1991 г., когда произошли события в Вильнюсе. Посольство в течение двух недель было в осаде. Мне – мы жили в обычном польском доме без охраны – в первый раз стало страшно за семью.

Изменился ли мир?

Для меня эпоха М. Горбачева закончилась 21 августа 1991 г. Под окнами по шоссе из Москвы выходили танки, и я плакала от радости после трех дней дикого напряжения и бессонницы. Побежала за хлебом. В булочной стояла длинная очередь – «выкинули» сахар. Волновались, что не хватит. Улыбаясь, говорю пожилой женщине – да ладно, зато танки выходят из города. Ее лицо и сейчас перед глазами. «Пусть будут танки, но будет сахар», – сказала она.

Изменился ли мир? Россия? Прочитую одного из лучших профессионалов в области контроля над вооружениями, хорошо знающую Россию Р. Гетемюллер. В августе 2020 г. она и еще более 100 ведущих американских экспертов и политиков опубликовали открытое письмо «Настало время пересмотреть нашу политику в отношении России». Там говорится: «Сегодняшняя реальность такова, что Россия при Владимире Путине действует в таких стратегических рамках, которые выстроены на глубоко укоренившихся националистических традициях, находящих отклик у элиты и у масс. Преемник [В. Путина], причем даже с более прочными демократическими наклонностями, наверняка будет действовать в таких же стратегических рамках. Было бы неверно строить американскую политику на посылке о том, что мы можем и должны изменить эти рамки».

Михаил Сергеевич Горбачев пытался не изменить, но сломать эти рамки. И это у него не получилось. Он изменил мир, дал странам Центральной и Восточной Европы свободу выбора. И они сделали выбор, который представлялся им рациональным и свободным.

Сегодня мы ставим уже другие вопросы. Возможен ли и эффективен ли суверенитет в борьбе с новыми глобальными угрозами? Как преодолеть процессы хаотизации и ренационализации в мировой политике? Какая Россия нужна нам и какая Россия нужна миру?

И все же жить в эпоху М. Горбачева, испытать ее дух, было захватывающе интересно. Это было круто...

А. Колесников

РЕВОЛЮЦИЯ ОЖИДАНИЙ

После того, как 23 апреля 1985 г. М. Горбачева избрали генеральным секретарем ЦК КПСС А. Черняев, будущий его помощник, записал в своем дневнике, который вел много лет: «От Горбачева многого ждут, как начали было ждать от Андропова. А ведь нужна «революция сверху». Не меньше. Иначе ничего не получится. Понимает ли это Михаил Сергеевич?» М. Горбачев это понимал, но лишь отчасти: генеральный секретарь и предположить не мог, что, ослабив гайки, допустив гласность и элементы рыночной экономики, он потеряет не только социализм, но и саму империю.

Чего не мог предсказать генсек?

Перестройка была революцией ожиданий. Ждали перемен после двадцати лет, в которые уместились брежневский застой и «гонка на лафетах» (за два с половиной года умерли три генеральных секретаря-геронтократа). Ждали смены лидера. И появление М. Горбачева, о чем сегодня уже все забыли, было воспринято страной с облегчением.

Перестройка, а затем реформы 1992 г. – это была революция политическая, социальная, ментальная, поведенческая, психологическая, экономическая. Но степень ее управляемости явно переоценивалась властями. Как говорил потом Е. Гайдар: «Бессмысленно кричать толпе, бегущей штурмовать Бастилию: «Постойте! А вы уверены, что Франция имеет все институты для эффективной демократии? Давайте остановимся и проанализируем, какие есть для этого предпосылки». У революций своя логика и свои движущие силы».

М. Горбачев, если чего и хотел, так это сохранения социализма и Советского Союза – за счет перемен и возвращения к «ленинскому курсу». Он, вообще-то, был президентом именно СССР и хотел им оставаться. Сопrotивлялся республиканскому сепаратизму. Вел

Андрей Владимирович Колесников – руководитель программы «Внутренняя политика» Московского центра Карнеги (г. Москва).

войну с Б. Ельциным, чей интерес был в суверенизации России. Запустил новоогаревский процесс, пытаясь спасти Союз хотя бы без уходивших прибалтийский стран и Украины: с апреля 1991 г. Горби делал попытки договориться с главами республик о новом Союзном договоре, фактически о конфедерации – лишь бы спасти империю. В него были вовлечены главы девяти республик; Б. Ельцин как лидер России постоянно маневрировал, то соглашаясь подписать договор, то выставляя новые условия. Тем не менее на 20 августа 1991 г. было намечено подписание нового Союзного договора. Но 19 августа случился государственный переворот. Путч августа 1991 г. констатировал смерть СССР за несколько месяцев до Беловежских соглашений и 25 декабря 1991 г., когда флаг Советского Союза был спущен.

М. Горбачев не мог думать, что демократизация, которую он начал, закончится развалом Союза. Но все империи распадаются – от Османской до Британской. СССР был обречен еще и потому, что демократизация разбудила национальные движения в республиках. Остановить процесс распада было невозможно. Это – логика истории.

Горбимания

В начале была «горбимания» – невероятная популярность М. Горбачева на «старом» Западе и в Восточной Европе: он дал свободу Восточному блоку, сорвал «железный занавес» и избавил мир от страха ядерной войны.

Еще раньше был этап феерической популярности внутри страны. С народом у М. Горбачева получилась любовная химия, но именно поэтому от него ждали белой магии: чтобы все было по-прежнему, чтобы можно было гонять целыми днями чай в бессмысленных советских учреждениях, но при этом прилавки ломались бы от товаров, и вообще жизнь стала хотя бы как в ГДР или Венгрии, а еще лучше, как в Западной Европе. Оказалось, что так не бывает – надо было много работать и адаптироваться к новым обстоятельствам. М. Горбачеву этого многие простить не могут до сих пор. Как не простили Б. Ельцину обещанных и не случившихся изобилия и стабильности к концу 1992 г. Как не простили Е. Гайдару того, что он вынужден был взять на себя ответственность за либеральные реформы.

«Архитекторы» перестройки понимали ее как революцию. Отчасти это была дань позитивному значению слова в связи с переосмыслением романтического наследия Великой Октябрьской. Но и характер, и глубина преобразований в самом деле «дотягивали» до революции. Доклад М. Горбачева в 1987 г. к юбилею 1917 г. назывался «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Достаточно было очистить В. Ленина от И. Сталина, и в социализме обнаружались бы нераскрытые источники энергии. Горби думал, что революция окажется соеди-

няющей идеи В. Ленина и демократию с рынком. Такого исторического оксюморона – соединения несоединимого – не могло получиться.

Безусловное достижение М. Горбачева – «новое мышление», открытость миру, сближение с Западом. Подобного рода конвергенция ценностей позволила в 1989 г. Ф. Фукуяме сделать вывод о «конце истории». Реальность и последующее течение событий оказались сложнее, но Ф. Фукуяма был абсолютно прав в том смысле, что процесс, начатый М. Горбачевым, по большому счету и должен был привести к историческому ценностному единству Запада и России. От рецепции этих ценностей выиграли все: государство становилось более гуманным, общество – более раскрепощенным.

М. Горбачев покончил с «холодной войной». Выдающийся историк Э. Хобсбаум в работе «Эпоха крайностей» писал о завершении противостояния СССР и Запада: «...мир столь многим обязан Михаилу Горбачеву, который не только взял эту инициативу на себя, но и смог в одиночку убедить американское правительство и остальной Запад в твердости своих намерений».

Одним из результатов перестройки стала институционализация выборов как инструмента демократии. Тем самым был создан механизм для легитимного формирования власти и ее смены. Появилась ценность, разделяемая и народом, и перестроечной элитой. Но не самой властью: М. Горбачев, когда КПСС начала терять популярность, решил стать президентом СССР, но на всенародные выборы не пошел – его избрал Съезд народных депутатов. По сути, коллегия выборщиков.

Парадокс истории: по мере расширения свобод «горбимания» внутри страны шла на спад. М. Горбачев и сам не мог понять: как, осуществляя демократизацию, не потерять власть.

От какого наследства (не) отказался М. Горбачев

М. Горбачев получил тяжелейшее наследие. Застой – это не метафора, а реальное состояние страны, основной социальный контракт в которой описывался так: «Мы делаем вид, что работаем, вы делаете вид, что нам платите». СССР стал государством большой имитации всего.

Фактор, расслабивший Советский Союз, – высокие цены на сырье, которые позволяли существовать, не реализовывая реформы и затыкая продовольственные дыры импортом: новозеландское мясо давалось дешевле, чем отечественное. СССР был крупнейшим импортером продовольствия в мире: к началу 1980-х годов превышение импорта над экспортом составило более 15 млрд долл. Снижение цен на нефть в середине-конце 1980-х годов лишило СССР финансовой подушки. Рос неудовлетворенный спрос, т.е. на те деньги, которые были на руках у населения, мало что можно было купить. Темп ежегодного прироста неудовлетворенного спроса к началу перестройки достиг 16%.

Проблема была в том, что страна производила товары, на которые в большинстве случаев мог быть только искусственный спрос – это одно из ключевых свойств плановой экономики. В результате война – во всех ее проявлениях, от внешнеполитических до психологических – отравляла и разъедала страну. Еще одно губительное свойство советской экономики – предельная милитаризация. Большая ее часть работала на подготовку к войне. Колоссальный спад производства в начале 1990-х годов – это прежде всего обвал советского ВПК. Масштабы военных расходов и их доля в ВВП были засекречены. Но даже косвенные данные свидетельствуют о противоестественных перекосах: в 1970-е годы СССР производил в 20 раз больше танков, чем США. В высокой степени все это уже диктовалось не собственно военными нуждами, а необходимостью сохранять занятость на предприятиях.

Страна, всю жизнь готовившаяся к войне, подорвалась на гонке вооружений, поддержке режимов-сателлитов и братских партий.

Потом М. Горбачев остановил противостояние двух систем, разрушил «железный занавес», отвел угрозу войны. В результате огромная часть экономики, работавшей на войну, оказалась просто ненужной. Как и рабочая сила. Это была еще одна мина, которая разорвалась в ходе преобразований страны.

Но еще важнее экономики – то, что называлось «духовной сферой». Произошла моральная катастрофа, начался кризис доверия к власти, и все это было усугублено ненужной афганской войной, которая морально и физически ранила целое поколение.

В коммунизм уже никто не верил. Общество было демотивировано. Воровство и коррупция стали способами обустройства повседневной жизни, что соответствовало логике товарного дефицита (взятки в торговой среде и советский глагол «достать») и нерыночного производства. Точнее, это был так называемый административный рынок: по стране разъезжали многочисленные снабженцы, обеспечивавшие предприятия комплектующими по логике «Ты мне – я тебе».

Чем дольше предшественники Горби тянули с экономическими реформами после провалившейся попытки 1965–1968 гг., тем выше с каждым годом становилась цена преобразований, тем в большей степени шоковыми они должны были оказаться. Чем дольше тянулась эпоха застоя в политике, тем сильнее должен был сдетонировать заряд желания перемен и массового недовольства властью.

До осторожной реформы экономики генсекдозрел только к 1987 г., когда был проведен знаменитый пленум. М. Горбачев начал экономическую реформу, но был так непоследователен в ее проведении, что цена ее к 1991 г. необычайно возросла: власть не решилась отпустить цены, начать приватизацию, а сама мысль о возможности безработицы казалась крамольной (Н. Шмелева, допустившего это в 1987 г. в своей знаменитой статье «Авансы и долги», генсек раскритиковал). Гонка

экономических программ закончилась ничем. Страна залезла в долги. Весь груз проблем достался следующему поколению политиков.

Запустив процессы демократизации, М. Горбачев потерял прибалтийские республики, а затем пытался навести там порядок силой. Долго сопротивляясь раскрытию правды о секретных протоколах пакта Молотова – Риббентропа и о Катынском расстреле, был вынужден признать исторические факты. Он закончил афганскую войну, но этот жест уже не мог добавить ему популярности в 1989 г.

Мир М. Горбачева

В какой-то момент М. Горбачев стал казаться консерваторам разрушителем, не контролирующим ситуацию, а в глазах радикалов он, напротив, выглядел консерватором. Время востребовало нового лидера. Б. Ельцин, ставший президентом России в еще не распавшемся СССР, оказался популярнее президента Советского Союза.

М. Горбачев – вольно или невольно, однако именно в силу масштаба своей личности – оказался великим реформатором. Перестройка означала свободу, эмансипацию общества от государства – впервые за всю российскую досоветскую и советскую историю. Она означала возможность свободного разговора и открытость миру.

Это главное ее наследие, от которого не отказался политический противник Михаила Сергеевича Б. Ельцин, но зато отказались все следующие поколения российских лидеров. Советский Союз времен М. Горбачева был свободнее сегодняшней России. Тогда благодаря Михаилу Сергеевичу мы располагали тем, чем не располагаем сейчас – надеждой на лучшее будущее, верой в то, что выход есть.

Горби дал возможность быть свободными. Кто-то ею воспользовался умело и благодарно, иные не справились с управлением собственной свободой и теперь винят за это М. Горбачева, хотя винить стоило самих себя. Феномен «бегства от свободы» описан очень давно, поэтому нет ничего удивительного в том, что перестройка и реформы, а также их лидеры непопулярны в той же степени, в какой популярны конспирологические версии причин гибели империи и самый жестокий вождь в российской истории. М. Горбачеву не могут простить свободу и сакрализуют собственную несвободу.

И все-таки мы отчасти живем именно в том мире, который он пытался создать и в результате создал. Этот мир теперь кажется утопией, только ретро-утопией: когда-то мы жили свободно и верили в лучшее.

Вероятно, горбачевский мир и есть та цель, достижение которой может стать задачей и мечтой для государства и общества. Своей революцией Горби, по крайней мере, показал, как могут выглядеть общество, желающее свободы, и государство, не препятствующее обществу.

Достойный пример для подражания.

Гж. В. Колодко

КОЛУМБ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВЕЛИКАЯ ОШИБКА М. ГОРБАЧЕВА

Еще в 1980-х годах Союз Советских Социалистических Республик, СССР, руководствовался преимущественно большевистским принципом искоренения из социально-экономической практики всего того, что предшествовало социалистической революции на рубеже второго и третьего десятилетий XX в. Экономика, общество и государство должны были функционировать по принципу не рационального изменения предшествовавшего режима, а его тотального разрушения – как антитеза капитализма. Частная собственность должна была быть полностью заменена государственной, рыночные механизмы – централизованным планированием, а деньги играть все меньшую роль.

Время пришло

Робкие реформаторские попытки отхода от подобного догматизма, предпринимавшиеся в течение трех десятилетий, в 1956–1985 гг., мало что изменили в существовавшем положении вещей. Догматики были убеждены, что установившийся порядок может сохраняться *ad calendas sovieticas* – «до советских календ». М. Горбачев, новый советский лидер, возглавивший единственную правящую партию и государство, понимал, что это фундаментальное заблуждение. Настало время для качественных экономических и политических изменений, для перестройки и гласности.

Редко бывает, чтобы политик писал на страницах истории так ясно, как М. Горбачев. По понятным причинам он не мог быть преемником И. Сталина – в 1953 г. ему было 22 года, он еще был студентом. М. Горбачеву не выпал шанс провести радикальные политические реформы сразу после смерти И. Сталина, в отличие от китайского ли-

Гжегож Витольд Колодко – доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER при Университете Козьминского, иностранный член РАН (г. Варшава).

дера Дэн Сяопина, которому история дала такую возможность после 1976 г., вскоре после ухода Мао Цзэдуна. Когда в Китае уже стало неважно, будет ли кот черным или белым – лишь бы ловил мышей, Советскому Союзу все еще было далеко не только до коммунизма, но и до социалистического прагматизма. Однако в конце концов время реформ должно было наступить, что и произошло, когда в 1985 г. М. Горбачев занял ключевые позиции в партии и государстве.

Мне довелось не только наблюдать за его действиями, но и встречаться с ним лично, обмениваться мыслями напрямую – впервые четверть века назад, в 1996 г. Узнал ли я что-то от него? Наверное, не столько узнал, сколько подтвердил убежденность, с которой сам пришел в политику чуть раньше, в начале 1990-х годов: в политической деятельности нужно проявлять не только мужество и огромную решимость – которых М. Горбачеву, безусловно, хватало, – но и представлять, что начавшиеся процессы могут выйти из-под контроля и пойти совершенно не так, как предполагалось. Именно такого представления оказалось недостаточно у этого великого государственного деятеля.

М. Горбачев не хотел отходить от социализма или ликвидировать Советский Союз. Он хотел спасти социализм. Его намерение состояло в том, чтобы придать «человеческое лицо» советской системе: в ее основе должна была лежать социальная поддержка, а не сила государства и его насилие над собственными гражданами. Этим целям должны были послужить политические реформы, прежде всего гласность, а также экономические реформы, известные как перестройка. Их импульс был настолько мощным, что с момента запуска первого искусственного спутника Земли только эти два слова – «перестройка» и «гласность» – полноправно вошли во многие языки, включая польский и английский. Их не переводят, потому что благодаря М. Горбачеву они сами говорят за себя.

Для одних реформы зашли слишком далеко, так как ограничили привилегии, связанные с их должностями, затруднив тем самым реализацию идей инициатора перемен. Для других – они оказались недостаточными, слишком поверхностными, не создавали нового качества, а потому оказались под прессом критики. К сожалению, первые взяли верх, заблокировав выбранный курс реформ. Разделяя убежденность в фундаментальной обоснованности реформистского подхода, я несколько лет спустя спросил М. Горбачева, почему он не пошел дальше, по крайней мере, как в Польше или в Венгрии. Он ответил мне вопросом: «Вы хоть представляете численность номенклатуры в СССР?» Именно ее интересы нарушались перестройкой. В партии и государственном управлении, в армии и в экономике, в науке и культуре насчитывалось 20 млн должностей – от низовых до высших, в Москве и в столицах 14 союзных республик. И тогда, и сейчас нарушить

это соотношение оказалось невозможно, потому что аппарат советской власти, институционально и политически связанный с номенклатурой, отстаивал свои убеждения, твердо веря, что это в интересах общества. Лишь отдельные представители номенклатуры понимали, что в ходе реформ ситуация может измениться к лучшему и для них.

Дилемма выбора

Весной 1989 г., когда Советским Союзом руководил М. Горбачев, состоялся единственный советско-китайский саммит. В мае того же года, т.е. спустя всего два месяца после польского «круглого стола», увенчавшегося творческим компромиссом, и первыми за послевоенные годы демократическими выборами в Польше, советский лидер встретился с китайским. Без сомнения, они с большим вниманием следили за польской трансформацией, делая для себя полезные выводы. В дни визита М. Горбачева в Пекине на площади Тяньаньмэнь прошли большие студенческие демонстрации против действующего политического строя. Это было невероятное совпадение: именно в тот день, 4 июня, когда китайская армия жестоко подавила студенческое восстание, поляки мирно проголосовали за большие перемены.

По случаю встречи на высшем уровне в Пекине другой государственный деятель, Г. Киссинджер, уже обладавший богатым геополитическим опытом, опубликовал в *Newsweek* эссе, в котором задал фундаментальный вопрос: кто прав – М. Горбачев, который по советским меркам зашел достаточно далеко в политических реформах, в гласности, но не слишком далеко в экономических переменах, в перестройке, или Дэн Сяопин, который смело шел на постепенные экономические перемены, но, по сути, мало что делал в сфере либеральных политических реформ?

Когда я впервые встретил Г. Киссинджера в Париже летом 1996 г., то сослался на эту дилемму и сказал, что это некорректный вопрос, поскольку оба – и М. Горбачев, и Дэн Сяопин – ошибаются, а правы мы, поляки, потому что идем по пути одновременно политической и экономической либерализации, по пути демократии, по пути рынка.

Сегодня я считаю, что, мы, поляки, многого добились в постсоциалистической политической трансформации и создании социальной рыночной экономики, хотя все еще далеки от формирования устойчивой либеральной демократии в ее полнокровной форме. В то время, четверть века назад, я не ожидал, что после стольких лет усилий по трансформации дисфункция политической сферы будет подвергаться большей критике, чем недостатки и упущения капиталистической экономики.

Я возвращался к дилемме выбора пути на последующих встречах с М. Горбачевым (всегда в Москве) и особенно в многочисленных

разговорах с Г. Киссинджером (в Нью-Йорке), и, конечно, в Пекине. Надо согласиться с М. Горбачевым в том, что он сделал многое из того, что было возможно в тех политических реалиях. К сожалению, он не избежал ошибок. Помимо преобразований страны, он проделал грандиозную работу на геополитической арене, положив конец пагубной «холодной войне» с Западом. Берлинская стена простояла бы немного дольше, если бы не польский «круглый стол», но она простояла бы намного дольше, если бы не смелые решения советского лидера. Это всегда будет оцениваться высоко.

Когда я однажды сказал М. Горбачеву, что если бы не его политика, то невозможен был бы политический прорыв, который позволил изменить экономическую систему в Польше, он отреагировал: напишите об этом, ладно? Вот, пишу, потому что знаю: так и было. За это он тоже заслуживает признания и похвалы.

Вернемся в контексте советско-китайского саммита 1989 г. к жесткой дилемме Г. Киссинджера: если не во время парижской встречи 1996 г., то при каждой последующей беседе ни у кого из нас не возникало сомнений в том, что прав был Дэн Сяопин, а не М. Горбачев. То, что произошло в экономике со времени встречи этих двух титанов политики – тектонический сдвиг. Ни такого невероятного развития китайской экономики, ни такой экономической стагнации России (и, следовательно, столь огромной разницы в динамике роста обеих стран) никто не ожидал.

Если экономические успехи Китая следует отнести на счет политики Дэна, то позор российской экономики, где за последнее десятилетие XX в. национальный доход упал более чем наполовину, – «заслуга» преемников М. Горбачева. В 1990 г. ВВП России (по паритету покупательной способности), тогда еще советского периода, был примерно в два раза больше, чем у Китая. Сегодня ВВП Китая в восемь раз (sic!) больше, чем у России. Конечно, сравнения нельзя сводить только к динамике и уровню ВВП, но сопоставление этих показателей весьма наглядно.

В конце концов, М. Горбачев, конечно, должен нести ответственность за изменение экономической ситуации при фундаментальных политических изменениях. Пока она не изменилась к лучшему: ВВП на душу населения в России в 2020 г. составляет лишь 140% от показателя 1990 г., в Китае около 1870, а в Польше – почти 280%. Политические изменения также не впечатляют, но Россия отошла от прежней авторитарной системы, хотя, к сожалению, где-то остановилась и застряла на этом пути, что препятствует экономическому прогрессу. Тот факт, что в некоторых других постсоветских республиках демократии еще меньше, а то и вовсе нет, не утешает.

Китай не только не дистанцировался от авторитаризма, но и ужесточил эту политическую систему – сначала после 1989 г., а затем

после 2012 г. Это, конечно, не демократия, но это, несомненно, меритократия. Именно специфическая система творческой синергии государства и рынка, а также сопутствующая ей разумная политика, использующая глобализацию, которую я называю китаизмом, и есть причина великого китайского успеха.

М. Горбачев – советский лидер и в то же время реформатор и государственный деятель глобального масштаба. Он хотел изменить природу социализма (ныне, *ex post*, в литературе его чаще всего называют коммунизмом); вместо того, чтобы оставить его истории, он хотел дать ему шанс выжить и развиваться; вместо того, чтобы отказаться от него, он хотел спасти его от краха под растущим бременем собственной неэффективности. Однако получилось иначе, и, вопреки собственным намерениям, М. Горбачев, как никто другой, способствовал краху реального социализма.

М. Горбачев открыл многим миллионам людей новое пространство для жизни. Не сомневаюсь, что ему будут воздвигнуты памятники, как Х. Колумбу. Надеюсь, их никогда не снесут, как сносят сегодня те, что когда-то воздвигли в честь первооткрывателя Америки, приписывая ему грехи, совершенные позже другими. Х. Колумб решительно отправился на поиски нового пути в Индию, движимый прежде всего желанием разбогатеть, но и любопытство было ему не чуждо. Ему, конечно, хватало и смелости. Достигнув неизвестного европейцам континента, он фактически не знал, где находится, и принял его за Индию.

Наследие его ошибки вечно; мир сильно и безвозвратно изменился, хотя и не во всех аспектах к лучшему.

М. Горбачев тоже ошибался. Как Х. Колумб. Он имел в виду совсем не то, что в итоге получилось в результате его реформ. Но благодаря его усилиям сегодня вокруг нас хорошего больше, чем плохого. Значит, благодаря М. Горбачеву наш мир стал лучше, не так ли?

В. Кувалдин

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ЖИЗНЬ...

С момента отстранения М. Горбачева от власти в результате дворцового госпереворота прошло почти 30 лет. По историческим меркам не так много, но все же достаточно для того, чтобы попытаться оценить значение первого и последнего президента СССР для России и мира.

Политическое наследие

Вкратце его политическое наследие сводится к следующему:

- закончил «холодную войну»;
- дал Отечеству реальный шанс стать свободной, демократической страной;
- предложил свое видение устройства глобального мира для XXI в.

М. Горбачев закончил, а не проиграл «холодную войну». Как многоопытный гроссмейстер, он вытащил почти безнадежную партию. Все разговоры о проигрыше СССР в «холодной войне» – от лукавого. За ними стоит или полное незнание темы, или мелкие политические расчеты. Особенно забавно, когда эту выдумку повторяют наши доморощенные «эксперты».

Не вдаваясь в малосодержательные дискуссии на эту тему, приведу простой аргумент: в отличие от Первой и Второй мировых войн, «холодная война» завершилась без каких-либо обязывающих международно-правовых документов. Просто обе стороны устно признали, что идея изжила себя. Когда это англосаксы, вершившие бал в мировой политике в XX в., вот так, за здорово живешь отпускали на волю поверженного противника? Что-то не припомню такой широты души.

Президент Р. Рейган любил повторять: «для танго нужны двое». Разумеется, М. Горбачев не мог закончить «холодную войну» в одиночку. Нужны были серьезные, надежные западные партнеры. Он и нашел их

Виктор Борисович Кувалдин – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики (факультет) МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

в лице Р. Рейгана, М. Тэтчер, Г. Коля, Ф. Миттерана. Но все-таки Нобелевскую премию мира присудили ему, а не кому-то другому.

То, что в перестройку люди расправили плечи, вздохнули свободно, почувствовали себя полноправными гражданами, вроде никто не ставит под сомнение. По всеобщему признанию, именно тогда власть слушала и слышала общество, шла ему навстречу. Более того, скинув с общества сталинский намордник, энергично насаждала гуманные, цивилизованные формы отношений между управляющими и управляемыми. Перестройка оставила нам память о самых чистых и честных выборах в российской истории. Настолько чистых и честных, что ярые оппозиционеры становились президентами республик, председателями Верховных Советов, мэрами крупнейших городов. Высший орган власти в стране, демократически избранный Съезд народных депутатов СССР, казалось, навсегда похоронил однопартийное самодержавие.

Демократию в стране Михаил Сергеевич тоже продвигал не в одиночку. Была активная поддержка и наиболее передовой части общества, и дальновидных представителей правящей элиты. Но его роль была ключевой. Вычеркните М. Горбачева из политических раскладов второй половины 1980-х годов и посмотрите, что получится.

На фоне этих ярких страниц истории оказалась в тени третья – с моей точки зрения наиболее значимая – часть политического наследия М. Горбачева. Она адресована городу и миру. Оценить ее по-настоящему мы смогли только в прошедшем, 2020 г.: коронавирус слегка прочистил мозги и заставил вновь как следует задуматься о прошлом, настоящем и будущем. Сколько потешались над общечеловеческими ценностями, которые предложил миру, выходящему из смертоубийственной «холодной войны», последний генсек ЦК КПСС. Постарались представить его чуть ли не недоумком, так и не освоившим азов мировой политики. Но ведь это было последнее настоящее прозрение российского мессианства, возможно, последний завет, который мы – как цивилизация – оказались в состоянии оставить заплутавшему миру.

Прошло три десятилетия, и мы снова у разбитого корыта, на развилке дорог в неясно-пугающее Завтра. Американоцентристская модель мира, неолиберальный глобальный проект, похоже, исчерпали себя. Слишком многие в мире не приемлют ни того, ни другого, оказавшись лишними на этом празднике жизни.

При этом, в отличие от прошлого, какой-то реальной великодержавной альтернативы существующему миропорядку не видно. По-настоящему серьезный вызов существующему порядку вещей бросает только китайский симбиоз однопартийной политики с рыночной экономикой. Но это, как говорится, на любителя. Со своей стороны китайцы, в отличие от американцев, справедливо полагают, что их уникальный опыт не поддается тиражированию.

Значит, нужен некий общий исходный принцип, чтобы всем нам не уподобиться строителям Вавилонской башни. Объединяет нас только одно: все мы люди, наделенные божественным Разумом. Всем нам свойственно любить жизнь, ценить свободу, искать счастья. Это и есть общечеловеческие ценности, единственная надежная основа для созидания глобального сообщества будущего.

Мораль выше политики

Все три политических мегапроекта М. Горбачева родились из одного источника. Это его человечность. Качество, довольно редко встречающееся у больших начальников, что отечественных, что зарубежных. Здесь у Михаила Сергеевича явное родство душ с другой оболганной фигурой отечественной истории, Н. Хрущевым. Две белые вороны советского политического Олимпа.

И тот, и другой – результат рокового просчета соратников по Политбюро. Не избери они М. Горбачева генсеком в марте 1985 г., не было бы перестройки. Точно также Н. Хрущев, по-видимому, единственный из сталинского окружения, кто мог рискнуть пойти на десталинизацию. Он с великим трудом скинул пропитанную грязью и кровью сталинскую шинель. Но он, сколько мог, протащил мяч по минному полю партийной номенклатуры. Несмотря на все потуги реставраторов в брежневскую эпоху, страна не вернулась к сталинизму. В ней жили, работали, ждали своего часа дети хрущевской оттепели, поколение «шестидесятников», наиболее ярким представителем которого стал быстро делавший карьеру М. Горбачев.

Н. Хрущев старался очеловечить сталинскую Систему, М. Горбачев демонтировал ее. Но за три поколения советской власти Система срослась с обществом и государством, и без нее – как без иммунитета – они становились легко уязвимы. С ними становилась уязвима и человечность М. Горбачева, его принципиальное нежелание использовать даже легитимные орудия государственного насилия.

Многие ставят это в вину Михаилу Сергеевичу. От этого упрека так просто не отмахнешься, но присоединиться к нему я не желаю. У нашего Отечества тяжелая, кровавая история, оплаченная многими миллионами человеческих жизней. М. Горбачев не стал увеличивать этот нескончаемо длинный мартиролог. Он всегда ставил мораль выше политики. Это его суть, и не нам, грешным его судить.

В горбачевском политическом наследии сплавлены три послания наступившему новому веку. Для почетного места в истории XX в. хватило бы и одного. У него их три. Говорят, Бог троицу любит.

А. Малащенко

ТРУДНО БЫТЬ М. ГОРБАЧЕВЫМ

11 февраля 1984 г. когда мы, сотрудники журнала «Проблемы мира и социализма», узнав новость об избрании К. Черненко генеральным секретарем ЦК КПСС, спустились по лестнице, представитель Компартии Индии Э. Пахат молвил: «Что вы делаете, вы губите коммунистическое движение». Никто ему не возразил. Все и без того понимали: гибнет не только и столько оно, сколько Советский Союз. К счастью, в марте следующего 1985 г. генсеком стал М. Горбачев. Его избрание можно сравнить с хирургической операцией, которая делается в случае, когда больной безнадежен, и надеяться на чудо поздно. Тогдашнее Политбюро на такую операцию пошло – выхода не было.

Его чудо не состоялось

В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев за власть боролись, Л. Брежнев на нее назначили, на Ю. Андропова и К. Черненко власть свалилась, В. Путина к власти привели.

М. Горбачев во власть въехал. Кроме него доехать до нее из антикварного партийного синклита никто не мог. Аналитик А. Колесников считает М. Горбачева «заложником истории», чья «неумолимая логика привела его к власти», а затем «спустя несколько лет сочла историческую миссию последнего генсека исполненной»¹.

Любящие критиковать Михаила Сергеевича, критикуйте лучше историю.

Для того времени он со всех точек зрения был идеальной фигурой для переобустройства Советского Союза. Ему не было альтернативы.

Алексей Всеволодович Малащенко – доктор исторических наук, руководитель исследований в Институте диалога цивилизаций (г. Москва).

¹ Колесников А. Спичрайтеры. Москва: Изд. «Хранитель», 2007. С. 126–127.

Хотя гипотетической альтернативой мог стать «условный Сталин» и... столь же условный А. Навальный.

Лучше М. Горбачева быть и не могло. Хуже – сколько угодно. Его обожают ругать, недовольство им растет аж с 1987 г. Здесь нет ничего неожиданного.

Мог ли он сделать больше? Нет. Если он вдруг поспешил бы, перешел границы своей перестройки, ГКЧП случился бы намного раньше.

Известный в те времена литературный критик, консервативно настроенный В. Бондаренко писал: «Сегодня чичиковы и швондеры стремятся оседлать перестройку, направить ее по пути «пражской весны» или польской Солидарности...»². Чем все закончится автору этих строк и присниться не могло. Впрочем, как и самому М. Горбачеву.

В СССР всех вождей ругали, всегда – после их смерти и отставки.

М. Горбачева ругали, когда он еще работал. То, что его было позволено критиковать почти в открытую, одна из самых главных заслуг генсека. В недалекую старину это называлось гласностью. Попробуйте покритиковать сегодня В. Путина. Так что его критики объявятся нескоро.

Обижаться на М. Горбачева за то, что он слишком долго оставался верным ленинцем, несправедливо. Это все равно, что сердиться на слона за его длинный хобот или на тигра за острые зубы. Ленинизм для честного коммуниста (а М. Горбачев был честен) – на уровне подсознания, физиологии, если угодно. Для него отказаться от ленинизма все равно как отрезать часть тела, кастрировать самого себя. Застрелиться, наконец.

М. Горбачев искренне верил в возможность реализации в будущем коммунистической утопии, пусть и под ником «социализм с человеческим лицом», расчистить светлый путь в который мечтал. Он хотел, как лучше, и верил, что знает как.

Насколько проще было Ю. Андропову. Он, тоже знал как и что делать. Не приведи Господь, если ему хватило бы времени на сотворение его «дисциплинарной утопии».

Парадокс в том, что пока вожди мечтали об утопии, общество избавлялось от веры в нее. Вопрос к армянскому радио: «Какой самый короткий анекдот?». Ответ: «Коммунизм».

М. Горбачев был уверен, что спасает режим, в действительности разрушая его. Альтернативы КПСС он видеть не мог, хотя бы потому что это была альтернатива ему самому. Власть КПСС представлялась сакральной, как и вообще любая власть в России, Российской империи, в Советском Союзе. В ущербном виде она сохраняется и сегодня. Это – часть российской политической культуры, преодолеть которую невозможно. Ну, почти невозможно. Ее основополагающий принцип остается – «вот приедет барин, барин нас рассудит». Теперь это называется «ручное управление государством».

² Бондаренко В. Позиция. Москва: Изд. «Молодая гвардия», 1989. С. 102.

Сакральность власти означает ожидание от нее чуда (таким чудом был коммунизм), верой в него. Но вот парадокс: начиная с Л. Брежнева существовала вера, что *настоящее* чудо, простите за цинизм, — настанет тогда, когда жить будем, как за границей. Когда кончится, наконец, советская власть. Это, если угодно, негативная вера, но все же вера. Был в ходу такой стишок:

просыпаюсь утром, здрасте,
больше нет советской власти...

М. Горбачев процарствовал короткое время, и *его чудо* не состоялось, люди быстро перестали ему верить. Они стали умнее. Сам он в свое чудо верил дольше.

М. Горбачев, при всем своем самолюбовании, отвергал сакрализацию власти. Те, кто постарше, не забыли его «не надо цитировать Михал Сергееича». Это был вызов нашей отечественной, тяготеющей к холуйству, политкультуре.

В святость вождей ныне мало, кто верит, но и поныне дурная пропаганда внушает, что главный начальник всегда прав и ведет нас к очередному счастью. Надо только подождать. В отличие от И. Сталина и Н. Хрущева, сегодня правящие деятели конкретных сроков не называют.

Он останется светлым пятном в нашей истории

Что касается Советского Союза, то М. Горбачев его спасал и, наверное, сохранил бы. Но только на короткое время. На эту тему можно долго рассуждать. Многонациональные империи сродни мозаике, которая рано или поздно развалится. Что Османская, что Австро-Венгерская, что даже Британская. Кстати, постсоветское, оно же постимперское пространство всегда было насыщено множеством предугадываемых конфликтов.

Распад СССР был заложен при его создании, когда большевики превратили губернии в республики с невнятными границами. «Советская империя» держалась только на тоталитарном режиме. «Вина» М. Горбачева в том, что этот режим он перестройкой, гласностью разлагал, разрушал, оставаясь при этом верным идеалам советизма. То, что в совреспубликах сформировались национальные амбициозные элиты, которым давно было тесно в советских рамках, ни он, никто другой не понимал. В Средней Азии, на Кавказе об этом мечтали, но никогда не говорили вслух.

Без коммунизма СССР был хрупок.

Нет и не было полной уверенности в эффективности, главное в долговременности нового Союзного договора, который планировалось подписать. Шансы были. Кто-то и ухмыльнется, но в тот период распада спасителем империи мог стать председатель совмина Казахской ССР молодой Н. Назарбаев. Это лишь допущение, а не тема

данного материала. Но уверен, что спустя много лет Нурсултан Абишевич, знает, что быть президентом незаурядного Казахстана куда как солиднее, чем главным администратором разваливавшейся империи.

Не М. Горбачев развалил СССР. К его развалу, не ведая что творят, приложили руку все неумно-застойные советские политики. Точку в 1991 г. поставил наиглупейший ГКЧП, состоявший из импотентов, главный символ деградации советской системы. Эти умники хотели убрать ненавистного М. Горбачева. Они его и свергли, одновременно свергнув и самих себя. Получается, что М. Горбачев, пусть и таким образом, но победил.

Не Михаил Сергеевич виноват, что ему на смену пришли реформаторы, которые толком не знали, да и не могли знать, что и как делать. Тем более, нет его вины, что на смену реформаторам пришли алчные силовики (попросту говоря, кагэбэшники), стремящиеся хапнуть побольше, устанавливая удобный для себя и своих близких режим, успешно создавая вокруг России «кольцо врагов». Перестройки больше не будет. Они ее не допустят. Такова историческая, если нравится, «цивилизационная» реальность, обреченность России.

Михаил Сергеевич Горбачев, при всех его противоречиях, непоследовательности, ошибках и многом другом, что с таким наслаждением критикуется, останется светлым пятном в нашей истории.

Как-то раз в неформальной беседе, китайский коллега заметил: «Знаешь, чем вы отличаетесь от нас? У нас был Дэн Сяопин, а у вас – М. Горбачев. Вот в чем ваши проблемы». В чем-то он прав. «Но, – возразил я ему, – вы-то получили коммунизм и Мао в придачу только в 1949-м, а мы Ленина-Сталина – в 1917-м. Не могло в СССР появиться своих дэн-сяопинов. Вон наш премьер Алексей Николаевич Косыгин попробовал кое-чего изменить, и что...»

Генерал и ученый Д. Волкогонов³ сравнивал М. Горбачева с Александром II. Дожили – царя с генсеком сравнивать! Но почему бы и нет? Российские реформы – что в позапрошлом, что в прошлом однотипны. Хорошо начинаются и плохо кончаются. Они вечно не завершены. От их незавершенности, в какой-то мере возникает чувство безнадежности. Отсюда тоска по прошлому. Разве в обществе не скупают по брежневскому застою?

Вам это «Вишневы сад» не напоминает? М. Горбачев чем-то похож на Е. Лопухина. Чеховский купец, как и генсек, тоже рвались все изменить, но и к старым временам относились с почтением. Е. Лопухин оказался решительнее.

(Уж коль речь зашла о А. Чехове, вот интересно, как он, да и другие наши классики восприняли бы М. Горбачева и его перестройку? Шутка, разумеется, но все же...).

³ Волкогонов Д. А. Семь вождей. Книга 2. Москва: Изд. «Новости», 1996. С. 284–286.

Чертой нашей политической культуры всегда была лень – лень думать, лень работать, лень требовать что-то у власти. «Столетие беспримерной идеологизации всех сторон жизни общества, наслоенное на глубоко укоренившиеся в массовом сознании стереотипы и фобии, сформировало в россиянах уверенность в собственной исключительности и правоте», – пишет экономист и социолог В. Иноземцев⁴.

Русский долго запрягает. Слишком долго, потому и скачет потом рискованно. Лень шла параллельно со страхом. В такой традиции кардинальные перемены могут осуществляться только с особой жестокостью. Что и сделал В. Ленин, задрав по его собственному выражению, «подол матушке-России». Позже подол ей – коллективизацией и террором – задирали И. Сталин, который затем чуть не проиграл войну.

Вот откуда тот самый бессмысленный и беспощадный русский бунт.

Жизнь по-своему отблагодарила М. Горбачева – из всех советских вождей он прожил дольше всех, захватив несколько периодов (не тянет называть их эпохами) политического бытия нашего бестолкового отечества – сталинского, хрущевского, застойного, так сказать, либерального и нынешнего, точное название которому еще предстоит подобрать. Вместе с тем жизнь, может, таким образом его наказала.

В 1980-е годы в песенке шансонье М. Шуфутинского были слова «Так чтоб ты был здоров, Михаил Сергеич Горбачев, хочется надеяться и верить». Мой товарищ Саша Сутугин в Праге, под рюмку «мыслевца» (чешская охотничья) говорил: «Кто не жил в восьмидесятые, тот вообще не жил».

В истории не бывает виноватых, она ползет по своим законам, создавая людей, которые все время хотели ее улучшить – что А. Гитлер, что Ю. Цезарь, что большевики. У кого-то получалось, у большинства – не очень.

Как бы ни относиться к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, при нем появилась надежда. Сейчас ее нет.

⁴ Иноземцев В. Л. О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности. Москва: Изд. «Три квадрата», 2008. С. 163.

Я. Миркин

УРОКИ ПЕРЕХОДА

Время стирает подробности. Но зато дает увидеть не суету сует, а пространство происходящего в крупных деталях, в том, что называется «причинно-следственные связи».

Сначала нужно отдать должное. М. Горбачев. Человек, давший России еще один шанс (февраль 1917, конец 1980-х) – особенный, крупнейший. Тем более, сделавший это, когда прошли три поколения, после 70 лет бытия – в железобетонном государстве, в директивной экономике, в системе тотальной, мифологической обработки массового сознания. Если не удержал, не смог, ошибся – судить не имеем права. Никто из нас не брал на себя такой тяжести и таких страданий, потому что без них это вынести было нельзя.

Рост благосостояния не стал первой целью

Нам нужно помнить этот опыт, его уроки. На тот случай, если Россия получит еще один шанс.

Главный урок – любые реформы должны быть популярными. Начинать только с тех, которые реально улучшают положение людей. Особенно, если речь идет о полуголодной стране, зависящей от импорта зерна. Если это происходит, и с каждым шагом реформ семьи попадают во все более благополучную среду, со все более высокими стандартами качества жизни – модели коллективного поведения начинают меняться. В стране возникают позитивная динамика и центростремительное движение, способные преодолеть любые конфликты интересов и тренды к деструкции.

Главная деформация второй половины 1980-х состоит в том, что в перестройке рост благосостояния на деле, как факт жизни, не был первой целью. Масса других – высвобождение, обновление, демократизация, «новое мышление», гласность, конец «холодной войны», ускорение, ин-

Яков Моисеевич Миркин – доктор экономических наук, профессор, лауреат премии имени академика Н. П. Шмелева, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН (г. Москва).

тенсификация, научно-технический прогресс, догнать в технологиях, самостоятельность, самокупаемость и т.п. Но во всем этом мало было – накормить, набить семьям карманы, дать им собственность. Хотя началось правильно – разрешение индивидуального предпринимательства.

Реформы должны не отнимать, а прибавлять. Жесточайшей ошибкой рубежа 1990-х годов было рассматривать сбережения населения как «денежный навес», не обеспеченный товарной массой, как нечто, не заработанное «потом и кровью». Как «навес», который можно снять не ростом товаров, а денежной реформой. Такие удары никогда не забываются, и тот, кто наносит их, не может рассчитывать ни на благодарную память, ни на массовую поддержку.

Такой была денежная реформа В. Павлова (январь 1991 г.), сопровождавшаяся впоследствии директивным повышением розничных цен, регулируемых государством. Эта реформа исходила из «ложной реальности», из представлений о населении как пластической, управляемой массе, которую можно «форматировать», «обрубать», как это было в советские десятилетия.

Трансформация дирижистских обществ должна начинаться с экономики, а не с демонтажа вертикалей власти. Экономическое мышление должно иметь преимущество перед формальным, юридическим. Грубо говоря, сначала высвобождение экономики, появление в ней рыночных начал, частных интересов, рост на этой основе товарной массы и состоятельности населения, усиление свободы, замещающей принуждение в производстве, при сохранении жестких политических и административных вертикалей (с осторожными подвижками в идеологии). Уже затем на основе все большей «сытости», общего ощущения роста, большого успеха в экономическом проекте – начало осторожного демонтажа вертикалей, переход ко все большей свободе в политической сфере, демократизация, «высвобождение» населения.

«Поворачивая экономику к рынку, важно помнить – делается это ради человека»¹. С этим нельзя не согласиться. Обратное – означает хаос и распад, как это и случилось в бывшем СССР.

Крайности взяли верх

Развитие должно опережать деструкцию. Смещение в сторону свободы против принуждения неизбежно вызывает взрыв энергии в обществе, множественности интересов, растет то, что называется энтропия системы, в ней ясно проявляются разрушительные процессы.

Соответственно, эти процессы должны опережаться развитием – всем тем, что демонстрирует рост системы (ресурсов и результатов общества),

¹ Выступление Президента СССР 25 декабря 1991 г. // Горбачев М. Жизнь и реформы. Т.1. М.: Новости. 1995. С. 7.

ее усложнение, рост связанности, преодоление центробежных сил, урегулирование накапливающихся в ней конфликтов, прежде всего в ее основании – материальном производстве и потреблении. Если в конце 1990-х годов в СССР сформировался бы удачный макроэкономический проект (заметный рост, наполнение потребительского рынка, сокращение разрывов в технологиях с западным миром, экономическая либерализация в двухсекторной экономике и т.д.), то, с высокой вероятностью, распад союзного государства мог бы не случиться, или же реакция распада была бы не такой яркой, давая возможность развивать интеграцию постсоветских государств (вместо десятилетиями нарастающего на практике раскола).

Когда произошел переломный момент? Когда деструкция, реакция распада в СССР подавили попытки развития, в чем они ни проявлялись бы – в планах создания двухсекторной экономики, в реформировании власти, идеологии, собственности, в «раскрепощении» человека? По оценке, время такого перелома: лето – осень 1988 г. (начало «парада суверенитетов»).

Поддерживать высокие темпы реальных изменений. Заболтать, заговорить – и не успеть. Создать публичную картинку говорения, а не делания, с неизбежной усталостью публики, с быстрой утратой доверия – «опять он/они». Отстать от темпов изменений, которые сами же вызвали. Быть оттесненными другими деятелями, в изобилии появляющимися на поверхности. Формировать атмосферу «отставания», «утраты ресурсов», «игры вдогонку», а не на опережение и, в конечном счете, утраты контроля за происходящим, утраты власти.

Все это «слепок» с того, что происходило во второй половине 1980-х годов и, может быть, в марте – октябре 1917 г. (степень разрушения «старого режима» в последнем случае была гораздо выше, упадок происходил стремительнее). Из этого еще один урок – играть на опережение, поддерживать темпы изменений такими, чтобы за ними «не успеть». Тем самым, опережать деструкцию.

Золотая середина. Времена перемен – это всегда поток крайностей, особенно в идеях. В конце 1980-х крайность «слева» – возврат, упрочение директивной экономики, крайность «справа» – рыночный фундаментализм.

В то время напрашивалась, идея «золотой середины». Это двухсекторная экономика, в которой осторожно нарастает частный сектор, прежде всего аграрный, производство товаров и оказание услуг для населения (чтобы «накормить и насытить»), а госпредприятия реализуют свою продукцию, произведенную сверх плана, на рынке, также постепенно, малыми шагами проникая в частные владения. Рыночность, разгосударствление в финансовом секторе в этой модели возникали бы «вслед», а не в опережение реального сектора, как это произошло на деле, с тем, чтобы обеспечить хотя бы какой-то остров стабильности – в расчетах, кредитовании, проценте, финансировании – внутри экономики, претерпевающей глубокие измене-

ния. Если эта линия «золотой середины» победила бы в 1986–1988 гг. («накормить», дать использовать сбережения, населению вложиться в землю, в частное строительство, в личный автотранспорт с локализованным производством и т.п.), политическая и экономическая реальность могла бы быть совершенно другой.

Крайности, как это бывало и раньше в истории России, взяли верх. Сбросить большую индустриальную, универсальную экономику с обрыва вместо ее постепенной трансформации – и получить сырьевую, огосударвленную экономику, на 70–90% зависящую от импортных технологий, с огромными пустыми продуктовыми нишами, заполненными импортом, настроенную на постоянный вывоз людей и капитала. В итоге, десятилетиями возвращаться от рыночного фундаментализма к другой крайности – директивной, централизованной, закрытой. От этого берет отчаяние.

Двоевластие. Во времена трансформаций нет ничего хуже для «исходного» носителя власти, чем возникновение параллельных центров силы – политической, экономической, денежной. Это хорошо показал февраль и октябрь 1917 г. Это же подтверждено со всей силой и в 1988–1991 гг. Как только начинается двоевластие, и параллели начинают набирать силу – деструкция и распад неизбежны.

Будет ли третий шанс?

Все это легко говорить, будучи свидетелем, а не участником событий. Или же после 30-летнего опыта трансформаций, когда набирается и свой, и чужой опыт. Поэтому учить эти «уроки» нужно с надлежащей осторожностью. Учить с глубоким уважением к тем, кто во второй половине 1980-х годов, находясь во власти, ввязался в уникальное, новое дело – в попытку трансформировать дирижистское общество, административную экономику в стране, 70 лет бывшей под стальной пятой, а до этого веками жившей в жестко централизованном государстве, пренебрегавшем населением.

Мы должны помнить, что те, кто вступил на путь реформ, сталкивались с полной неизвестностью, при тотальном отсутствии международного опыта (Китай в это время – не в счет). Помните, что они испытывали всю тяжесть личной исторической ответственности перед обществом (для многих она была бы невыносима).

Все это мы должны держать в памяти, пытаясь осознать, почему Советский Союз, бывшая Российская империя, не смог использовать «второй шанс». И пытаясь прогнозировать, будет ли третий? И сможем ли мы в будущий «третий» раз – Бог троицу любит – с учетом всех прошлых уроков, найти дорогу к свободной, открытой социальной рыночной экономике, основанной на реальной демократии и состоятельном, «самодвижущимся» населении. Сможем ли?

В. Мироненко

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Тридцать лет моей жизни прошли в общении с М. Горбачевым. В памяти личного компьютера хранятся записи о наших встречах, беседах, поездках и делах. Лежит в ящике стола и ждет своего часа подготовленный им не так давно для интервью текст с надписанным от руки по моей просьбе словом «напутствие».

Он отвратил от нас главную беду

Когда-нибудь, мне хочется верить в это, уйдут мои нынешние заботы, связанные с Россией и Украиной, их, мягко говоря, непростыми отношениями, исправлению которых я пытаюсь в меру моих сил содействовать, и я напишу книгу. Название ей уже придумал. Она будет называться «Счастливый человек» и будет посвящена М. Горбачеву, не столько как политику, об этом уже очень много сказано, сколько как человеку, тому, каким я его вижу и буду помнить всегда.

Сразу хочу предупредить всех, кто плохо к нему относится или видит в нем причину всех постигших нас бед, – так не считаю. Главную беду он от нас отвратил. И не только от нас. О ней мне как-то образно и убедительно сказал митрополит Волоколамский и Юрьевский Пителир (Нечаев).

На мой вопрос, есть ли в Библии прогноз, предсказание, он ответил, что предсказаний в ней нет. Затем, подумав, добавил, что одно предсказание там все-таки есть – «всем хана». Но, говоря о главной беде, имею в виду не только то, что благодаря здравому смыслу и личным качествам М. Горбачева, М. Тетчер, Р. Рейгана, Ф. Миттерана, Г. Коля и Я. Накасоне была если не снята, то отодвинута угроза ядерного Армагеддона. Сегодня она вновь замаячила на политическом горизонте. Не меньшей, а может быть и большей уже полностью заслугой Михаила Сергеевича было то, что, желая этого или нет, он помог

Виктор Иванович Мироненко – кандидат исторических наук, руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН (г. Москва).

России, Украине и еще 13 странам выйти с минимальными на тот момент потерями из Великой российской революции, так и не ставшей всемирной, как обещали, но угрожавшей стать перманентной.

То, что они все потеряли потом на выбранном пути, нельзя ставить ему в вину. Когда в 1996 г. мы обсуждали с Михаилом Сергеевичем его решение принять участие в выборах президента России и его предложение возглавить предвыборный штаб, я спросил, зачем это ему нужно. Меня буквально сразила искренность ответа: хочется общения с людьми. Чтобы сказать им, что не снимает с себя ответственности за все, случившееся до декабря 1991 г. Но в том, что произошло потом, он участия не принимал и ответственности за это нести не может. Все или почти все, что делалось потом, делалось вопреки тому, что он предлагал и пытался сделать. Он хочет воспользоваться предвыборной кампанией, чтобы получить доступ к российским СМИ и рассказать людям об этом. Я прекрасно понимал, как невелики будут наши шансы победить «сладкую парочку» – Ельцин vs Зюганов. Но от предложения возобновить общение после шестилетнего перерыва в тех условиях, в которых он тогда находился, и принять участие в его предвыборной кампании – отказаться я не мог. Если отказался бы, то, наверное, просто перестал себя уважать.

И еще об одном, по-видимому, должен предупредить. Не могу быть объективным в отношении к этому человеку. Все годы моей московской жизни я был, если можно так выразиться, человеком из его «команды». Однажды на очень непростом для меня жизненном рубеже, когда я решил, что все, что мог сделать в комсомоле, уже сделал и большего сделать не смогу, я пришел к А. Яковлеву, с которым меня связывали добрые отношения, посоветоваться, как мне быть. Он произнес фразу, которой я тогда не придал значения, но которая предопределила мою последующую жизнь, политическую во всяком случае. «Он тебя не отпустит», – сказал Александр Николаевич. Тем не менее тогда я ушел, но шесть лет спустя, когда Михаил Сергеевич позвал меня, моя жизнь во второй раз круто изменилась.

Как формировалось мое отношение к М. Горбачеву

Наверное, в кратком очерке, приуроченном к юбилею, было бы не совсем уместно пытаться описать мои отношения с юбиляром, да и вряд ли кому-то, кроме меня самого, это интересно. Ограничусь несколькими эпизодами, которые во многом сформировали мое отношение к М. Горбачеву и, возможно, его отношение ко мне. Эпизодами, которые могут добавить несколько штрихов к его коллективному портрету на фоне времени.

Эпизод первый. Моя встреча с М. Горбачевым случилась в 1984 г. Комсомол отмечал шестидесятилетие присвоения ему имени В. Ле-

нина. По этому случаю в Колонном зале Дома Союзов в Москве было проведено торжественное собрание. Отпраздновать с комсомольцами пришли секретарь ЦК КПСС М. Горбачев и первый секретарь Московского горкома КПСС В. Гришин.

Мероприятие, как водится, было долгим и скучным. Я был в зале и наблюдал за президиумом. В. Гришин просидел все собрание, как монумент. Ни одной эмоции на лице, ни одной заметной реакции на происходящее. С другого края стола президиума сидел М. Горбачев. Его поведение разительно отличалось. Он живо реагировал на все происходившее. Провожал глазами комсомолок, обращался с вопросами к сидевшим рядом с ним комсомольцам, реагируя на то или иное выступление. Он не выступал, насколько я помню. Но этого и не требовалось. Он все сказал своим поведением. На фоне прочно утвердившейся мертвечины официоза да еще в условиях «междущарствования» оно выглядело одновременно вызывающим и обнадеживающим. Так что первые «смотрины» будущего генерального секретаря ЦК КПСС, во всяком случае для меня, состоялись именно тогда.

Эпизод второй. В следующий раз М. Горбачев удивил меня, и не только, я полагаю, в декабре 1985 г. Тогда я еще работал в Киеве и, открыв как-то утром свежий номер «Правды», прочел, что генеральный секретарь ЦК КПСС принял участников проведенного Ч. Айтматовым Иссык-Кульского форума. Ничем не примечательное краткое информационное сообщение нанесло сокрушительный удар по моему тогдашнему мировоззрению. Я был убежден в неизбежности и необходимости классовой борьбы, в том, что это борьба за справедливость. И вдруг «вождь», лидер партии говорит о том, что есть нечто более важное – общечеловеческие ценности, которые выше любых других.

Помню, что внутри меня все восставало против этого. Мое воспитание, все, что знал и во что верил, было поставлено под сомнение. Не знаю, где, когда и как, засомневался сам М. Горбачев, но для меня и, уверен, не только для меня, наступало время переоценки, переосмысления того, как мы живем и во что верим.

Эпизод третий. Весна 1988 г. Только что состоялись выборы народных депутатов СССР. Форма выборов была довольно сложной, многоступенчатой, но это были уже выборы. Много местных партийных начальников, живших в уверенности, что депутатский мандат – лишь приложение к месту в партийной иерархии, его не получили. Для них это был шок.

М. Горбачев не часто звонил мне – тогда первому секретарю ЦК ВЛКСМ. Хотя телефон прямой связи стоял у меня на столе, я им практически не пользовался. Той весной он как-то зазвонил. Я поднял трубку и услышал знакомый голос генсека. Не могу дословно воспроизвести тот наш с ним короткий разговор, но смысл могу передать довольно точно. Он спросил, что я думаю о прошедших вы-

борах. Я сказал, что оцениваю сам факт их проведения высоко. Для молодых людей, с которыми работаю, это было, возможно, первым зримым подтверждением серьезности намерений изменить нашу и их жизнь, расширить степени свободы, открыть новые возможности. Он спросил меня, действительно ли я так думаю. Я подтвердил, и тогда он пригласил меня на заседание политбюро ЦК КПСС, на котором этот вопрос должен был обсуждаться. Чувствовалось, что он опасается этого разговора и нуждается в поддержке.

На заседании, состоявшемся через несколько дней, разговор действительно зашел о том, что выборы стали поражением партии. Уже не помню, кто именно говорил это, но, по-моему, те, кто к своему большому удивлению, депутатами не стали. Возможно, именно из-за очевидной двусмысленности такой позиции она не нашла отклика у большинства участников. Михаил Сергеевич успокоился, обрел привычную для него уверенность и в конце заседания предложил послушать «что обо всем этом думают комсомольцы».

Выступление на таком политическом уровне даже для первого секретаря ЦК ВЛКСМ было делом не частым и, разумеется, волнующим. Наверное «ветер перемен» уже кружил мне голову. Сказав то же, что я говорил накануне Михаилу Сергеевичу по телефону, добавил, что недавно в Праге встречался с товарищем Г. Гусаком, и он сказал мне кое-что, имеющее отношение к сегодняшнему разговору. Окончательно успокоившийся, как мне показалось, М. Горбачев, с некоторой иронией спросил, что такого интересного он мне сказал. Я ответил, что товарищ Г. Гусак на мой вопрос, не обидно ли ему, живой легенде чехословацкой политики, что уже не ему, а М. Якишу принадлежит «первая скрипка», сказал, что нет большей глупости для политика, чем обижаться на собственный народ.

Он остался Человеком

Четвертый эпизод. Германия 1999 г. Узнав о тяжелой болезни Раисы Максимовны, я решил поехать в Мюнстер, где с ней находился Михаил Сергеевич, чтобы поддержать его. Уже не помню всех обстоятельств той поездки, но одно врезалось мне в память. Кто-то из врачей попросил меня сказать Михаилу Сергеевичу, чтобы он хотя бы ненадолго выходил из палаты жены, позволяя врачам и медицинскому персоналу делать их работу. В этой связи мне припоминается рассказ Михаила Сергеевича о том, как он и Раиса Максимовна приняли, может быть, самое важное «политическое» решение в их жизни.

У них была многолетняя привычка долго гулять вдвоем по вечерам и обсуждать прошедший день и какие-то вопросы, которые их занимали. Вечером в день избрания генеральным секретарем во время такой прогулки они обсуждали, как им себя вести теперь, когда они

у всех на виду. Не без оснований беспокоились, как будут восприняты их отношения. Решение, которое они тогда приняли, действительно, на мой взгляд, было самым важным и для них, и для нас: ничего не менять в своем поведении, оставаться такими, какими они есть.

Пятый эпизод. Март 2011 г., канун 80-летия Михаила Сергеевича. Дело было в комнате для совещаний прямо напротив его рабочего кабинета на четвертом этаже здания Горбачев-Фонда, что на Ленинградском проспекте в Москве. Он, как всегда, сел в кресло в торце стола. Отхлебнув принесенный нам чай, о чем-то задумался.

В последнее время он часто «выпадал» из наших бесед и даже вообще из реальности. Нужно было привлечь его внимание, вытащить откуда-то, куда он постоянно мысленно уходил. Я что-то сказал. Он не ответил, но возвратился и как-то мягко, но пристально посмотрел на меня. Отодвинул пустую чашку и заговорил. «Ты знаешь, Виктор, а я ведь счастливый человек».

Несколько обескураженный неожиданным для меня поворотом разговора я не нашел ничего лучшего, как ответить ему, что последние двадцать лет я только и делал, что убеждал его в том, что он счастливый человек. «Да, ты прав, – сказал он. – Я, действительно, счастливый человек. Посуди сам, деревенский мальчишка, не закончивший учебу в школе из-за войны, поступил в Московский университет. Окончил его и встретил настоящую любовь. У меня прекрасная дочь, две замечательные внучки и, вот, уже и правнучка – Александра. Я очень многого добился в жизни. Там, на вершине власти имел возможность делать то, что считал правильным и необходимым людям и моей стране. Я не был совсем свободен в своих действиях. Никто не бывает совершенно свободен в своих действиях, какой бы пост он ни занимал. Но степени моей свободы были большими, чем даже, например, у Сталина. И для этого мне никого не нужно было убивать. Далеко не все мне удалось осуществить из того, что я хотел и, наверное, мог сделать. Но кое-что важное мне все-таки удалось. Те люди, которые понимают это, и в моей стране, и в мире, хорошо ко мне относятся. У меня много друзей. Их стало, конечно, меньше, чем тогда, когда от меня многое зависело, но те, что остались – настоящие. Да, я, несомненно, счастливый человек».

Не помню, о чем мы говорили потом, но после его слов, все, что я хотел ему сказать, и что, наверное, говорил, не имело уже почти никакого значения. Значение имело только пришедшее наконец осознание прожитого им и мной рядом с ним за эти долгие-долгие двадцать пять лет с того памятного июльского дня 1986 г., когда я вошел в его кабинет на Старой площади.

– Ты согласен стать первым секретарем?

– Если я здесь, Михаил Сергеевич, значит согласен.

Знать бы тогда, что ждет впереди меня, его, страну, которой он тогда управлял, – этот человек, сидевший напротив меня в большом сером

доме на Старой площади в Москве, в котором, как мне тогда казалось, сосредоточена была вся власть мира и для которого не было ничего невозможного. Если я только знал бы! Впрочем, даже если и знал бы, ничего не изменилось бы. Все правильно. Теперь я хорошо знаю, что мы свободны в рамках, строго очерченных личными и посторонними по отношению к нам обстоятельствами, в границах необходимого и неизбежного. Мы можем придать ему несколько индивидуальных черт, оттенков. Отдельные люди, как, например, этот человек, сидевший со мной в комнате с длинным столом и рядом пустых кресел, могут сказать, что они свободны и счастливы. Почему он так сказал?

Шестой эпизод, последний. Город Гронинген в Нидерландах 12 декабря 2003 г. Голландские социал-демократы пригласили М. Горбачева как лидера недавно созданной Социал-демократической партии России на очередной съезд. То, как делегаты съезда реагировали на его появление в зале съезда, описать трудно. Съезд на час превратился в шумное и, как мне показалось, совершенно искреннее чествование русского гостя. М. Горбачев выступил и уехал по своим делам, молодой сотрудник аппарата нашей партии Ю. Доценко из Брянска, пораженная такой реакцией голландцев, за ужином в гостинице спросила меня: «Виктор Иванович, как же так, посмотрите, как к Михаилу Сергеевичу относятся голландцы и как относятся у нас в России?!» Я не нашел ничего лучшего, как ответить: «Вот потому они – голландцы, а мы – россияне».

Послесловие. О М. Горбачеве можно спорить до хрипоты. У каждого из спорщиков будет своя система доказательств и убедительные свидетельства и аргументы. Но есть одно, что не может быть оспорено – степень свободы благодаря ему расширилась. Что произошло потом, мы уже хорошо знаем. Нам это, мягко говоря, не нравится. Но мы не можем видеть и не видим, что могло бы произойти, если бы не М. Горбачев. В том, что касается нашего настоящего, нам нужно честно ответить лишь на один вопрос – в чем причина этого. В том что пришла свобода или в том, как мы все сообща ею распорядились, в том, что мы ее опять потеряли?

О М. Горбачеве нужно судить не только, а, может быть, и не столько по тому, что он сделал. Срок, отведенный ему, был ничтожно мал по сравнению с масштабом задач, которые перед ним и нами встали. Судить о нем нужно также, а, может быть, и в первую очередь по тому, чего он не сделал, обладая колоссальной властью и возможностями. Он не стал «царем» или богачом, не держался за власть, не строил себе дворцов, не рассадил детей и внуков на синекуры, не отказался от своей любви... Он остался человеком. Я ощущаю острую потребность вспомнить все мои встречи с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, все наши разговоры. Мне это показалось важным. Мне захотелось попробовать написать его портрет – такой, каким я его видел. Возможно, если Бог даст сил и время, я напишу эту книгу. Она будет называться «Счастливым человек».

А. Некипелов

КТО ОТКРЫЛ «ДОРОГУ К ХРАМУ»?

Всем хорошо известны следующие факты. Результатом и спутником «радикальных реформ», проводившихся в 90-е годы, стали хищническое разграбление общенародной собственности, невиданное распространение коррупции, беспрецедентный обвал производства, разрушение высокотехнологичных производств, обнищание населения. Невозможно спорить с тем, что развал Советского Союза, положивший конец перестройке, стал следствием прежде всего политики российского руководства, которое затеяло войну не на жизнь, а на смерть с союзным центром, саботировало все попытки обновления союзного государства, фактически открыто поощряло сепаратистские движения в других союзных республиках.

Представления о задачах перестройки

В 90-е годы на место (пусть и в чем-то наивных) лозунгов перестройки о первостепенной значимости общечеловеческих ценностей и необходимости формирования равноправных и неконфронтационных отношений между всеми странами мира пришел фактический отказ России от права иметь собственные интересы, бездумное воплощение в жизнь рецептов, предлагавшихся нам «цивилизованным миром». Стоит ли удивляться тому, что произошедшее в 2000-х годах переосмысление такой практики, мягко говоря, не было встречено с пониманием «нашими партнерами», и страна оказалась в полосе серьезнейших геополитических проблем.

Но вот что интересно. При всех этих хорошо известных катастрофах периода «радикальных реформ» в стране заботливо культивируется «сбалансированный и объективный» подход к главным дей-

Александр Дмитриевич Некипелов – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики (факультет) МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

ствующим лицам 90-х. Примеров тому очень много, но достаточно привести лишь два из них. В Екатеринбурге с одобрения властей возведен шикарный музей, призванный героизировать деяния первого президента России. В Москве под их же эгидой ежегодно проводится Гайдаровский форум. Одновременно – вот он плюрализм! – всемерно поддерживается ностальгическое отношение общества к советским временам, причем главным образом к сталинскому периоду.

Может показаться парадоксальным, но при всем этом представители власти подчеркнуто дистанцируются от сколько-нибудь серьезной оценки роли периода перестройки в истории нашей страны, а околовластные структуры и значительная часть средств массовой информации с настойчивостью, достойной лучшего применения, поддерживают у населения представление о том, что корни всех наших бед лежат именно в этом времени. И неважно, что сама перестройка продолжалась неполных семь лет, а с ее начала прошло уже три с половиной десятилетия.

В чем же претензии к перестройке и ее инициатору М. Горбачеву? Они весьма разнообразны: от утверждений, что осуществлялись не те реформы, не в том порядке и не так, как «было нужно». Особый упор делается на то, что перестройка не опиралась на сколько-нибудь стройную заранее разработанную стратегию. Иными словами, «непродуманность» проводившихся реформ и стала якобы главной причиной тех катаклизмов, которые пришлось в последующем пережить России и другим бывшим союзным республикам. Дескать, раз «после», значит «из-за».

К счастью, люди старшего поколения хорошо помнят, в каких условиях началась перестройка и как развивались последовавшие за этим события.

Начать следует с констатации того неоспоримого факта, что курс на перемены был встречен с громадным энтузиазмом практически всем населением страны. Сказать об этом важно потому, что сам по себе этот факт свидетельствует, что общество ощущало остроту сформировавшихся к тому времени проблем и чувствовало необходимость срочных и серьезных перемен.

Теперь позволю себе очень смелое допущение, что *с позиций сегодняшнего дня*, преобладающих ныне ценностных представлений мы смогли бы сконструировать *для того времени* более или менее разумный план, включавший: постепенный переход СССР к социально-ориентированной рыночной экономике и демократическому общественному устройству при сохранении союзников по Варшавскому договору и СЭВ; поэтапном снятии напряженности в международных отношениях и развитии на равноправных основах сотрудничества между государствами мира. Теперь же зададимся следующими вопросами. Мог бы такой план быть разработан в начале перестройки? Был бы он принят населением страны?

На оба эти вопроса может быть дан только отрицательный ответ. Именно поэтому представления о задачах перестройки были обречены на то, чтобы эволюционировать, причем очень серьезно, в ходе ее развертывания. На начальном этапе и руководство страны, и рядовые члены общества были искренне уверены в том, что советская политическая и социально-экономическая система в основе своей – вполне доброкачественная, надо лишь снять налипшую на нее «ржавчину», сделать ее более динамичной и гибкой. Не случайно, призыв к гласности, установка на ускорение в экономике, лозунг «Больше социализма!» имели широкую поддержку и в массе, и в элите советского общества. Необходимость в проведении рыночных реформ, внесении серьезных изменений в политическую систему возникли отнюдь не сразу, они стали реакцией на выявившуюся недостаточность изначально принятых решений.

Не панацея, а исторический шанс

Более того, в определенный момент обнаружилось, что по мере развертывания перестройки начала происходить все более и более явно выраженная дифференциация взглядов и населения страны в целом, и элиты в частности на то, как и какие задачи она должна решать. В этих условиях М. Горбачев предпринимал титанические усилия, направленные на коллективный поиск решений, которые должны были бы модернизировать наше общество, сделать его технологически эффективным и социально привлекательным, гармонично включенным в систему международных отношений. Именно поэтому по мере того, как страна продвигалась по пути перемен, ему приходилось сносить все больше и больше ударов с разных сторон: одни обвиняли его в консерватизме и запаздывании с принятием насущных решений, другие – в предательстве социалистических идеалов.

Нередко перестройке противопоставляется опыт КНР, где постепенно углублявшиеся экономические реформы с оглядкой на их результаты оказались очень успешными благодаря сохранению жесткого политического контроля за общественным развитием со стороны компартии этой страны. Не уверен, что последнее по душе всем российским гражданам. Кроме того, не стоит забывать, что в начале перестройки вопросом об оттеснении КПСС с командных высот никто и не задавался. Он возник естественным образом позднее, прежде всего в результате дискуссий в самой партии. Рискну предположить, что в КНР этого не произошло не в последнюю очередь в силу той крайне болезненной прививки, которую партия и страна получили в ходе «культурной революции». Кроме того, у них перед глазами был и наш опыт.

Невозможно отрицать, что процессы, порожденные перестройкой, в определенный момент вышли из-под контроля, ее идеалы не уда-

лось реализовать, сама она была грубо пущена под откос, в начале – августовским 1991 г. путчем, а затем окончательно – Беловежскими соглашениями. Мы все, кто жили и работали в то время, в ответе за этот результат. Сегодня очевидно, что к перестройке следовало и следует относиться не как к *панацее*, а как к *историческому шансу*. В том, что он не был использован, виноваты прежде всего мы сами, а не тот, кто предложил нам этот шанс. Увы, именно мы оказались слишком неумелыми, самоуверенными, нетерпимыми друг к другу и не готовыми действовать по правилам.

Но перестройка – это не только упущенный шанс. Благодаря ей стране удалось свернуть с тупикового пути развития. Да, в постперестроечной жизни мы столкнулись с колоссальным числом новых неизвестных ранее проблем, совершили массу ошибок, часто непростительных, нас ожидало множество разочарований. Но *«дорога к храму» по-прежнему остается для нас открытой*. И сегодня это самое главное!

Убежден: нам всем очень повезло, что инициатором назревших преобразований стал такой человек, как М. Горбачев. Его личные качества – интеллектуальная незашоренность, открытость и стремление к объединению, а не разъединению людей – внесли решающий вклад в решение этой важнейшей задачи. Именно этим, а не политическим поражением 1991 г. и неблагодарностью недальновидных потомков определяется *его истинное место в истории*.

Большое спасибо, Михаил Сергеевич! Многих Вам лет жизни!

А. Нечаев

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОРЫВ ИЛИ УПУЩЕННЫЙ ШАНС?

Для меня первое пятилетие власти М. Горбачева – это состояние нарастающего удивления и восторга от происходившего. Время надежды. Главное, конечно, свобода слова (гласность – в терминах самого М. Горбачева). Постепенная отмена цензуры. Возможность читать в толстых литературных журналах доступное ранее лишь в самиздате. Знаковые статьи на запретные раньше темы Ю. Афанасьева, В. Селюнина, Н. Шмелева и др. Возможность открыто и публично дискутировать (например, в клубе «Перестройка») о трансформации планово-административной экономики в рыночную, что еще недавно было бы приравнено к государственному преступлению. В 1991 г. наш Институт экономической политики под руководством Е. Гайдара, созданный по личному распоряжению М. Горбачева, уже готовил программу рыночных преобразований. Этот список открытых гласностью возможностей можно длить долго.

От «империи зла» к «большой восьмерке»

Демократизация всех сторон жизни коснулась и высших эшелонов власти. Первые свободные выборы привели на съезды народных депутатов страны и республик новых ярких лидеров. Парламент стал местом для дискуссий, которым ныне, увы, вновь перестал быть. Миллионы людей с замиранием сердца следили в прямом эфире за открытыми острыми дискуссиями, чего не было ни до ни после. В конце концов это привело к официальному прекращению политической гегемонии коммунистической партии с отменой 6-й статьи Конституции СССР.

Андрей Алексеевич Нечаев – доктор экономических наук, профессор, председатель партии «Гражданская инициатива», (г. Москва).

Мир начал по-другому смотреть на страну. Из «империи зла» СССР стал превращаться в объект интереса, а постепенно и в потенциального партнера. Вывод войск из бывшей ГДР и Афганистана, роспуск Варшавского договора, непротивление насилием «бархатным революциям» в социалистических странах Восточной Европы и объединению Германии – вот далеко неполный список последствий «нового мышления» М. Горбачева, открывшего путь к цивилизованному сотрудничеству с западным миром. Окончание «холодной войны» и решительные шаги в области ограничения вооружений и снижения уровня военного противостояния с НАТО – несомненные крупные достижения дипломатии М. Горбачева. Его критики называют это сдачей позиций. Категорически нет. Это создание принципиально новой конструкции мирового порядка, намного более безопасной и предсказуемой для всех сторон. Включение СССР (полноценное – уже России) в «большую восьмерку» открыло новые возможности диалога со странами-лидерами. Увы, сейчас эта возможность вновь закрыта, и не по вине Запада.

Мало кто так заслужил Нобелевскую премию мира, как Михаил Сергеевич Горбачев!

Для простых советских граждан открылась возможность ездить по миру и сравнивать увиденное своими глазами, а не в пропагандистских телепередачах типа «Международной панорамы». И это сравнение оказалось не в пользу советской системы.

Многoletняя гонка вооружений истощила и в итоге подорвала неэффективную советскую экономику. Прекратить военное противостояние было абсолютно необходимо для преодоления глубокого экономического кризиса в СССР. Условие необходимое, но недостаточное.

Экономический крах, усугубленный ошибками

Развал нежизнеспособной планово-административной экономической системы СССР начался задолго до М. Горбачева. На короткий период коллапс удалось предотвратить за счет открытия дешевой нефти Самотлора и наращивания нефтяного экспорта при росте нефтяных цен. Обвал нефтяных котировок с 1986 г. в результате действий Саудовской Аравии в ответ на агрессивную внешнюю политику СССР в Азии привел к ускоряющемуся разрушению финансов и потребительского рынка, а в итоге и к полному краху советской экономики.

Помню встречу в очень узком кругу в ЦЭМИ АН СССР с нобелевским лауреатом по экономике В. Леонтьевым. Мы с восторгом рассказывали ему о перестройке, свободе слова и демократизации страны. В ответ услышали неожиданное: это все замечательно, но демократия нужна узкому слою интеллигенции, а народу нужна колбаса. Для меня это было разочаровывающе. Увы, через пару десятилетий я понял,

что гениальный старик был во многом прав. В нулевые годы большая часть российского народа легко разменяла свободу на колбасу.

С колбасой в стране в те времена становилось все хуже. Мегапроекты типа ускорения НТП и неподготовленной конверсии ВПК быстро захлебнулись. Бюджетная система разваливалась день за днем, все больше подпитываясь исключительно печатным станком. Дефицит потребительских товаров нарастал катастрофически. Снабжение крупных городов продовольствием в значительной степени базировалось на импорте (частично импортном зерне), закупавшемся в основном на кредитные деньги. Благо политически мотивированные кредиты (спасибо новым отношениям с миром) режиму М. Горбачева давали охотно. В итоге к финалу СССР это закончилось пустой валютной казной, многократным сокращением золотого запаса и 120 млрд долл. внешнего долга.

Решительность в демократизации страны, к сожалению, не была подкреплена решительностью в экономических преобразованиях. Беда это М. Горбачева или вина, уже неважно. Шанс плавно трансформировать экономику был упущен. В политике у Михаила Сергеевича был рядом гигант А. Яковлев, а экономикой рулили скромные ортодоксы Н. Рыжков и В. Павлов.

Справедливости ради надо отметить, что тогдашняя научная экономическая элита страны, включая Академию наук, которой доверял М. Горбачев, оказалась не готова предложить реальные рецепты серьезной трансформации экономической модели страны. Программы реформ писали молодые экономисты под руководством Г. Явлинского («500 дней») и Е. Гайдара (уже для Б. Ельцина). На программу рыночных преобразований, известную как «500 дней», М. Горбачев и его окружение просто не решились. Ее стали кромсать правительственные экономисты при соучастии руководителей экономического блока Академии наук и в результате полностью выхолостили.

Вместо комплексных преобразований принимались отдельные меры, часто имевшие в итоге деструктивный характер. Ограничусь лишь парой примеров. Закон о социалистическом предприятии 1987 г. сильно расширил права хозяйствующих субъектов, включая снятие контроля за расходами на заработную плату. Одновременно была введена такая управленческая экзотика, как выборность директоров. Понятно, что при подобных предпосылках руководитель предприятия лишь в меру собственной креативности наращивал доходы своих работников. Решающий вклад в полное разбалансирование финансов и потребительского рынка был внесен.

Другая новация – создание кооперативов с предоставлением им многочисленных льгот. Классический пример благого, но не комплексного начинания с разрушительными последствиями. С одной стороны, благодаря этим новациям реально появились новые пред-

приятия в сфере услуг, кооперативные ресторанчики и даже общественные туалеты. С другой стороны, кооперативы стали массово создаваться при крупных предприятиях. Как правило, их учредителями были сам директор и/или его ближайшие друзья и родственники. Пользуясь льготами, через кооперативы реализовывали продукцию предприятия с минимизацией налогов и обналичиванием выручки в интересах конкретных лиц. Так был забит еще один гвоздь в гроб финансовой стабильности и сбалансированности бюджета страны.

Российских реформаторов часто упрекают в отказе от китайского пути плавных рыночных реформ. Реально упрек должен быть адресован окружению М. Горбачева (или еще более раннему советскому руководству). На первом этапе предпосылки для плавной рыночной трансформации экономики по китайскому варианту под жестким контролем мощной партийно-государственной машины были. После полного коллапса экономики и развала государственной машины вслед за распадом СССР в конце 1991 г. никаких шансов на «китайский путь» уже не осталось.

Убежден, что своевременное реформирование советской экономической системы давало шанс на сохранение СССР в обновленном виде. Именно ухудшающееся экономическое положение стало причиной поддержки сепаратистских настроений республиканских элит широкими слоями населения. Лозунг «Хватит кормить Москву» ложился на благодатную – из-за экономических неурядиц – почву.

Сохранение СССР. Упущенный шанс.

Пожалуй, главный упрек, который слышит М. Горбачев, – распад СССР. С порога отвергаю идиотские конспирологические версии в сознательных действиях президента СССР в качестве агента мирового империализма. Но соглашусь, что более быстрые и решительные действия советского руководства давали шанс на сохранение СССР в обновленном виде (скорее всего в той или иной форме конфедерации и, возможно, не в полном составе).

Большой кнут и немного пряников – на этом строилась советская управленческая вертикаль в региональном разрезе. М. Горбачев почти убрал кнут, дав республиканским властям больше свободы. Обеспечить же им пряники в виде централизованных инвестиций и других денежных вливаний, поставок продовольствия и потребительских товаров он из-за развала экономики уже не мог. Сложившаяся десятилетиями система управления, построенная на страхе, стала рушиться на глазах. Создать новую, основанную на принципах взаимной выгоды, не успели. Сепаратизм и стремление региональных элит к власти взяли верх.

Метания между силовым подавлением выступлений граждан в союзных республиках (Тбилиси, Вильнюс) и подготовкой нового

Союзного договора, расширяющего права республик, длились недопустимо долго. Понимаю, как непросто было президенту М. Горбачеву пойти на прямую конфронтацию с силовиками, десятилетиями служившими опорой советского режима, и поменять их функции и руководство. В итоге возглавленный КГБ путч в августе 1991 г. (провалившийся благодаря решительности российского лидера Б. Ельцина и смелости простых москвичей) вбил последний гвоздь в гроб СССР, сорвав подписание нового Союзного договора. После него распад приобрел лавинообразный характер. Союзные органы управления были полностью парализованы и деморализованы (знаю это по собственному опыту мирного «захвата» российским министром союзного Госплана). Беловежские соглашения лишь зафиксировали факт, что «СССР как геополитическая реальность прекратил свое существование» (из текста соглашений).

Мои заметки могут показаться критическими. Не ставил перед собой такую задачу, а старался быть объективным. Надеюсь, у М. Горбачева за три последних десятилетия выработались антитела к критике. Завершить же хочу словами:

Уважаемый Михаил Сергеевич! Земной поклон Вам и спасибо за демократизацию страны, за возможность жить не в обстановке страха, лжи и лицемерия, за возможность самим определять свою судьбу. Мое поколение считало себя потерянными. Вы дали нам шанс. Увы, ваши преемники во власти перечеркнули многое сделанное Вами. Стране опять нужна горбачевская перестройка!

И. Николаев

ВОСТОРГ СВОБОДЫ

Честно говоря, я был польщен предложением высказаться о М. Горбачеве. Сразу показалось, что о многом могу сказать, хотя лично мы и не знакомы. Собственно говоря, я и вживую-то видел Михаила Сергеевича только один раз, уже в 2000-х годах, на одном из экспертных обсуждений в Горбачев-Фонде. Стал думать, осмысливать. Оказалось, что сказать и вправду о М. Горбачеве хочется многое. Но решил так: надо привязаться к какому-то событию, к тому, с чем у меня М. Горбачев ассоциируется больше всего.

По волнам моей памяти

Может быть, это мартовский (1985 г.) пленум ЦК КПСС, когда М. Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС? Нет, это явно не то событие, которое я вспоминаю, когда слышу его фамилию.

В то время, в марте 1985 г., я проходил службу в Советской Армии. Призвали меня в 1984 г., после окончания экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Служил лейтенантом-«двухгодичником» (так нас тогда называли). Конечно, после непродолжительного нахождения в должности генерального секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова и К. Черненко в 1982–1985 гг. избрание на высший пост в государстве М. Горбачева произвело впечатление. Но все-таки пока это была только смена очередного генсека. Да, пришел молодой, да, располагающий к себе, да, дающий надежды, но не более того.

Может быть, апрельский (1985 г.) пленум ЦК КПСС? Пленум, конечно, был историческим. Именно на нем была выдвинута концепция перестройки. Да и о задаче ускорения социально-экономического развития страны мы тоже услышали именно тогда. Это, безусловно, было важнейшее событие, потому что стало ясно: наконец-то в стране будут перемены.

Игорь Алексеевич Николаев – доктор экономических наук, директор Института стратегического анализа компании ФБК Grant Thornton (г. Москва).

Отметим и XXVII съезд КПСС (февраль-март 1986 г.), на котором концепция перестройки получила свое развитие. Но он как-то совсем в памяти не отложился.

Январский (1987 г.) пленум ЦК КПСС, на котором был провозглашен курс на широкую демократизацию в жизни общества, – тоже важнейшее событие того времени.

Июньский (1987 г.) пленум ЦК партии надо обязательно выделить. Он был, безусловно, запоминающимся, особенно для всех, кто занимался экономикой, потому что именно ей и был посвящен. «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой» – так формулировалась главная обсуждавшаяся тема. В развитие решений пленума тогда же, летом 1987 г., были приняты Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», а также целый пакет постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, касавшихся коренной перестройки управления экономикой. Для меня, как для экономиста (в то время я уже работал на экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова), происходившее казалось прямо-таки эпохальным событием, которое, должно было наконец-то развернуть нашу экономику к быстрому росту. Увы, этого, как достаточно скоро стало ясно, не произошло. Событие, конечно, памятное, но не то, что ассоциируется с М. Горбачевым.

Тогда, может быть, XIX конференция КПСС (июнь-июль 1988 г.)? Там уже не столько про экономику, сколько про дальнейшую демократизацию общества решали. Нет, и не XIX партконференция.

Наконец, Съезд народных депутатов СССР в мае-июне 1989 г. Вот оно – событие, которое лично я вспоминаю, когда думаю о М. Горбачеве. Тот съезд и Михаил Сергеевич для меня слились как бы воедино. Были и другие события в жизни страны, уже после съезда, вплоть до ухода из власти М. Горбачева в конце 1991 г. Однако тот Съезд народных депутатов СССР – это все-таки особенное событие, историческое для нашей страны. И то, что оно состоялось, несомненно, заслуга М. Горбачева. Нет, не просто заслуга, а величайшая (не люблю высокопарных слов, но не могу не употребить) заслуга.

Что вместили эти годы пребывания у власти М. Горбачева? По современным меркам их было совсем немного: 6,5 лет – всего-то, с весны 1985 г. по конец 1991 г. Но даже тот, очень краткий, очень неполный перечень событий, который я перебрал с целью понять, с каким же из них лично у меня ассоциируется М. Горбачев, указывает на колоссальную работу, проведенную им тогда. Да, нам всем хотелось бы, чтобы реформы проводились с меньшими издержками и с лучшими результатами. Но увы, не всегда это получается. Не получилось это и тогда, к величайшему сожалению.

Страна жила съездом

Но вернусь к Событию (именно так – с большой буквы) – Съезду народных депутатов СССР. Потом его стали называть первым Съездом народных депутатов СССР, но тогда, в мае-июне 1989 г., это был просто «Съезд народных депутатов СССР». Мне несложно вернуться к съезду, потому что тогда, в дни его работы я, как многие миллионы граждан СССР, был с головой поглощен тем, что происходило в Кремле, начиная с первого дня съезда – 25 мая 1989 г.

Передо мной газета «Известия» от 26 мая 1989 г. с публикацией постановления Съезда народных депутатов СССР «Об избрании М. Горбачева Председателем Верховного Совета СССР». Здесь же портрет Михаила Сергеевича и его краткая биография. Вообще я собрал тогда полную подборку «Известий» со стенографическими отчетами о работе Съезда. Так и хранятся они все в домашнем архиве.

Перечитывая газеты, ловлю себя на мысли, что, хотя давным-давно не читал биографию М. Горбачева, более трех десятков лет, все равно неплохо ее помню. Помню, что Михаил Сергеевич с 13 лет периодически работал в колхозе, а с 15 лет – помощник комбайнера МТС. Помню, конечно, что будущий генеральный секретарь ЦК КПСС окончил юридический факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Даже не забыл и то, что потом Михаил Сергеевич окончил заочно экономический факультет Ставропольского сельскохозяйственного института. Затем была комсомольская и партийная работа, вплоть до избрания в 1985 г. генеральным секретарем ЦК.

Обращаю внимание (об этом я раньше как-то не задумывался), что М. Горбачев, был удостоен трех орденов Ленина, орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, других наград, а вот Звезды Героя Социалистического Труда у него, оказывается, не было. Это в то-то время, когда, по-моему, все члены и кандидаты в члены Политбюро были со звездочками Героев. Еще слова из этой краткой биографии, напечатанные в те исторические дни в «Известиях»: «Михаил Сергеевич Горбачев – инициатор революционного процесса перестройки всех сторон жизни советского общества. С его именем связаны все более утверждающаяся в мире концепция нового политического мышления, комплекс крупных инициатив в построении безопасного, безъядерного мира». Все – правда.

Вот и съезд, энергия которого была всепоглощающей. Масса новых людей, которые до этого были совершенно не известны стране, а тут в одночасье становились настоящими героями, медийными персонами, как сказали бы сегодня. Выступления А. Сахарова. Еще недавно это невозможно было представить. Происходившее просто не укладывалось в голову.

Приведу подборку цитат из ведущих иностранных изданий тех дней, которые собрали «Известия». «Советский Союз переживает исторический момент», – писала газета *Le Soir*. «Школой демократии» называла съезд *The Washington Post*. Вот цитата из австрийской *Volksstimme*: «Это совершенно новая для СССР живая форма парламентаризма, недоступного западным демократиям». То есть первый Съезд народных депутатов СССР не только стал гигантским шагом для нашей страны, но и мы, по признанию европейцев, обогнали даже развитые демократии. Такие признания дорогого стоят.

В дни работы съезда работала его социологическая служба. Вот яркое доказательство того, что вся страна, как было сказано, жила этим важнейшим мероприятием. На вопрос «Следите ли Вы за работой съезда?», только 1% (!) опрошенных, ответил, что практически не следят. Попробуйте представить: всего лишь 1% людей не следили за тем, что происходило в Кремле. Так отвечали и в Москве, и в Киеве, и в Тбилиси. «Постоянно» или «более или менее постоянно» следили за работой Съезда 78% опрошенных в Москве, 75 – в Ленинграде, 88 – в Киеве, 93% – в Тбилиси. Так что действительно, без всякого преувеличения, страна жила съездом. И страна видела, слушала все эти дни М. Горбачева.

Сегодня проведение подобного мероприятия абсолютно невыносимо. То, что мы сегодня видим, не идет ни в какое сравнение с тем первым Съездом народных депутатов СССР. Тогда не было абсолютно никакой срежиссированности. Это не означает, что не было какого-то плана работы, безусловно, он был. Но энергия масс накопилась такая, что все выплескивалось на трибуну, в реплики от микрофонов, никакой регламент не мог выдержать. Сегодня, спустя несколько десятков лет, я вспоминаю, как будто это было вчера, выступления: А. Сахарова, Ю. Афанасьева, Б. Ельцина, Ю. Карякина, Е. Евтушенко, П. Бунича, Ю. Власова, Г. Попова, Т. Гдьяна и многих других.

Но все-таки больше всех, однозначно, мне вспоминается М. Горбачев. Вспоминается, честно признаюсь, в большей степени тем, как Михаил Сергеевич справлялся, выражаясь сегодняшним языком, с ролью модератора бурлящих дискуссий. Мнения – подчас противоположные, градус дискуссий – зашкаливает, очень много экспромта. И со всем этим удалось справиться. Справиться же было ой как нелегко, потому что хватало и тех, кто просто лишний раз хотел покрасоваться у микрофона (во все дни съезда велась прямая телетрансляция), подискутировать с самим главой государства.

Поэтому М. Горбачев тогда преподавал урок, как можно справляться (в хорошем смысле этого слова) с таким взрывным выплеском демократических страстей. На съезде было ярко продемонстрировано, что демократия – это не вседозволенность.

Дело М. Горбачева живет

Лично для меня именно после съезда стало понятно, что страна окончательно и бесповоротно расстается с коммунистической идеологией. Какая-то соответствующая риторика в выступлениях самых разных людей еще, конечно, мелькала. Но это уже было что-то уходящее. Представляете, какой поворот: столько лет страна шла по этим идеологическим рельсам, а потом вдруг, чуть ли не в одночасье, стало понятно: никакие это не рельсы и свернуть вполне можно и нужно на другую дорогу.

После первого Съезда народных депутатов СССР страна получила такой мощнейший импульс к демократизации, что просто не справилась с этим ускорением. Советский Союз развалился, экономика вошла в глубочайший кризис. Была ли в этом вина М. Горбачева? Наверно, была. Все-таки именно он был тогда главой государства. Он тоже в ответе за то, что произошло. Другое дело, что категорически неправильно винить во всем только М. Горбачева, многие должны разделить эту ответственность.

За что именно М. Горбачев ответственен? За уход от коммунистической идеологии, за политику гласности, за переход к широчайшей демократизации, за попытку придать ускорение развитию экономики, за решительный уход от авторитаризма.

Сегодня, спустя три десятка лет после ухода М. Горбачева из власти, мы живем в другой стране. В экономическом развитии Россия, безусловно, сделала какой-то шаг вперед.

С демократией же, с гласностью, все совсем неважно. Когда сегодня начинают говорить о том, что все у нас нормально со свободой слова, с демократией, с выборами и тому подобное, так и хочется сказать: давайте не будем, а? Давайте сравним с временами М. Горбачева. Уверяю, сравнения будут на 100% не в пользу нынешней России.

Иногда говорят, что зря М. Горбачев развел всю эту демократизацию, гласность и т.п. Не знали мы, мол, что такое возможно, и жили бы себе спокойненько, ничего и не надо было бы. То есть не нужен был тот «глоток свободы».

Нет, нужен он был, нужен. Мы узнали, благодаря М. Горбачеву, как оно может быть. Кто-то все это уже забыл, кто-то счел, что материальное важнее. Я не забыл, помню и очень надеюсь, что еще достаточное количество людей тоже это помнят, что есть уже и молодые люди, которым эти чувства передали родители.

Если так, то это только дело времени, когда мы сможем вновь испытать этот восторг свободы, демократии, гласности. Эти очень большие дела М. Горбачева, спустя десятилетия, совершенно убежден в этом, вновь возродятся, будут востребованы с новой силой. Так что дело М. Горбачева живет. Не скажу, что процветает, потому что это не так, но живет, точно. Это – главное.

М. Носов

М. ГОРБАЧЕВ И МОЕ ВРЕМЯ

Моим сорокалетним соотечественникам имя Михаила Сергеевича Горбачева мало что говорит. Некоторые слышали от родителей, что именно он развалил СССР, другим в школе объясняли, что он был первым и последним президентом СССР, третьи вообще не знают этого имени. Для многих, проживших большую часть своей жизни в СССР, имя М. Горбачева навсегда будет связано с неудавшейся не по его вине попыткой покончить с «холодной войной» и периодом надежд на свободу и открытость. Все написанное здесь это выражение исключительно личных ощущений, поскольку говорить за мое поколение я не решился бы. Слишком по-разному формировались эти представления у сегодняшних восьмидесятилетних, переживших все взлеты и падения нашей истории.

Шаг в будущее

В памяти хранится карта с флажками, отмечавшими линию фронта и первые салюты в Москве, помню себя в нашей комнате в коммуналке на Воровского, где мы жили впятером. Засыпая на своей раскладушке, я думал, что возможно когда-нибудь умрут родители, но никогда не умрет И. Сталин. 9 марта 1953 г. его хоронили. Я пошел с мамой на площадь Восстания, где на мостовой и тротуаре стояли тысячи людей, прощавшихся с вождем, а мама все время шикала на меня, заставляя надеть шапку. Раздался гул гудков и все замерло. Когда он стих, мы пошли к площади Маяковского в кукольный театр Образцова на спектакль «Али-баба и сорок разбойников», который почему-то не отменили. Эпоха И. Сталина закончилась.

В 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, после которого вначале шепотом, а потом открыто стали говорить о культе личности И. Сталина и преступлениях сталинизма. Через восемь лет разоблачили культ

Михаил Григорьевич Носов – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН (г. Москва).

личности Н. Хрущева и его ошибки в построения коммунизма. Пришли годы так называемого брежневского «застоя», и мы начали понимать, что с нашей страной что-то не совсем благополучно.

В двадцать семь лет я впервые пересек границу СССР и с тех пор достаточно много времени провел за рубежом. Я видел разницу в уровне жизни между СССР и странами Запада, но меня никогда не оставляла мысль, что наша жизнь хотя и скромна, но гарантируется заботой государства и «недалекой перспективой построения коммунизма». Кроме этого, Запад никогда не рассматривался в качестве партнера, а считался в лучшем случае соперником, а чаще врагом. События в Венгрии и Чехословакии, ввод войск в Афганистан, судебные процессы над диссидентами и прочие прелести режима в сфере экономики, поколебали мою уверенность в верности курса нашего государства, но не до конца уничтожили существовавшие стереотипы.

Новейшая история России не слишком баловала нас периодами, которые вызывали бы у меня позитивные эмоции. Исключением были годы горбачевской перестройки с 1985 по 1991. Это было время окончательного освобождения от того, что А. Блок метко называл «нахрюканными в детстве представлениями». За что я всегда буду благодарен Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Мы впервые поняли, что выборы это не единогласное голосование за одного человека, а действительно выбор. Мы впервые неотрывно следили за трансляциями с Съезда народных депутатов СССР, на котором реально решались вопросы будущего страны. Мы в режиме настоящего времени смотрели, как разрушали символ разделенного мира – Берлинскую стену. Для многих важнейшим достижением перестройки стало провозглашение прав человека над классовыми приоритетами.

Смею предположить, что эволюция сознания выпускника юрфака МГУ¹ и партийного функционера М. Горбачева, родившегося на десять лет раньше меня, шла под влиянием тех же обстоятельств, с поправкой на несравнимо больший объем информации о жизни нашей страны. Его приход во власть в 1985 г. никто, включая его самого, не рассматривал как попытку уничтожить СССР и КПСС. Хорошо понимая все недостатки политики СССР внутри страны и за ее пределами, новый руководитель, как мне кажется, поставил своей задачей построить «социализм с человеческим лицом». До последнего он пытался сохранить Советский Союз, хотя российское общественное мнение абсолютно незаслуженно считает его виновником развала государства. Сегодня выбор между «социализмом с человеческим лицом» и тем «свободным рынком», который был построен за 30 лет, после ухода М. Горбачева из Кремля, как минимум, для меня, очевиден.

¹ М. Горбачев был единственным руководителем СССР, получившим законченное очное высшее образование.

Семь лет в Кремле были для него и для страны тяжелым испытанием и временем обретенной свободы и надежд на лучшую жизнь. Перестройка оказалась новым и весьма тяжелым делом. Ломка старых устоев сопровождалась трудностями и серьезными потерями. Страна надорвалась в гонке вооружений, материально-техническая база устарела, население оставалось в состоянии апатии. Продолжавшаяся война в Афганистане, упавшие в 1986 г. почти в два раза до 15–18 долл. за баррель мировые цены на нефть еще больше усугубили снижение уровня жизни и нарастание критики власти. Попытки реформировать страну наткнулись на ожесточенное сопротивление номенклатуры, в штыки принимавшей перестройку. Однако за эти годы М. Горбачеву удалось многое. Он попытался разрушить железный занавес, отделявший коммунистическую идеологию от мировой цивилизации, остановил преследование тех, кого считали диссидентами, вернул из ссылки А. Сахарова, закончил в 1989 г. Афганскую войну, первым за все время существования СССР сделал реальную попытку покончить с «холодной войной».

«Союз можно было обновить и сохранить»

В апреле 2014 г. депутаты «Единой России», КПРФ и ЛДПР направили запрос в генпрокуратуру с требованием возбуждения уголовного дела в отношении президента СССР М. Горбачева «за принятие решений, направленных на ликвидацию государства». Я полностью согласен с оценкой данной самим Михаилом Сергеевичем этой инициативе – «глупость». В проекте Закона «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий и членам его семьи», внесенном в ноябре 2020 г. в Государственную Думу членом Совета Федерации А. Клишасом и депутатом ГД П. Крашенинниковым речь идет о том, что «Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью. Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности, а также задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру». При этом П. Крашенинников уточнил, что «в соответствующем документе речь идет об экс-президентах РФ, а не СССР».

Думаю, что если наши депутаты продолжат логику собственных решений, и суд над М. Горбачевым состоится, то «подсудимый» расскажет много интересного. Да, в годы перестройки было совершено достаточно ошибок. М. Горбачев как руководитель государства несет ответственность за события в Сумгаите в феврале 1988 г., когда погибли 32 человека, за события в Тбилиси, где погибли 19 человек, за события в Вильнюсе – 15 погибших. Его можно обвинить в нерешительности, хотя она проистекала из идеологического противостояния сторонни-

ков и противников перестройки. Вместе с падением цен на нефть, это стало причиной экономических трудностей периода перестройки.

На вопрос о своей роли в распаде СССР, М. Горбачев мог бы ответить: «Союз можно было обновить и сохранить. И этой линии я до конца придерживался. Это тревожило, пугало противников Союза»². После августовского путча М. Горбачев активно выступал за сохранение реформированного СССР и был категорическим противником Беловежского соглашения в начале декабря 1991 г., носившего абсолютно антиконституционный характер. Весной 1990 г. прошли выборы в высшие органы РСФСР, ставшие водоразделом между СССР и Россией. КПСС выборы проиграла, председателем Верховного Совета РСФСР стал Б. Ельцин, начавший борьбу с СССР и добившийся распада государства.

Первые восемь лет существования независимой России подтвердили опасения последнего президента СССР. Демократ Б. Ельцин в 1993 г. расстрелял здание парламента, где погибли 158 человек и начал первую Чеченскую войну, стоившую жизни почти 24 тыс. граждан России. В странах СНГ разгорелась ожесточенная борьба суверенитетов, местные элиты рвались к власти, в среднеазиатских республиках начался исход русского населения, были разорваны экономические связи между республиками бывшего СССР. Доход на душу населения России с 1990 по 1999 гг. упал с 8 тыс. до 5,7 тыс. долл., но зато в 1997 г. в списке Форбс появились первые российские миллиардеры – Б. Березовский, М. Ходорковский, В. Аликперов и Р. Вяхирев (в 2020 г. их стало 102).

В парадигме новой «холодной войны»

Когда сегодня нам постоянно повторяют, что Запад генетически враг России, мы редко задумываемся над тем, а за что он должен любить нас и дружить с нами. Провозгласив лозунг «пролетарского интернационализма», мы долгие годы ставили конечной целью нашей политики свержение власти «класса эксплуататоров». Появление концепции «мирного сосуществования» рассматривалось на самом деле лишь как «передышка» в борьбе за мировую революцию в контексте идеологического противостояния. М. Горбачев сделал попытку покончить с борьбой идеологий и с «холодной войной» между социализмом и капитализмом. Но сосредоточившись на бессмысленном вопросе «кто в конечном счете выиграл «холодную войну»?», мы снова все глубже увязаем в парадигме новой «холодной войны».

Назвать ее войной идеологий нельзя, поскольку с коммунизмом мы вроде бы покончили и построили свой вариант свободного рын-

² Горбачев М. С. Наедине с собой. М.: Грин стрит. 2012. С. 580.

ка. Сегодня причиной новой «холодной войны» стало ущемленное самолюбие новых политических элит России, лишившейся противостояния с США и пытающейся найти свое место в новой конфигурации мира. Противником России выступает коллективный Запад, осуждающий ее не только за попытки возродить СССР, но и обвиняющий руководство страны в катастрофе самолета рейса МН17, в убийствах перебежчиков и в покушении на А. Навального.

Новый этап «холодной войны» возобновился речью президента РФ В. Путина в Мюнхене в 2007 г., в которой он выразил несогласие с однополярной моделью мира. Сегодня, в 2020 г., можно подвести некоторые итоги политики, курс которой 14 лет назад был объявлен в Мюнхене. В 2007 г. Россия была членом G-8, имела устойчивые и взаимовыгодные отношения с ЕС и США. Сегодня мы потеряли союз с нашими ближайшими соседями – Грузией и Украиной, а отношения с Западом буквально ежедневно прирастают конфронтацией. Произошло это в результате попыток России объявить постсоветское пространство зоной российского влияния.

Комментируя процессы, происходящие на постсоветском пространстве, российская пропаганда рассматривает их исключительно как происки Запада, манипулирующего своей агентурой в бывших советских республиках. На деле мы переоцениваем возможности западных спецслужб и недооцениваем стремление людей к свободе и демократии. Мы не сделали выводов из событий в Грузии, Украине и Армении, продолжаем, проводить неопределенную политику в отношении происходящего в Беларуси. Обострение конфликта между Азербайджаном и Арменией неизбежно ставит вопрос о дальнейшей судьбе СНГ, а возможно, и ОДКБ, что еще более усложняет ситуацию на постсоветском пространстве.

Уходя с поста президента СССР 25 декабря 1991 г., М. Горбачев сказал, что «общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это – самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, а потому еще не научились пользоваться свободой»³. Это были светлые и очень горькие слова. Он проиграл битву, но выиграл вечность. М. Горбачев отказался от жесткой конфронтации с нахрапистым соперником, торопящимся собрать в кабинете уходящего президента своих сторонников на выпивку. Президент не хотел крови и понимал, что он опоздал с реформированием СССР. Тем не менее хотелось бы надеяться, что наше общество когда-нибудь осознает тот огромный шаг в будущее нашей страны и мира, сделанный Михаилом Сергеевичем, и сумеет по достоинству оценить его вклад в нашу и мировую историю, продолжив реформацию России.

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Книга 1. М.: Новости. 1995. С. 6.

П. Палажченко

ОН ХОТЕЛ ВНЕДРИТЬ В ПОЛИТИКУ МОРАЛЬ

Сейчас Горбачеву 89 лет, и все последние 34 года я остаюсь с ним. Честно говоря, глядя на него сегодня, с трудом представляю себе его тогдашнего – 54-летнего, крепкого, «реактивного». Время и удары судьбы сделали свое дело.

Впервые с М. Горбачевым

Себя тогдашнего я помню лучше, и хорошо помню, как в мае 1985 г. мой начальник, заведующий отделом переводов МИД А. Развин сообщил мне по телефону, что я буду переводить интервью генсека корреспонденту индийского информационного агентства. Сказал он это почти рутинно, без торжественности и дрожи в голосе, я это оценил и продолжал разговор без удивления и пафоса.

Переводить на высшем уровне – ответственность особая. Для меня это было впервые. Готовился визит в СССР молодого индийского премьера Р. Ганди, и я сразу предположил, что от того, как пройдет мой «дебют», зависит, буду ли «работать на визите». Был бы неискренен, если сказал бы, что был к этому безразличен. Но особого волнения не было. Я был уверен, что справлюсь.

Первое, что бросилось в глаза, когда на следующий день я вошел в кабинет М. Горбачева вместе со слегка обалдевшим индийским журналистом, – насколько отличался он от своих предшественников. Все они – Л. Брежнев последние годы жизни, Ю. Андропов, К. Черненко – были тяжелобольными людьми. М. Горбачев, помимо того, что был здоров и бодр, вел себя очень естественно, доброжелательно, без напыщенности и напускной серьезности.

После рукопожатия индийский корреспондент почему-то задал для начала такой вопрос:

– Mr. General Secretary, is this your office or your study?

Павел Русланович Палажченко – специалист-международник, журналист, руководитель отдела международных связей и контактов с прессой в Горбачев-Фонде (г. Москва).

Я на секунду удивился – мне такой вопрос никогда не пришел бы в голову. И чуть не забуксовал: по-русски и то и другое – кабинет. В переводе получилось так: это ваш официальный офис или рабочий кабинет? Может быть, немного неуклюже.

– И то и другое, – не переспрашивая, ответил М. Горбачев.

Интервью, как это было тогда принято, состояло из письменной и устной, реальной части. Письменные ответы на заранее переданные вопросы у корреспондента, кажется, были, и он мог задать несколько дополнительных вопросов. В вопросах и ответах не было ничего неожиданного, продолжалось устное интервью, наверное, минут пятьдесят, перевод у меня шел легко. Среди прочего корреспондент спросил, верно ли, что М. Горбачев обязан своей партийной карьерой поддержке Ю. Андропова.

– Да, – ответил М. Горбачев, – Юрия Владимировича я знал и многому у него научился. Как, впрочем, и у других руководителей – Леонида Ильича Брежнева, Михаила Андреевича Суслова.

(Позже я обратил внимание на то, что М. Горбачев не пытается играть на сложившемся «в народе» отношении к своим предшественникам, будь то положительном или отрицательном. Много лет спустя он иногда рассказывал мне о них разные вещи, но никогда не делал этого в глумливом тоне).

После интервью помощник генсека А. Александров-Агентов пожал мне руку и сказал:

– Спасибо за перевод. Думаю, мы с вами будем встречаться.

Сам А. Александров работал с М. Горбачевым до февраля 1986 г. Человек он был незаурядный, но, как и А. Громыко, был символом прежней внешней политики. Тем не менее с заменой М. Горбачев не спешил и в конце концов остановил выбор на А. Черняеве. С этим решением он, что называется, попал в точку, и сам об этом не раз говорил, хотя люди они очень разные.

Через две-три недели состоялся визит Р. Ганди. Это был первый визит иностранного лидера в СССР при новом руководстве. В аэропорту его встречали премьер-министр Н. Тихонов и А. Громыко, после чего в Кремле на свежем воздухе предполагалась официальная церемония прибытия. Но пока кортеж ехал в Москву разразилась гроза, и церемонию пришлось заменить поспешным фотографированием (коллективная фотография на другой день была опубликована в газетах, и так я впервые оказался на первой странице «Правды»).

М. Горбачев провел гостей на «собственную половину», гостевые апартаменты, которые иногда, довольно редко, предоставляли главам государств как резиденцию во время официальных визитов. Вообще Р. Ганди и его супруге было оказано особое внимание. Но первый день переговоров, с участием делегаций, был совершенно рутинный: разговор шел по «домашним заготовкам», были подписаны заранее

подготовленные соглашения, вечером – официальный обед. Переводчик индийской делегации зачитывал тезисы, заранее переведенные на русский язык, а когда начинался обмен спонтанными репликами, выразительно смотрел на меня, и я переводил в обе стороны. На следующий день беседу один на один переводил я, по просьбе Р. Ганди не присутствовали даже помощники – в общем, настоящий тет-а-тет.

М. Горбачев и Р. Ганди нашли общий язык как-то сразу, прежде всего по-человечески. Беседа была живой и очень доверительной. Потом я переводил их тет-а-теты не раз и видел, что, хотя в отношениях между двумя странами не все было так безоблачно, как могло показаться на первый взгляд, они старались, что называется, войти в положение друг друга. Между ними была взаимная симпатия, как мне кажется, еще и потому, что оба были руководителями больших и очень сложных, даже трудных стран. У Р. Ганди, возможно, было трагическое предощущение – он оказался во главе страны, потеряв сначала брата, предполагаемого наследника «династии» Ганди, затем, в 1984 г., мать, а через несколько лет сам разделил судьбу И. Ганди, став жертвой политического убийства.

Р. Ганди был всегда спокоен, выдержан, очень хорошо, точно говорил по-английски. В политике он был реалистом, но для него существовала и мораль. М. Горбачев это чувствовал, он, я полагаю, уже тогда думал об общечеловеческих ценностях, о которых потом не раз говорил. Внедрить в политику мораль – задача до сих пор не решенная, но мне кажется, что прежнее поколение политиков, по крайней мере, понимало или догадывалось, что такая задача есть. Во всяком случае, люди этого поколения были менее циничными, чем некоторые их преемники, а это уже немало.

М. Горбачев в ООН

В прошлом году я был на одной конференции в Вашингтоне, и там же выступал А. Козырев. Речь зашла о выступлении М. Горбачева в ООН в декабре 1988 г. А. Козырев сказал, что считает эту речь высшей точкой внешней политики Михаила Сергеевича, после которой тот стал отставать и во внутренних делах, и во внешних.

У нас А. Козырева не шпыняет только ленивый. Я никогда не присоединялся к этому хору, хотя в годы его руководства российским МИ-Дом часто не соглашался с ним. В данном случае я тоже с ним не согласен, хотя вроде бы он речь М. Горбачева хвалит.

Речь М. Горбачева в ООН действительно была поворотным пунктом в выстраивании его внешней политики. Она и сегодня звучит сильно, в ней много такого, к чему России рано или поздно придется вернуться. Когда мы с В. Суходревом чуть ли не до полуночи переводили присланный со Старой площади окончательный текст, его неординарный характер бросался в глаза. Помимо всего прочего, текст

был хорошо написан и, как все хорошо написанные тексты, переводился легко. Несколько легкомысленно я положил единственный экземпляр перевода в портфель и поехал домой спать. На следующий день, слава Богу, не забыв текст, я летел в Нью-Йорк – уже в который раз... Но это был, конечно, особый случай.

Утром в день выступления я пришел в наше представительство пораньше, чтобы внести в перевод последние изменения и взглянуть на газеты. Выходя из кабинета, увидел на экране телевизора сообщение о землетрясении в Армении. Очень кратко: мощные подземные толчки. О пострадавших в первые минуты ничего не сообщали. Как рассказывал потом Михаил Сергеевич, ему тоже успели сообщить только о факте землетрясения.

Через несколько минут я входил вместе с ним в зал Генеральной Ассамблеи. На секунду промелькнуло воспоминание о том, как в ноябре 1974 г. я впервые вошел в ооновскую кабину синхронного перевода, взглянул с высоты третьего этажа на огромный, напоминающий гигантскую пещеру зал...

М. Горбачева слушали в абсолютной, почти звенящей тишине. И услышали больше, чем ожидали.

Это было прощание, разрыв с догмами прежней политики. Перечитывая эту речь сегодня, трудно найти в ней даже следы «марксизма-ленинизма». Главное – не было пропасти между внутривнутриполитическими реальностями и внешнеполитической риторикой. Потому что к этому времени в стране уже очень многое изменилось, как нам тогда казалось, бесповоротно: «Сейчас в местах заключения нет людей, осужденных за свои политические и религиозные убеждения. В проекты новых законов предполагается включить дополнительные гарантии, исключающие любые формы преследования по этим мотивам». Кто раньше мог такое сказать?

Еще запомнилось: «Было бы наивно думать, что проблемы, терзающие современное человечество, можно решать средствами и методами, которые применялись или казались пригодными прежде». И это актуально сегодня: «Наращивание военной силы не делает ни одну державу всемогущей». Можно цитировать и многое другое.

Но было сказано и такое, что еще предстояло доказать: «Свобода выбора – всеобщий принцип, и не должен знать исключений». Тогда это могло показаться демагогией: а как же Восточная Европа? Но уже через несколько месяцев доказательства были предъявлены. Венгры разрезали колючую проволоку на границе с Австрией. Тысячи «восточных немцев» рванули на Запад через Чехословакию. И понеслось... Оказалось, что слова о признании свободы выбора – не пустая риторика.

В тот день в СМИ, среди политиков и дипломатов больше всего говорили об анонсированных М. Горбачевым шагах по сокращению наших войск в Восточной Европе. Да, это выглядело впечатляюще:

уменьшение численности Вооруженных сил на 500 тыс. человек, вывод из Восточной Европы и расформирование шести танковых дивизий, артиллерии, самолетов... Но пронизательный Дж. Шульц сказал: не это главное. Это действительно новое мышление, сказал он. Это конец «холодной войны». Не думаю, что он поспешил с выводом.

Переполненный зал встретил речь М. Горбачева овацией. Аплодировали так долго, что нельзя было не сделать вывод – искренне.

Беседа трех президентов

Вслед за выступлением в ООН – следующий пункт программы. Предстояла встреча с Р. Рейганом и избранным месяц назад его преемником – Дж. Бушем. Местом встречи избрали Губернаторский остров – клочок земли между Манхэттеном и Бруклином. Минут десять езды до причала, оттуда – на пароме. Ехали по хайвэю FDR Drive.

Показался Бруклинский мост – «стальная лапа», воспетая В. Маяковским. «Да... Это вещь!» – процитировал М. Горбачев. Я немного рассказал ему об истории строительства моста.

Не доезжая до паромной переправы у моста, кортеж остановился: срочная просьба из штабной машины. Это был такой же ЗИЛ, как и первая машина, там связь и расчет охраны. Вышедший из машины начальник «девятки» Ю. Плеханов сообщил М. Горбачеву: звонок из Москвы, просят поговорить до начала встречи.

Михаил Сергеевич, не обсуждая, вышел и сел в машину связи. Мне кажется, он предполагал, о чем пойдет речь.

Вернувшись минут через десять, сказал:

– Рыжков звонил. Беда. Землетрясение в Армении очень мощное. Разрушительное. Пока не знают, сколько людей погибло, но плохо дело. Я попросил Язова и всех подключиться. Сразу после переговоров буду звонить. Большая беда.

М. Горбачев рассказывал потом, что решение прервать поездку и вернуться в Москву в связи с землетрясением он принял сразу после телефонного разговора с Н. Рыжковым. Беседу с президентами он начал с рассказа об этом звонке.

Американцы сразу предложили помощь, М. Горбачев поблагодарил. Сказал, что скорее всего программу поездки придется сократить, но «надо посоветоваться».

Р. Рейган подытожил совместную работу:

– Готовясь покинуть свой пост, я с гордостью вспоминаю о том, чего мы с вами вместе добились.

Дж. Буш сказал, что продолжит курс на сотрудничество.

– Думаю, его уже нельзя повернуть вспять. Во всяком случае, я лично хочу на основе достигнутого строить дальше наши взаимоотношения.

После этого все прошли в довольно скромную комнату, где был накрыт стол для ланча. Разговор был продолжен вместе с другими участниками. Читая сегодня запись беседы, вижу, что всего за час-полтора удалось обсудить многое: региональные проблемы, запрещение химического оружия, ядерные вооружения. Во многом соглашались. Но были и «нюансы». Например, М. Горбачев отметил:

– Мне показалось, что вице-президент с несколько меньшим энтузиазмом подходит к 50%-ному сокращению стратегических вооружений.

Дж. Буш не уклонился от ответа:

– Вы только наполовину правы. Я поддерживаю глубокие сокращения стратегических арсеналов, но считаю, что это надо рассматривать в комплексе с другими проблемами безопасности.

Это было, конечно, предвестником «стратегического обзора», затеянного новой администрацией в первые месяцы его президентства. В итоге больших изменений в позиции США по СНВ не произошло, но время было упущено.

Говорили, конечно, и о переменах в СССР.

– Мы свой выбор сделали, – сказал М. Горбачев. – Общество будет меняться в направлении основных тенденций мировой цивилизации. Мы полностью отдаем себе отчет, что изменить придется очень многое. Понимаем, что будет трудно, и вы тоже должны это знать. Нам уже трудно. И мы знаем, что новому президенту дадут разные советы, в том числе – воспользоваться этими трудностями, чтобы навязать свою волю, а еще лучше – развалить это «проклятое государство».

Р. Рейган отреагировал сразу (цитирую по записи беседы):

– Хочу, чтобы вы правильно нас поняли. Мы за перестройку. Если и есть какие-то деятели, которые желают вашим реформам провала, то их лишь горстка, и они не выражают мнения большинства.

Его поддержал Дж. Буш:

– Я уверен, что у нас в стране нет серьезных деятелей, которые желали бы перестройке неудачи и радовались бы хаосу в Советском Союзе.

Когда беседа близилась к концу, М. Горбачев сказал:

– В таком трудном деле, которое мы начали, могут случаться и временные откаты – ведь это многогранный процесс, порой сопряженный с борьбой, но процесс необратимый.

И завершающий тост Р. Рейгана:

– Хочу, чтобы вы мне поверили. Мы действительно вас поддерживаем в этом трудном начинании. Предлагаю в этой связи прощальный тост: за ваши достижения, за то, чего мы с вами вместе добились. И наконец, за то, чего вы еще добьетесь в сотрудничестве с будущим президентом США.

Ю. Пивоваров

НАШ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

И. Бродский писал примерно так: вошел Михаил Сергеевич, и я ощутил дуновение истории, Клио.

В клинике. Болею. По ночам не сплю. Смотрю ТВ. Каждый день – хула на Михаила Сергеевича и его соратников (А. Яковлева, Э. Шеварднадзе, А. Черняева и др.). Сдал социалистический лагерь, пустил НАТО к нашим границам, разрушил СССР... Да еще говорят: не на той женщине женился. На «Райке».

Еще большее чудо

Что ж? Все правильно. «Профукал» Империю. Рухнула вторая сверхдержава. Развалилась экономика, вспыхнули межнациональные конфликты (нередко – в кровавой форме).

С него началось возрождение Отечества. Он пришел и сказал: «Не бойтесь!». Этого он не говорил, но мы поняли: «Можно»! Что можно-то? Не скрывать того, что думаешь. Публиковать, что написал. Гордиться, что русский.

Гордиться? Да, 22 августа 1991 г. – *лучшее*, что я пережил. Мне казалось: ну, все. Теперь мы – обычные, нормальные – сделаем нашу жизнь обычной, нормальной. Спасение Михаила Сергеевича, мужество Бориса Николаевича – разве это не приметы и гарантии нашего возвращения?! В жизнь.

...Не получилось. Как и после «лихих» двадцатых, после «лихих» девяностых пришел человек, похоронивший *все* надежды.

Пришел человек? Нет, это мы его захотели и выдумали. Мой учитель профессор Н. Разумович (сын расстрелянного священника, фронтовик) говорил о И. Сталине: «Обыватель дал на него санкцию!» Сегодня обыватель дал санкцию на В. Путина.

Мы смиримся? Нет, конечно. Михаил Сергеевич – *наш* президент. Его ошибки – *наши* ошибки. Его демократизм – *наш*. Его любовь к жене – *наше* вдохновение.

Вот так! Здоровья, Михаил Сергеевич! Ваше место – в мировой и русской истории.

И еще – личное. Вы подарили нам счастливое время. Легкое, без страха. Мы только боялись, чтобы с Вами ничего не случилось. Единственное, что по-настоящему омрачало эти дни, месяцы, годы – понимание: все держится на Вас. И не дай Господь, произойди что-нибудь, – что будет с нами...

Когда-то А. Солженицын сказал, что явление А. Сахарова – чудо. Такого, по всей логике сталинского и постсталинского порядка, не могло быть. Но случилось!

Ваше явление – еще большее чудо. Выходец из рядов партноменклатуры, ее лидер стал вождем демократического преобразования Отечества.

Но гений – всегда чудо. Как О. Мандельштам, И. Бродский, который, как Вы знаете, не всегда был расположен к Вам. Однако увидев, сразу же понял, *кто Вы*. И отвечал на Ваш вопрос: «Кто есть ху?» – твердо и четко: *история*.

Он откроевал нам свободу

С кем бы его сравнить? В. Брандт. Канцлер Германии (1969–1974 гг.). Социал-демократ. При нем прошли важные социальные реформы. Но в истории он останется как человек (и политик), вставший на колени перед «входом» в варшавское гетто. В этот момент он был олицетворением прощения, которое просили немцы у убитых ими людей. В. Брандт, с оружием в руках сражавшийся с нацистами, скорбел о миллионных жертвах, в которых был повинен его народ. Что же в результате? В центре Европы существует государство (брандтовский поступок – один из дальних импульсов к объединению Германии), гарантирующее в сегодняшнем мире свободу, демократию, порядок.

Все это касается и нас, русских. Тем более, что у нас есть свой В. Брандт. Его зовут Михаил Сергеевич Горбачев. При всем немалом (в том числе и возрастном) различии их объединяет, как минимум, одно качество: «милость к падшим призывал» – после его телефонного разговора с А. Сахаровым (16.12.1986 г.) были освобождены политические заключенные; в августе 1990 вышел Указ президента СССР «О восстановлении прав *всех жертв* политических репрессий 20–50-х годов». Это – лучшее, что человек может сделать на Земле.

Не потрясения и перевороты

Для новой жизни открывают путь

А откровенья, бури и щедроты

Души воспламененной чьей-нибудь. (Б. Пастернак)

Воспламененная душа В. Брандта бросила его на колени в Варшаве в 1970 г. – и стала возможной единая Европа, надежда человечества. Воспламененная душа Михаила Сергеевича подвигла его на Перестройку. И кончилось коммунистическое время.

Он октроировал нам свободу. Достойны ли мы этого горбачевского подвига? Да. В октябре 1993 г. не пошли на поводу черносотенно-коммунистической банды. За два года до этого встали вокруг Белого дома, защищая, тем самым, и Михаила Сергеевича. Защитим и сегодня. От лжи, клеветы и угроз.

Грамота на благородство

Михаил Сергеевич, – еще раз – Ваше место в мировой и русской истории неоспоримо. Чтобы там ни гавкали нынешние опричники и их идеологическая обслуга. Поэт М. Волошин говорил о «русских грамотах на благородство». Вы – одна из них. Явленная нам, Вашим современникам.

Двадцатый век и начало двадцать первого дают много оснований окончательно потерять веру в возможность победы Добра. Тогда-то и вспоминаешь: «Михаил Сергеевич Горбачев». И пессимизм, отчаяние постепенно отступают.

Ваша эпоха, Михаил Сергеевич, – это духовное потепление и моральное оздоровление. Люди, упрекающие Вас, что Вы кого-то не задушили твердой (или железной) рукой, не понимают, что политика – это не расширение и ужесточение каталога запретов, а расширение свободы выбора и возможностей для человека и общества. Этим людям неведомо, что цель политика и политики – не власть, а использование ее для «общего блага».

Михаил Сергеевич, Вы относитесь к государственным деятелям того разряда, чья управленческая деятельность – тем или иным способом – была насильственно прервана (М. Сперанский, Александр II, С. Витте, П. Столыпин, Н. Хрущев, А. Линкольн, Дж. и Р. Кеннеди, В. Ратенау, В. Брандт и др.), однако результаты неотменяемы. Да, сегодня в России господствует диктатура. И население, кажется, вполне сжилось с ней. Но разве горбачевский период отечественной истории не дает нам оснований надеяться на восстановление свободы, открытости и на отказ от насилия как преимущественного метода осуществления власти?

Михаил Сергеевич, и в настоящем Ваша страна нуждается в Вас.
Мы в Вас нуждаемся.

А. Рар

WHO IS MR. GORBACHEV?

Каким будет помниться Михаил Сергеевич Горбачев человечеству через 100 лет? Будут историки говорить о лауреате Нобелевской премии мира как о человеке, который изменил мир? Сегодня огромное количество прямых очевидцев тех исторических процессов, которые произошли в мире в 1985–1991 гг. Многие называют М. Горбачева человеком XX в. – причем, в отличие от И. Сталина и А. Гитлера, личностью, которая сыграла положительную роль в истории.

Когда пройдет время

В России и на Западе ответ современников на вопрос о том, чем прославился М. Горбачев в мировой истории – тот же: М. Горбачев разрушил Советский Союз и этим закончил «холодную войну». Но интерпретировать это можно по-разному. Для одних, в основном западников, М. Горбачев подарил народам востока Европы свободу, освободив их от коммунистического гнета. Для других он – разрушитель Российской империи, которая с таким усердием строилась веками, и подыграл геополитическим интересам Запада.

М. Горбачев вполне имеет шансы войти в историю наподобие Петра Великого, повернувшего развитие отечества в правильное русло. Кто, как не Петр вывел Россию из Средневековья? М. Горбачев же, можно сказать, освободил Россию от коммунистического ига. Но он может также, в зависимости от того, как в дальнейшем будет развиваться судьба России в XXI в., превратиться окончательно в разрушителя прежнего великого государства, его экономики и надежд миллионов сограждан на светлое будущее.

Не думаю, что в биографиях М. Горбачева, которые наши потомки будут изучать 100 лет спустя, по-прежнему будут доминировать столь

Александр Глебович Рар – политолог, почетный профессор МГИМО МИД РФ, почетный профессор НИУ ВШЭ, научный директор Германо-Российского Форума (г. Берлин).

противоположные оценки его деятельности, причем в будущей России и на Западе они сойдутся. М. Горбачев предстанет перед мировой историей более объективно, когда пройдет то время, которое так безжалостно разделило миллионы людей на победителей и проигравших от Перестройки.

Что касается Запада, то здешние ревностные летописцы давно уже принизили значение М. Горбачева в столь великих переменах 1989–1991 гг. Они не могут, проживая по-прежнему в триумфализме победы над соперником в «холодной войне», согласиться с тем, что бывшие страны – сателлиты СССР не собственными руками освободились от тоталитарного прошлого. На Западе принято считать, что решающую роль в «бархатных революциях» сыграли поработанные СССР народы, которые вышли на улицы и сами свергли коммунизм.

Но ведь это не так! Пусть Запад, даже если он себя чувствует победителем, корректно пишет историю. Пусть помнят и пишут, что демократизация и системные реформы начались в СССР – во времена горбачевской гласности и перестройки. Ведь никто не поспорит с фактом, что только после того, как КПСС лишили монополии на власть, и М. Горбачев провел свободные выборы в советы народных депутатов, – только тогда начались перемены и в Восточном блоке. Не забудем, как в восточноевропейских странах, которые сегодня во всех грехах винят Россию, в 1989 г. старые коммунисты еще всюю противились переменам. М. Горбачева ненавидели за то, что он ломал советскую систему.

Считаю, что немцы должны соорудить М. Горбачеву памятник на том месте, где 9 ноября 1989 г. ГДРовские власти чисто случайно приоткрыли железный занавес, и, таким образом, рухнула Берлинская стена.

В России существует миф, что именно М. Горбачев разрушил СССР. Но ведь это не так! СССР разрушил Б. Ельцин. В отчаянной борьбе с М. Горбачевым за власть, он, как лидер российской союзной республики, договорился с лидерами других союзных республик о том, что нужно ликвидировать Союз. Это было похлеще заговора в Политбюро против Н. Хрущева в 1964 г. Он, Б. Ельцин, хотел полной власти, не хотел делиться ею с М. Горбачевым. Именно Б. Ельцин лишил союзный центр всех властных полномочий и вынудил М. Горбачева уйти в отставку. М. Горбачев мог сохранить Союз только применяя военную силу. Почему он не призвал силовые структуры на свою защиту? Здесь уже дело в характере М. Горбачева, нежелании проливать кровь – и в других неизвестных факторах, повлиявших на судьбу человечества.

Но все-таки надо отдать должное Б. Ельцину: он смог развалить СССР мирно, договорившись с союзными республиками. Российский народ тогда в большинстве своем стоял за Б. Ельциным. Ведь он, а не М. Горбачев, появился в нужный исторический момент на танке у Белого Дома – здания парламента Российской республики, – чтобы

победить путчистов из ГКЧП. Б. Ельцин стал тянуть Россию на Запад, ожидая там помощи и защиты. Фактически по той же дороге до него шел М. Горбачев, который доверял западным партнерам больше, чем своим соратникам в Политбюро.

В истории он останется великим политиком

So who is Mr. Gorbachev? До сих пор современники не могут на этот вопрос дать внятный и однозначный ответ. Если со временем россияне заживут лучше, то последними поколениями роль М. Горбачева как могильщика коммунистической идеологии и системы будет оценена гораздо положительнее. У подрастающего поколения, которое возьмет рычаги правления в России в двадцатые годы этого века, нет уже ностальгии по советскому прошлому, и у них не болит так душа по поводу развала Советского Союза. Это поколение будет опять боготворить М. Горбачева за то, что он сделал.

Нынешнее старшее поколение в России, так сильно пострадало от экономических и социальных потрясений девяностых годов, перенесло столько сильных унижений и несправедливостей, что вычеркнуло из памяти все положительные моменты конца перестройки, когда россияне и население в других республиках, стали приобретать личную свободу, свободу передвижения, свободу слова, обзаводится частной собственностью и идти в предпринимательство. Для этого поколения слово «демократия» – ругательное.

Может быть, М. Горбачев не так хотел всего этого, или хотел все иначе. Может он свято верил в то, что может оживить демократический социализм в Советском Союзе, а вовсе не стремился к западной модели демократии и капитализму. Но это не принижает его заслуги перед свободным будущим России. Он держал все удары, а таких было много. М. Горбачев закрыл ГУЛАГ, вывел войска из Афганистана, освободил всех политических заключенных, разрешил говорить правду, разрешил политические споры, убрал пропаганду. Он сам слушал, как генсек, чужое мнение.

История не знает сослагательности. Но М. Горбачев был ставленником Ю. Андропова. Почему он не пошел по китайскому пути, как это предлагал Ю. Андропов, зачем он отказался проводить сначала экономические реформы сверху, а только потом, когда народ насытился бы, медленно раскрепощать и демократизировать общество? Но М. Горбачеву хотелось быстрее продвигаться по пути либерализации. Тогда возникает другой вопрос: почему он испугался проводить всенародные выборы президента? Между тем надо было пойти на этот шаг как можно раньше, потом все оказалось поздно и инициативу забрал Б. Ельцин.

В 1989 г., избранный всенародным голосованием президент, обзавелся бы внутри страны и на международной арене совсем другой ле-

гитимацией. Лишить его власти было бы при такой демократической поддержки в народе невозможно.

Во внешней политике М. Горбачев, к сожалению, упустил идею «общеевропейского дома». Тридцать лет тому назад, в ноябре 1990 г., Запад и Восток создали новый европейский порядок, заменивший Ялтинский мир образца 1945 г. Западные и восточноевропейские государства все дружно подписали Парижскую хартию. На базе этой общедемократической концепции и при усилении роли ОБСЕ, европейцы надеялись создать «Общий дом» – и воскресить старую идею Ш. де Голля.

М. Горбачев сам заговорил о совместном пространстве от Лиссабона до Владивостока. Это был самый верный путь выстроить, после окончания «холодной войны», сильную и процветающую Европу вместе с Россией. Увы, американцы помешали. Вместо «Общего дома» в Европе начал хозяйничать и расширяться Североатлантический военный блок, несмотря на то, что М. Горбачеву в устной форме обещали не продвигать структуры НАТО на восток.

М. Горбачев в исторической памяти останется великим политиком. Но будут говорить, что обстоятельства во многом управляли им, а не он своей судьбой.

К. Ремчуков

**ВЕЛИКИЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ РУХНУЛ ОТ ДВУХ
ИНЪЕКЦИЙ М. ГОРБАЧЕВА: ПРОТИВ СТРАХА И ПРОТИВ
РЕПРЕССИЙ.**

Лет 20 назад мне позвонил Михаил Сергеевич и предложил встретиться, попить чайку в его фонде. Так я познакомился с ним лично. М. Горбачев сказав, что давно за мной наблюдает и что многие мои мысли ему нравятся, поделился политическим проектом. Речь шла о создании социал-демократической партии, в которой я стану операционным лидером, а он будет председателем. Мы войдем в Социнтерн, членство в котором допускается лишь одной партии от страны. Все ведущие социалистические и социал-демократические партии Европы, состоящие в Социнтерне, окажутся нашими международными партнерами и политическими соратниками.

Капитальный ремонт, закончившийся демонтажом

План М. Горбачева был для меня полнейшей неожиданностью. В течение почти трех часов я пытался обосновать свой скепсис в отношении социалистов в современной России. По моему убеждению, приоритетом того времени в жизни страны было всемерное развитие частной собственности, капитализма, производительности, ведь только на базе развитого частнокапиталистического производства возможна активная перераспределительная функция государства. Я видел главную опасность развития в том, что государство в России стремительно вторгается в сферу производства, а ее следовало максимально широко отдать частному капиталу.

У Михаила Сергеевича имелись свои аргументы, но мы расстались, не испортив отношений. В последующие годы мы регулярно встреча-

Константин Вадимович Ремчуков – генеральный директор, главный редактор «Независимой газеты» (г. Москва).

лись в разных форматах, нам было интересно друг с другом. Но принципиальные различия в понимании приоритетов развития сохранились.

За 35 лет, минувших с начала перестройки, про этот феномен написано много, про М. Горбачева – еще больше. Сказано, наверное, все. Из-за распада СССР на Михаила Сергеевича повесили всех собак. И продолжают навешивать. При этом настоящего всестороннего анализа перестройки как конкретного модернизационного проекта, через призму институциональной трансформации, осуществлено не было. Вероятно, главная причина здесь – прикладные политические цели и задачи сначала ельцинского, а затем и путинского режима, использовавших в собственных интересах однобокую критику перестройки, будто они справились бы с вызовами, стоявшими перед КПСС и СССР, лучше М. Горбачева и того поколения советских лидеров.

Когда начались горбачевские преобразования, мне исполнилось 30 лет. Я был естественным союзником Михаила Сергеевича, поскольку хотелось перемен, порывов, прорывов, свобод, эмоций, свежих впечатлений, жить не так, как при Л. Брежнев, Ю. Андропове, К. Черненко. Молодые стремятся жить по-своему! Сейчас уже совершенно очевидно, что М. Горбачев намеревался подремонтировать социалистический дом. Он верил в принципиальную жизнестойкость системы. Он искал ответы на вызовы 1985 г. в давних работах В. Ленина. М. Горбачев неоднократно говорил, что верен социалистическому выбору своего деда. Скорее всего, социализм его деда-колхозника – ни что иное, как сталинизм – единственная данная и доступная для понимания крестьян в 30-е годы форма организации коллективного хозяйства. Коллективизация по И. Сталину не имела ничего общего не только с социалистическим идеалом К. Маркса, но и даже с представлениями о социализме самого В. Ленина.

М. Горбачев заблуждался искренне, ситуационно. Но по мере вскрытия фактов и правды о реальном социализме, мог реагировать на них только непотворением их распространению. У М. Горбачева не оказалось собственной адаптированной к новому знанию программы действий по трансформации страны. Как бы там ни было, главное в личности Михаила Сергеевича то, что он оказался не душегубом, не маньяком власти, упивающимся страданиями и кровью других.

Видный большевик Ф. Раскольников в открытом письме И. Сталину в 1939 г. писал: «Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста, никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза – все в равной мере подвержены ударам вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели». В этих словах – самая эмоционально точная характеристика

сталинизма как тирании. М. Горбачев безусловно осуждал преступления И. Сталина, поэтому ценил Н. Хрущева, но вряд ли понимал, что несущие конструкции СССР созданы из концептуально цельных стройматериалов под названием «страх», «насилие», «закрытость».

Именно поэтому идея перестройки как усовершенствования была вскоре дополнена гласностью в качестве формы всестороннего обсуждения недостатков, критики и смещения с постов старых номенклатурных кадров. При И. Сталине кадровая чистка осуществлялась методами репрессий, а М. Горбачев гуманно предложил право на правду. Самые лютые сталинские репрессии ослабляли Советский Союз в различных областях жизни, откуда выкашивались гении и рядовые профессионалы, но не подрывали само существование государства. Горбачевская же гласность превратилась в инъекцию вакцины правды, которая стала смертельной дозой для самой советской государственности. Государство, да еще федеративное по устройству, разлетелось словно домик Ниф-Нифа от дуновения правды о человеческой цене нашего Союза.

Таким образом, капитальный ремонт социалистической системы, затеянный убежденным социалистом М. Горбачевым, закончился ее демонтажом, крахом советской государственности. Это самый потрясающий эффект воздействия перестройки на социализм сталинского типа. И самое очевидное доказательство несовместимости построенного советского государства с принципами нормальности, с желанием граждан жить богаче, свободнее, без репрессий и подозрений относительно Запада. Попутно выяснилось, что фундамент, каркас, перекрытия и несущие конструкции здания советского социализма, созданные И. Сталиным, несмотря на текущий ремонт по ходу жизни, производимый другими вождями, конструктивно формировали основу того, что М. Горбачеву досталось в наследство под названием «развитой социализм».

В поисках нормальной экономики

Экономические рецепты перестройки искали и в «строе цивилизованных кооператоров», и в арендных отношениях, и в оценочных показателях с учетом договорных обязательств, и в новом ценообразовании на новую продукцию, и в реформе оптовых цен, и в выборах руководителей. Все это, разумеется, на основе научно-технического прогресса. Про капитализм и частную собственность как таковую никто не говорил. Параллельно ослабевала роль партийных организаций и КГБ – двух сквозных вертикальных шампуров сталинизма, на которые 70 лет нанизывались все сферы советской жизни. Партаппарат не знал, как управлять без насилия и единогласного голосования, и очень быстро превратился в основного противника горбачев-

ских инициатив. Это позволило Михаилу Сергеевичу начать разгром партии – главного врага перестройки и гласности. Выяснилось, что никакого единства в партии нет, это миф всех тоталитарных и авторитарных режимов. М. Горбачеву было приятнее общаться с беспартийной творческой интеллигенцией – журналистами, писателями, кинематографистами, – чем с членами ЦК.

Логика перестройки требовала нарастающей вербовки союзников и сторонников. Словом-паролем для получения финансирования своих планов стала «перестройка». Уже через три года после прихода М. Горбачева перестройкой запыливали все сегменты экономической и общественной жизни. Перестраивалось школьное и дошкольное, высшее и профессиональное образование, сельское хозяйство и промышленность для сельского хозяйства, производство и хранение сельхозпродукции, автомобилестроение и тяжелая промышленность, станкостроение с ЧПУ и штамповка...

Как учит теория, одновременное развитие всего с неизбежностью ведет к распылению ресурсов, падению фондоотдачи, нарастанию дефицитов всех типов ресурсов. Когда надо делать что-то всем сразу, не хватает ни менеджеров, ни проектов, ни ресурсов, ни денег. Именно поэтому другая теория – А. Хиршмана – настаивает на несбалансированном росте, позволяющем ограниченные ресурсы государства направлять в ключевые сектора экономики, создавая тем самым ориентиры для частной инициативы. Очень скоро объемы незавершенного строительства и нереализованной продукции превысили в разы любые нормативы. С одной стороны, экономика все больше работала на склад: по отдельным оценкам, 77 копеек из каждого рубля вновь произведенной промышленной продукции, шло на склад. С другой стороны, запрос на финансирование всего, что объявляло себя перестраивающимся, привел в движение печатный станок, а это скоро сделало рубль «деревянным».

Стало очевидно, что советская экономическая наука беспомощна в условиях отсутствия репрессивных методов принуждения к труду. Как мотивировать людей к свободному труду на госпредприятиях, никто не знал. Когда же разрешили кооперативы, через них произошла масштабная конвертация безличных средств социалистических предприятий в наличные деньги «цивилизованных кооператоров», оказывавших этим предприятиям кое-какие услуги. На принципах аутсорсинга, так сказать. Но к целям перестройки такая практика отношения не имела. Это лишь очередное доказательство универсальности мотивов, движущих нормальную экономику. Нормальной в том контексте – значит, антисоциалистической, антисоветской, нетрудовой, буржуазной, капиталистической, криминальной.

Поэтому последние годы перестройки лишились энтузиазма, эйфории и предвкушения коллективного счастья. Мирооущение лю-

дей атомизировалось до предела, деградация институтов государства быстро привнесла ощущение разрухи: грязные подъезды, немывые витрины, нечищенные тротуары, талоны на сигареты, сахар и водку – вот эмоциональная палитра эпохи. Нарастало отчуждение власти от общества. На фоне экономической катастрофы перестройки явными были достижения в области расширения границ политической свободы. Неформальные объединения, новые партии, выборы, платформы, манифесты и хартии – многообразие политического самовыражения и политического предложения стало слабым противовесом пустым прилавкам и драматически упавшим реальным доходам.

При этом внешнеполитическим достижениям М. Горбачева суждена долгая историческая память и благодарность потомков. Он покончил с «холодной войной», разрешил выезд за границу, упразднил цензуру, упростил доступ к мировым культурным ценностям... Кстати, открытость границ привела к массовой корректировке представлений советских граждан о стандартах качества товаров и услуг. Выяснилось, что фактическое качество советских товаров преимущественно соответствовало эпохе послереволюционного и послевоенного товарного голода и тотального дефицита.

Приговор советской экономической плановой модели вынесли граждане. Не враги социализма и интервенты, а советские комсомолки и комсомольцы, коммунисты и беспартийные потребители, сказавшие «нет» системе ГОСТов качества. Зарубежный рынок генерировал бесконечное разнообразие товаров приемлемого качества в ответ на платежеспособный спрос. Расставание с советским плановым хозяйством прошло без слез и причитаний. Экономика перестройки не любила граждан. Те отвечали ей взаимностью.

Я всегда буду благодарен Михаилу Сергеевичу Горбачеву за то, что он дал нам свободу, в том числе свободу поиска адекватной государственности и приемлемой экономической модели развития. Что изо всех сил избегал кровопролития ради идеологических химер. Когда же понял, что идея национального суверенитета тотально популярна в союзных республиках, с достоинством покинул Кремль, спустив флаг СССР. Между государством, идеологией и человеком М. Горбачев бескомпромиссно выбрал человека. Его права, свободы, счастье.

В. Рыжков

«ДЕТИ ГОРБАЧЕВА» – ПОКОЛЕНИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Когда М. Горбачев был избран новым генеральным секретарем ЦК КПСС (11 марта 1985 г.) мне и моим сокурсникам по историческому факультету Алтайского государственного университета (г. Барнаул) было по 19–20 лет. Все мы родились и выросли в долгую эпоху Л. Брежнева. Годами в стране ничего не менялось. Впереди нас ожидал привычный путь родителей – окончание вуза, распределение, карьера, пенсия. Годы детства и молодости прошли в стране, в которой ничего не менялось – и потому мы не ожидали никаких перемен.

Новая политика

Смерть генерального секретаря К. Черненко и избрание М. Горбачева не произвели особенного впечатления. Уже привыкли, что смена первого лица ничего не меняет. Нравилось, что, наконец, избран молодой и энергичный начальник, но ожиданий новой политики не было. Да и какая может быть новая политика в СССР, в котором все построено по лекалам единственно верного учения – марксизма-ленинизма? Кому может прийти в голову реформировать систему, созданную самим В. Лениным (в чьей гениальности мы не сомневались)?

В мае 1985 г. меня призвали в Советскую армию. В часть выписывали перестроечную прессу, в том числе журнал «Огонек». Все читалось с захлеб и горячо обсуждалось. Гласность проникла в войска. Также внимательно читали речи молодого генсека в «Правде» – они казались чем-то немыслимым, определенно ранее невиданным. Новый лидер провозгласил ошеломляющий курс на ускорение, перестройку, демократизацию, гласность, новое мышление. Ничего подобного не слышали прежде ни мы, ни наши командиры.

После возвращения из армии в мае 1987 г. застал в Барнауле зарождение первых самостоятельных общественных организаций мо-

Владимир Александрович Рыжков – политик, депутат Государственной Думы России четырех созывов, профессор НИУ ВШЭ (г. Москва).

лодежи. Тогда пресса прозвала их «неформалами». Немедленно прикнул к одной из небольших групп – обществу «Устная история». Ездили по глухим деревням с катушечным магнитофоном и записывали рассказы стариков о коллективизации, сталинских репрессиях и гражданской войне в Сибири.

Помимо «Устной истории» в Барнауле возникли небольшие неформальные (т.е. независимые) молодежные кружки анархистов, марксистов (группа «5 мая»), Народно-трудового союза (НТС) и другие. В том же году было создано более широкое и влиятельное краевое «Общество активных сторонников перестройки» (ОАСП), имевшее активистов по всему краю и привлекавшее к себе внимание общественности и становящейся все более свободной прессы. В городе состоялся первый демократический (т.е. инициированный гражданами, а не властями) митинг. Гласность принесла в нашу жизнь свободу прессы и слова, а неформальное движение молодежи и первые общественные организации означали возникновение в СССР *публичной сферы и гражданского общества*. Это было невиданно и случилось впервые в советской истории.

В 1989 г. прошли первые отчасти свободные выборы народных депутатов СССР. В 1990 г. – первые свободные выборы народных депутатов РСФСР. ОАСП поддержало ряд кандидатов-демократов и одержало несколько ярких побед. Так в жизнь страны вошли *свободные конкурентные выборы и первые настоящие избирательные кампании*. Никаких фальсификаций не было в помине – им научились много позже. Началось формирование первых *политических партий*. Советы впервые обретали полномочия *парламентов* и навыки *парламентаризма*. Партийные комитеты КПСС стремительно теряли власть.

Мы называли себя *активными сторонниками перестройки* не из притворства, не из желания защититься от гонений со стороны партийных органов и зловещего КГБ. Поддержка М. Горбачева и его глубоких революционных реформ была полной и искренней. Нравилось все. Его обаяние, энергия, открытость, демократизм. Инициированная им гласность и разоблачения преступлений И. Сталина. Потрясающая перестроечная пресса, публикация ранее запрещенных книг и авторов (включая русских эмигрантов, в том числе А. Солженицына). Разрешение на гражданскую и политическую активность, участие в ассоциациях и свободных выборах. Легализация рок-музыки. Практически исчезло привычное для нас с детства чувство страха. Всех охватила небывалая эйфория. Ощущение невиданной свободы, невиданных перспектив и возможностей. Мы истово верили в М. Горбачева и были влюблены в него.

Между тем жизнь продолжала ухудшаться. Дефицит на продовольственные продукты стал настолько острым, что власти ввели карточки. Их число все время расширялось. Дефицитным было все – от мыла до туалетной бумаги. В народе все заметнее поднимался ропот. Популяр-

ность М. Горбачева начала падать. Ему вменяли в вину неспособность «организовать снабжение» и улучшить жизнь людей. Позже прибавились обвинения в неспособности остановить националистические выступления и центробежные тенденции в союзных республиках.

Осенью 1987 г. на Алтае впервые услышали о Б. Ельцине. В октябре он резко выступил на пленуме ЦК КПСС с прямой критикой Е. Лигачева, М. Горбачева и хода перестройки. Б. Ельцин критиковал экономическую ситуацию в стране и требовал более решительных реформ. Так впервые в Политбюро и ЦК возникла открытая оппозиция М. Горбачеву, как тогда выражались, «оппозиция справа».

Два лидера

Б. Ельцина сместили с поста первого секретаря партийной организации Москвы, но это сделало его только популярнее. Летом 1988 г. он вновь обрушился с критикой на руководство Политбюро и потребовал более решительных экономических и политических реформ. XIX партконференция, где это произошло, транслировалась по телевидению. Популярность Б. Ельцина начала быстро расти по всему СССР – на фоне растущего разочарования М. Горбачевым. В Б. Ельцине многие увидели более твердую и решительную альтернативу компромиссной и мягкой фигуре генсека и первого президента СССР. Значительная часть интеллигенции и демократов, до этого поддерживавших М. Горбачева, перешла в их конфликте на сторону Б. Ельцина.

В 1989 г. Б. Ельцин триумфально избрался от Москвы на Съезд народных депутатов СССР. В 1990 г. был избран от Свердловска народным депутатом РСФСР и сумел стать председателем Верховного Совета республики. В июле 1990 г. на XXVIII Съезде КПСС Б. Ельцин обрушил очередной шквал критики на М. Горбачева и его политику и демонстративно вышел из партии. К этому моменту большая часть интеллигенции и демократов покинули М. Горбачева и выбрали своим лидером Б. Ельцина.

Однако мое отношение к М. Горбачеву оставалось сугубо положительным. Продолжал видеть в нем великого реформатора, подлинного демократа, главного «архитектора» революционной перестройки. Острый конфликт и борьба за власть между ним и Б. Ельциным в провинции, в отличие от Москвы, не вынуждали делать выбор между ними. Я считал не только возможным, но и необходимым поддерживать обоих, видя в них пусть и разделенную противоречиями, но общую команду реформаторов и демократов, стремящихся в целом к одним целям – глубоко и необратимо преобразовать экономику, политику и общество в СССР.

Можно сказать, что я оставался горбачевцем и ельцинцем одновременно – что было весьма необычно для антагонистически разделенной общественности столиц. Публичные стычки двух лидеров

вызывали огорчение и даже боль. Хотелось их единства и совместных действий. Можно расценить это как провинциальную наивность и неопытность. Но можно рассматривать и как более высокую политическую культуру некоторых региональных демократических кругов, для которых не были характерны агрессивное ожесточение и нетерпимый радикализм столичной политической «тусовки».

Утром 19 августа 1991 г. я находился в Барнауле. Позвонил друг и сообщил об отстранении М. Горбачева «по причине болезни» и о переходе власти к ГКЧП во главе с Г. Янаевым. Сразу ясно осознал – это госпереворот антиперестроечных сил. Через час собрал десяток товарищей активистов в университете. Решили организовать митинг протеста против действий ГКЧП и в поддержку М. Горбачева и Б. Ельцина. 20 августа на площадь вышли до 10 тыс. барнаульцев. 21 августа на фоне массовых протестов по всей стране путч был подавлен. М. Горбачев с семьей вернулся из Крыма в Москву. Его поддержка была громадной. Мы ликовали. Казалось, теперь М. Горбачев и Б. Ельцин, объединив усилия, продолжат реформы и доведут дело до успеха. Партийные комитеты, поддержавшие путч, были вскоре разгромлены. КПСС окончательно утратила власть и народную поддержку.

Увы – к концу 1991 г. возобновление соперничества двух лидеров закончилось уходом президента СССР с поста, Беловежским соглашением и роспуском Советского Союза. Б. Ельцин получил чрезвычайную власть в независимой России и вместе с ней контроль над советским ядерным оружием. М. Горбачева по сей день большинство россиян обвиняют в «развале СССР» и непродуманной перестройке. Б. Ельцина – в хаотических реформах 1990-х годов, приведших к деиндустриализации и обнищанию широких народных масс на фоне беспримерного обогащения узкого круга близких к власти олигархов. Его преемник В. Путин по мере укрепления своей власти обратил вспять многие из демократических и рыночных реформ М. Горбачева и Б. Ельцина, построив на их месте монополистический госкапитализм и вертикаль власти во главе с несменяемым авторитарным лидером. «Новое мышление» М. Горбачева сменилось новым вариантом «холодной войны» (к счастью, более мягким и менее идеологизированным), антизападничеством и частичной самоизоляцией России.

Противоречивые уроки перестройки

Мое поколение – это *политические «дети Горбачева»*. Мы прошли весь непростой путь от пламенной поддержки демократических реформ М. Горбачева и рыночных реформ Ельцина-Гайдара до нынешнего авторитаризма. Часть моих сверстников сумела переменить множество убеждений и прекрасно вписаться в новую версию автаркии и авторитаризма. Сегодня они занимают многочисленные ко-

мандные посты в путинской России и вспоминают эпоху перестройки как время «прекрасных заблуждений». Охотно публично клеймят М. Горбачева и «лихие девяностые», давшие старт их успешным карьерам. Насмежаются над горбачевской утопией «общеевропейского дома» и мечтают о возрождении великодержавного СССР.

Впрочем, немало и тех, кто сохраняет верность демократическим и гуманистическим идеалам перестройки и гласности. Многие из моего поколения создали сильные организации гражданского общества, выросли в блистательных интеллектуалов и журналистов.

Уроки перестройки М. Горбачева для моего поколения противоречивы. С одной стороны, мы узнали, что такое свобода и достоинство. Привыкли к конкурентным выборам и многопартийности (при всех понятных оговорках), к открытости страны и информации. Заложили основы демократии, рыночной экономики и правового государства. Посадили начальные ростки гражданского общества. С другой стороны, большинство системных реформ потерпели неудачу.

Сам М. Горбачев сегодня признает, что недооценил *прежде всего* неготовность советского общества к демократическим и рыночным преобразованиям. Тем не менее инициатор и «архитектор» перестройки уверен в положительном балансе и необратимости своей мирной революции. В своей последней по времени книге «Что поставлено на карту: будущее глобального мира» (2019 г.) он пишет: «перестройка и гласность дали такие импульсы, которые невозможно уничтожить. Изменилось сознание людей. Они живут в другой системе координат... Может как политик я проиграл, подвела меня самоуверенность, не увидел двойной опасности – от горячих голов, нетерпеливых радикалов и от реакционеров в моем собственном окружении. *Но перестройка победила. Возврат в прошлое невозможен*» (курсив наш – В. Р.).

Многим такое утверждение на фоне нынешних российских реалий может показаться еще одним свидетельством прекраснодушия М. Горбачева. Однако это не так. Откат к авторитаризму и монополистической экономике на фоне разрушения права *после* опыта перестройки и реформ 1990-х годов принципиально отличается общественным характером от долгого советского тоталитаризма и авторитаризма. В позднем СССР ни у кого не было лично пережитого опыта свободы и жизни без страха перед всемогущим государством. Сегодня такой опыт имеется у всех россиян. И это кардинально меняет перспективу общественного сознания. Теперь россиянам есть что вспоминать и с чем сравнивать. Если перестройка и гласность потерпели поражение в краткосрочной перспективе, то в будущем новые поколения граждан постараются вернуть их ценности в повестку дня. Как и поставить на должное место в памяти народа Михаила Сергеевича Горбачева – великого гуманиста и реформатора России и мира.

А. Рябов

ПОЛИТИК, УМЕЮЩИЙ УДИВЛЯТЬСЯ

О роли М. Горбачева в современной истории нашей планеты сказано, кажется, все или почти все. Но чем дальше мы удаляемся от эры великих перемен конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, тем больше возникают новые грани в оценке его вклада в произошедшие перемены. Тем глубже понимание того, что роль М. Горбачева, значение его политического опыта и идей не ограничиваются лишь историей, хотя и не столь уж далекой от нас. Они сегодня актуальны, как и тогда, три десятилетия назад.

Выход из тупика

Помнится, в годы перестройки, да и в последующий за ней период, в среде политических экспертов и журналистов весьма распространенным было утверждение, что к середине 1980-х годов СССР в своем развитии зашел в тупик, к тому же ввязался в оказавшуюся непосильной для него войну в Афганистане, и потому советскому руководству ничего не оставалось, кроме как начинать реформы. Иными словами, не М. Горбачев, так кто-то другой, дал бы старт преобразованиям советской системы. Трудно сказать, с чем было связано столь упрощенное понимание политического процесса в нашей стране.

Возможно, с магией популярной тогда фукуямовской формулы «конца истории», которую воспринимали слишком прямолинейно: как не допускавшую существования какой-то иной, пусть даже неэффективной, альтернативы либеральным демократиям Запада и исключавшую пути развития, не ведущие в этом направлении. Может быть, мы все еще находились под сильным влиянием советской версии прогрессизма, привитой нам идеологическими догмами марксизма-ленинизма об исторической неизбежности победы более раз-

Андрей Виленович Рябов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения» (г. Москва).

витых социальных форм над менее развитыми. Только в новую эпоху слагаемые в привычной формуле поменялись местами.

Так или иначе, идея неотвратимости и безальтернативности перемен господствовала над умами. Тогда предпочитали не вспоминать появившийся, кажется, в начале 1980-х годов доклад ЦРУ, авторы которого прогнозировали, что серьезный политический кризис в силу многих долгосрочных тенденций может случиться в Советском Союзе лишь в 2015 г. Не обращали внимание и на мнение консервативного американского политолога Д. Моравчика, отметившего, что, скорее всего, США и Великобритания выиграли бы Вторую мировую войну и без Ф. Рузвельта, и У. Черчилля, а вот перемены в СССР вряд ли начались бы без М. Горбачева. Да и собственную недавнюю историю основательно подзабыли. Кто был альтернативой М. Горбачеву в руководстве КПСС в 1985 г.? Неужто кто-либо из партийных бонз того периода и в правду мог считаться реформатором (В. Гришин, В. Романов и др.)?

Сегодня число тех, кто будет с жаром, как и прежде, отстаивать тезис о том, что реформы в Советском Союзе все равно начались бы в 1980-е годы, заметно поубавилось. Причиной тому – исторический опыт человечества за прошедшие 35 лет с момента начала перестройки. Он отнюдь не подтверждает безальтернативность перемен. Это сохранение старого административно-командного социализма в странах, где, казалось бы, не было, и нет никаких ресурсов для поддержания «отжившего» социального порядка – в КНДР и на Кубе. Это постсоветское пространство, где доминируют авторитарные политические режимы, которые не хотят и не могут провести никаких трансформаций, и где права граждан по-прежнему не защищены, даже в странах с конкурентными политическими системами и меняющимися лидерами во власти.

Все это указывает на то, что история не развивается по сценариям детерминизма и предопределенности. Хотя она, как известно, не любит сослагательного наклонения, можно, думаю, с уверенностью утверждать: не начни М. Горбачев перестройку, скорее всего, и наша страна, и мир в целом были бы сейчас другими. Мир по-прежнему находился бы в режиме перманентного противостояния между беднеющим социалистическим лагерем, все более напоминающим осажденную крепость, и капитализмом, достигшим высокого уровня социального и технологического прогресса, но смертельно опасного ядерного Армагеддона.

Альтернатив развития (не умозрительных, а настоящих, реальных) в таком мире точно не было бы, да и жить в нем, по крайней мере, тем, кто стремится к самореализации, хочет открывать для себя новое, было бы неинтересно. В том, что современный мир стал многомерным, и в нем существует множество альтернатив – заслуга М. Горбачева. То, что, увы, в нашем мире нарастает хаос и по-прежнему много

несправедливости – уже результат деятельности или бездеятельности политиков следующих поколений.

М. Горбачеву удалось инициировать и осуществить перемены потому, что как лидер страны, он смог произвести коренной поворот в политике, выйти за пределы привычного и дозволенного, несмотря на сильнейшее сопротивление властной элиты, привыкшей думать и действовать в соответствии с другими ориентирами. Умение осуществлять такие повороты – удел очень немногих политических лидеров. Имена их хорошо известны Ф. Рузвельт, Ш. де Голль, Дэн Сяопин. М. Горбачев принадлежит к этой плеяде вершителей истории, без которых она пошла бы как-то по-иному. Не сломать, опрокинуть, выкинуть на свалку сложившуюся до тебя систему, а перестроить и перенастроить ее, перенаправить на решение принципиально иных задач. История XX в. наглядно показала, что открываемый именно таким подходом путь реформ и постепенных преобразований человечеству более приемлем, он более плодотворен и эффективен, чем дорога революций и радикальных переворотов, неизбежно порождающих кровавые социальные и политические конфликты, большие и малые войны.

Опыт М. Горбачева – яркий ориентир

К сожалению, политики начала XXI столетия, выросшие в тепличных условиях стабильного развития уже после того, как исчезло разделение мира на капиталистическую и социалистическую системы, отступила угроза ядерного уничтожения, оказались неспособными к проведению политики перемен, даже когда возникли новые угрозы – потепления климата, миграций, международного терроризма, пандемии коронавируса. Вместо готовности к осуществлению реформ они упорно продолжают держаться за прежние установки и ориентиры. Вместо политического действия – бесконечные саммиты и велеречивые декларации. В результате мир не становится лучше, проблемы продолжают накапливаться, усиливается хаос. В таких условиях обращение к опыту М. Горбачева может оказаться чрезвычайно полезным и поучительным для тех политиков – наших современников, которые действительно хотят изменить мир, а не рассчитывают, что проблемы разрешатся сами собой. Кстати, с каждым днем становится все более очевидным, что шансов на «саморазрешение» практически не осталось.

У М. Горбачева коренной поворот в политике был тесно связан с новым видением современного мира, своей страны и ее проблем, с переоценкой сложившихся представлений обо этом, т.е. со всем тем, что позднее получило название «нового мышления». Оно означало свободный от стереотипов взгляд на окружающую действительность, который, и это важно подчеркнуть, не был ни книжным, ни тем более плодом кабинетных размышлений. Он вырос из системы

интенсивного общения с людьми, простыми работниками и интеллектуалами, деятелями культуры и учеными, с товарищами по работе и представителями политического истеблишмента зарубежных стран. «Новое мышление» и открытость общения, умение выслушать коллег и оппонентов у М. Горбачева всегда были неразрывно связаны. Он черпал многие идеи для «нового мышления» из этих контактов. Одновременно «новое мышление» становилось инструментом изменения мира только в результате диалогов с другими лидерами, которые затем давали импульс осуществлению совместных инициатив и действий. Иными словами, «новое мышление» М. Горбачева всегда предполагало сотворчество, плотное взаимодействие.

Как это важно для современных политиков, которые готовность к компромиссу, к поиску взаимоприемлемых решений, нередко воспринимают как слабость партнера, или, напротив, превращают компромиссы в самоцель своей деятельности, а открытость и диалоги рассматривают как досадное препятствие на пути «продавливания» нужных решений и инициатив! Сегодня, в условиях продолжающейся пандемии, нарастания угроз окружающей среде открытость, диалог с обществом и совместные усилия лидеров и политических кругов разных стран необходимы. В нынешнем мире, расколотом политически и социально, борьба с экономическим кризисом, ставшим результатом пандемии, требует (как на глобальном уровне, так и в отдельных странах) не односторонних действий, основанных на принципе, что только власть знает, как надо делать, а совместных усилий, учитывающих интересы разных социальных групп и государств. В этом смысле М. Горбачев с его политическим опытом и стилем и сегодня актуален для современной политики.

Природная открытость М. Горбачева, как мне кажется, стала естественным продолжением его умения удивляться, столь редкого для политиков его уровня. Именно это умение оказалось неиссякаемым источником для познания им всего нового и путеводной звездой к пониманию нашего сложного и постоянно меняющегося мира. М. Горбачев сохранил это умение удивляться и после того, как покинул официальный государственный пост.

Современным политикам, если они действительно хотят преодолеть возникшие перед человечеством угрозы, недостаточно полагаться только на технократические решения, мода на которые усиливается в эпоху цифровой революции. Для этого нужны свежие и неожиданные мысли, появление которых трудно представить без умения удивляться. Альтернативой же этому качеству могут быть забронзовелость и закостенелость политика, отдаляющие его от реальности и препятствующие выработке им эффективных политических решений. Так что и здесь М. Горбачев остается ярким ориентиром для лидеров, стремящихся к переменам уже в новую эпоху в нашем бушующем и противоречивом мире.

Л. Симкин

ПОСЛЕДНИЙ МАРКСИСТ

Десять лет назад, в год восьмидесятилетия М. Горбачева, прекрасным мартовским вечером я оказался на встрече с ним в Международном университете в Москве. Поначалу зал был полон. Студенты пришли поглазеть на персонаж из длинного ряда деятелей прошлого (В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев, Л. Брежнев, кто там еще) и, осуществив задуманное, мало-помалу покидали аудиторию, состарившуюся буквально на глазах. Оставались все больше люди немолодые, и среди них уже ушедшие от нас Ю. Рыжов, Н. Шмелев, П. Тодоровский. Когда последний, прихрамывая, сходил после выступления со сцены в зал, М. Горбачев встал со своего места в первом ряду и пошел ему навстречу со словами: «Мы, старики, должны друг друга поддерживать».

С кем же он?

Как и все перечисленные, я родился при И. Сталине и хорошо помню, с каким возбуждением в ноябре 1961 г. взрослые слушали по радиоточке на кухне доклад Н. Хрущева на XXII съезде, где тот впервые публично (а не на закрытом заседании, как в 1956 г.) рассказывал о преступлениях великого вождя. Мне было десять лет, М. Горбачеву – тридцать, и он был делегатом того съезда. Н. Хрущева спустя три года отправили на заслуженный отдых, о И. Сталине в течение многих лет публично нельзя было сказать дурного слова. М. Горбачев на праздновании 40-летия Победы упомянул его имя в положительном контексте, чем вызвал бурные овации присутствовавших. Однако чуть позже он же высказался о «преступной роли сталинизма», после чего начали реабилитировать тех, кого не решились при Н. Хрущеве, начиная с Н. Бухарина.

Лев Семенович Симкин – доктор юридических наук, профессор, адвокат (г. Москва).

С тех пор минуло много десятилетий, а имя И. Сталина все еще служит паролем, по которому соотечественники различают своих и чужих. Для подавляющей части народа это имя со знаком плюс, для меньшинства – со знаком минус. Большинство – за И. Сталина, и это же большинство против М. Горбачева.

Так с кем же он, с одними или другими? Г. Хазанов не зря рассказал собравшимся старую театральную байку о спектакле провинциального театра. На сцене З. Космодемьянскую допрашивают немцы. «Говори, где партизаны?» Та, натурально, хранит гордое молчание, и гестаповец приступает к пытке. Неожиданно в действие вмешивается один из зрителей, требуя немедленно ее прекратить. Артист, играющий гестаповца, не прерывая роли и с опаской поглядывая на вторгшегося на сцену громилу, шепчет ему – все кончится хорошо, наши победят. И слышит в ответ: «Хорошо бы знать, кто для тебя наши».

Наш М. Горбачев или не наш – вот в чем вопрос, и если наш, то для кого именно? Добрую половину жизни он был своим для партийной номенклатуры. Потом – для соратников по перестройке, покуда те не «раскусили» его и не перешли в стан открытых врагов – и, обратив сделанное им в свою пользу, не переставали ни на минуту ругать благодетеля. Сохранивших верность осталось совсем немного.

Заграница его признала безоговорочно, не столько благодаря примирению стареющего Р. Рейгана с «империей зла», сколько после признания М. Горбачева несгибаемой М. Тэтчер.

На какое-то время он стал своим для тех, кто звался советской интеллигенцией, расслышавшей в его южном говоре живые, не похожие на партийно-начальственные интонации.

В ноябре 1990 г. нас, небольшую группу советских профессоров – участников семинара в Бонне, почему-то пригласили на прием в честь объединения Германии, где М. Горбачева чествовала Европа. После его окончания, в гардеробе я был свидетелем того, как к надевающему пальто М. Горбачеву подошел высокий человек с бородой и долго по-медвежьи мял его в объятьях. Это был кельнский изгнанник Л. Копелев.

Для большинства своего народа М. Горбачев был чужим и чужим остался. О причинах столько сказано, что повторять нет смысла. В тот мартовский вечер выступавшие извинялись за народ, который он не смог напоить влагой свободы – ведь люди не испытывали в ней жажды.

Живой человек

В отличие от типичных представителей советской, да и постсоветской номенклатуры, М. Горбачев был и остается живым человеком. В октябре 2020 г. я в очередной раз в том убедился, увидев его в Театре наций, где инсценировали его воспоминания. Е. Миронов

и Ч. Хаматова играли Захарку и Микки (так, оказывается, звала друг друга чета Горбачевых). Спектакль – сцены из их жизни, трогательные и смешные, история их любви, начавшейся в МГУ со встречи ставропольского тракториста и отличницы из Башкирии. История его восхождения на вершину власти, а потом и падения оттуда.

Ч. Хаматова и Е. Миронов гримировались и меняли наряды прямо на сцене, глядя на многочисленные фото своих персонажей, входя в образ. Взрослели и старели вместе с ними. Вот они в момент первой близости; вот, приехав из Ставрополя в Москву, выходят из госдачи поговорить без лишних ушей; вот, уже в период президентства, рассказывают друг другу злые анекдоты о себе – те, что популярны в народе; вот возвращаются из Фороса, и он идет к ней в больницу, а не на митинг к Белому дому, потому что женат не на стране, а на своей жене.

Из директорской ложи на самого себя смотрел М. Горбачев, так что я не успевал переводить взгляд с одного М. Горбачева на другого. Один раз я заметил, как он протер глаза, видимо, вытирал слезы. И я вспомнил, как на вопрос студентов, что главное в жизни, он ответил: любовь.

...Ю. Ким в тот мартовский вечер в 80-летний юбилей Михаила Сергеевича пел о чижике в клетке и вспоминал, как у академика А. Сахарова в Горьком установили телефон и по нему позвонил М. Горбачев объявить об окончании семилетней ссылки. Это случилось в декабре 1986 г. В тот день я зашел к товарищу, юристу АПН, на Зубовский бульвар (там, где ныне «Россия сегодня»). Мы, естественно, обсуждали это невероятное событие, когда в его кабинет ворвался возбужденный человек начальственного вида и принялся возмущаться. «Меня, – восклицал он с использованием ненормативной лексики, – меня (!) спрашивают, посылать ли корреспондента на Ярославский вокзал встречать Сахарова?»

Для тех, кто не помнит, поясню, что тогдашняя пропаганда рисовала А. Сахарова кем-то вроде А. Гитлера. И вдруг новостное агентство, призванное пропагандировать за рубежом советский образ жизни, посылает своего корреспондента встречать врага народа – словно героя, вернувшегося из космоса. Когда незнакомец, навозмущавшись, вышел, я поинтересовался, кто это был. Оказалось, второй человек в АПН, а фамилия его – С. Иванько. Тот самый, о котором В. Войнович написал свою «Иванькиаду». Он только-только вернулся из Америки, где представлял в ООН нашу родину и от ее имени клеймил израильскую военщину и вскрывал «агрессивную сущность блока НАТО».

«Инакомыслие – это мотор духовного и научно-технического прогресса», – сказал М. Горбачев чуть позже. Да как только у него язык повернулся? Даже по нынешним временам инакомыслие – оскорбление чьих-нибудь чувств. И то в лучшем случае. В худшем – экстремизм.

...Еще припоминаю, что Ю. Рыжов говорил о том, как советское голосование за единственного кандидата превратилось при М. Горбачеве в нормальные выборы; Н. Шмелев – об окончании «холодной войны» и прекращении трат на соцстраны, не говоря уже об Афганистане. М. Горбачеву этого тоже не простили. Р. Гринберг рассказал, как на его глазах М. Горбачева упрекали: он, мол, «уступил их (соцстраны) Западу за копейки», ту же Польшу. На что тот реагировал следующим образом: «Я что-то-то не пойму, кому Польшу-то продали, там вроде одни поляки?»

Да, ему присуще чувство юмора. И, вообще, он так легко говорил на одном языке с высоколобыми интеллектуалами, что мне показалось, М. Горбачев всегда был одним из них, просто ему долго удавалось мимикрировать под официально-партийный стиль, а потом нужда в том отпала. Нет, не всегда, конечно – вышел-то он, как говорится, из народа. Оба деда были крестьянами, один – горячий сторонник советской власти, другой – не слишком-то ей доверял, с обоими она обошлась одинаково сурово.

Вполне вероятно, М. Горбачев мог стать таким, как они, собравшиеся в тот мартовский вечер поздравить его с недавно прошедшим восьмидесятилетием, – выдающимся философом или экономистом, а хоть и артистом – в нем, несомненно, есть и это начало. Он не стал этим и не стал тем. Сказалась марксистская выучка – вместо того чтобы объяснять мир, он его изменил.

А. Симонов

И Я ПОШЕЛ ЗА НИМ

Есть какая-то закономерность в судьбах возглавлявших нашу страну фамилий. Поскольку же мы – народ этой страны – отличаемся от всех остальных народов песенной поэтической душой, то и закономерность эта – поэтическая. Действует она, начиная с 17 года прошлого века, с той поры, когда страну стали возглавлять не имена, а фамилии. Судите сами: Ленин, Сталин, Брежнев, Ельцин, Путин – двустопные фамилии с ударением на первом слоге, т.е. хорейские, они же без зазора подменяют друг друга в песнях – хранилищах нашей народной памяти: «Сталин – наша слава боевая, Ленин – нашей юности полет, с Ельциным борясь и побеждая, наш народ за Путиным идет». Или: «Артиллеристы, Брежнев дал приказ...»

Фамилии легко сменяют друг друга, не царапая памяти.

Судьбоносная фамилия

Традиционный российский метр – хорей двустопный: «Буря мглою небо кроет» или «Мчатся тучи, вьются тучи», или «Сталин, Брежнев, Ленин, Путин». Другие фамилии нарушают традицию: Хрущев, например, – одинокий ямб. Не говоря уже о фамилиях трехстопных: Черненко, Андропов, Горбачев, Медведев – не созвучны они душе российского, советского и постсоветского народов, и век их краток.

Не осмеливаюсь утверждать, что я один такой умный, заметивший эту закономерность. Иностранцы политологи – русофилы, интуитивно чувствуя это слабое место в биографии понравившегося им нашего правителя, придумали ему прозвище, ставившее его в хорейский ряд: не Горбачев, а Горби. «Горби – наша слава боевая». Или – «Артиллеристы, Горби, дал приказ». По крайней мере, в именованном падеже из традиционного ритмического порядка не выпадает. Можно петь.

Алексей Кириллович Симонов – кинорежиссер, президент Фонда защиты гласности (г. Москва).

Это я много позже вычислил, насколько неудачна его фамилия для управления нашей страной, а когда я ее первый раз услышал, она мне не просто помогла, она изменила мою кинематографическую судьбу.

В мае 1985 г., в Минске проходил ежегодный всесоюзный кинофестиваль, в тот год, естественно, посвященный сорокалетию победы. Фаворитом конкурса игровых фильмов был фильм «Победа», снятый на «Мосфильме» Е. Матвеевым по роману А. Чаковского с шикарными актерами и декорациями, по застойному пафосный, устремленный к главному призу и заведомо обреченный его получить. Я был послан на фестиваль от Литовской киностудии и представлял на нем свой фильм «Отряд», фильм о нескольких советских солдатах сорок первого года, служивших в гарнизоне, которому неуютно в Литве, о мальчишках, оказавшихся отрезанными от любого начальства, еще не знавших, что началась война, становившихся отрядом и гибнущих, каждый по-своему «за нашу советскую родину».

Литва приняла этот фильм к постановке, не столько потому, что действие начинается в Литве, а скорее из-за того, что плановый их сценарий редакционная коллегия Госкино зарубила, и у студии горел план. Если кто помнит у нас тогда и фильмы, и песни выходили в свет в соответствии с намеченным планом.

Привираю, конечно, как и все мемуаристы. Не первый, а второй раз я услышал фамилию «Горбачев», применительно к фестивалю, первым было название «минеральный секретарь» и жесткий, особенно в первые дни, запрет партии на употребление спиртных напитков при проведении публичных мероприятий. Отчего праздник фестиваля сделался суховатым и скучноватым.

Сидим на банкете, который студия «Беларусьфильм» устраивает на натурной площадке, где слева землянка, а справа штаб отряда – постоянно действующая декорация для белорусских плановых фильмов о партизанах. Стоят столы с большим количеством закуски, а вместо фляжек с партизанским самогоном странные, похоже, по случаю закупленные, кувшины с квасом и березовым соком. Ругаем почему зря «минерального секретаря» и «гуторим». Что еще делать? Не тосты же под березовый сок говорить. На это даже представители партии и правительства не решаются.

И вот среди общего нешумного трепя возникает слушок: «Горбачеву не понравилось». Якобы немилый нашим сердцам «минеральный» посмотрел фильм «Победа», и он ему то ли не по душе, то ли не подошел.

Этот слух заметно повлиял на расстановку сил. Вокруг меня закружились фестивальные бабочки успеха – молодые актрисы театра и кино, на меня стали показывать пальцем и знакомить с важными генералами, а когда все уже кончилось, председатель жюри В. Туров сказал мне с некоторым облегчением: «Это сняло с нас груз обязательности нашего выбора». Словом, главный приз фестиваля получил

«Отряд», а главный приз жюри был вручен Е. Матвееву, постановщику «Победы».

Вы что-нибудь поняли? Разъясняю: я сам ничего не понял из этих мадридских тайн и коридоров, но победителем фестиваля с тех пор считался «Отряд». Я получил государственную премию Литвы, был избран делегатом на революционный пятый съезд Союза кинематографистов СССР, там меня выбрали в контрольно-правовую комиссию, и я, что называется, утвердился в правах, как равный среди равных, а не телевизионный довесок к кинематографу, каким считался, да и сам себя ощущал, до успеха «Отряда».

Так первые шаги Михаила Сергеевича по моей биографии привели к тому, что жюри вынуждено было принять трезвое решение, оказавшееся для меня судьбоносным.

Я его полюбил

Первый раз я его увидел по телевизору, нет, не буду врать, видел, видимо, не в первый, а вот разглядел.. М. Горбачев собирался во Францию, впервые в качестве руководителя государства. Как я понял, все должно было быть как у больших: перед отъездом лидер дает телеинтервью журналистам из страны, в которую едет, о целях визита, желаемых результатах, все, как положено.

И давал бы себе в кремлевском кабинете или на Старой площади, так нет: хочу как у больших, пусть все смотрят, как я это делаю. Это оказалось средневековой пыткой, и ее показали по центральному телевидению в прямом эфире в соответствии с пожеланиями заказчика.

Сейчас мне кажется, что сделал это Михаил Сергеевич в подражание любимой женщине – М. Тэтчер. В любом случае эти две телепередачи советского ТВ в моей памяти связаны. Одна – М. Тэтчер, гонящая как зайцев трио крутых советских международных – Б. Калягина, Т. Колесниченко и В. Симонова, моего одноклассника. Вторая передача – шоу Михаила Сергеевича, похожего на обиженного медвежонка, которого травит свора гончих.

То, что это – прямой эфир, а не продукт монтажа с обаятельным голосом за кадром – был его выбор. Не думаю, чтобы в первый год упоение властью было такое, что он повелся на чью-то провокацию. Нет. Он хотел того, что получил, но не ждал того, что получилось.

Он представлял себе, как это будет выглядеть? Думаю, нет. У этой формы общения с прессой на родине у него не было предшественников. Вот почему мне кажется, что именно железная Марго своей очевидной победой над пафосной и не уверенной в себе советской международной журналистикой подала ему этот, ставший для него мучительным, пример. Ведь в отличие от привычных советских, от единомышленников, прошедших ту же партийную школу что и он,

доставшаяся ему пара (а может их было трое?) скользких и ловких, как окуни, журналюг не испытывала никакого трепета от встречи с главой чужого государства. Они ведь не пытались раздеть его на глазах у публики, они так понимали смысл своего дела, своей профессии: делать тайное – явным. Они в открытую задавали ему вопросы, которые он мог сам себе задавать только дома при закрытых дверях и окнах, или в ванной, пустив струю воды, чтобы не подслушали.

Не помню ни одного вопроса и ни одного ответа из этой, по-моему, сорокаминутной, беседы. Не пытался найти ее в интернете или иным способом узнать хоть фамилии остальных действующих лиц. Помню только свои впечатления от этого зрелища и до сих пор, вспоминая, пытаюсь до конца осмыслить, что же я видел, и почему эта малая история так запала мне в голову и в душу.

Было совершенно очевидно, что он в эти минуты проклинал про себя тот день и час, когда решился устроить эту публичную самоэкзекуцию. Он не чувствовал себя ни лидером, ни руководителем, ни главой всего на свете. И жутко боялся, что это заметят собеседники или кто-то еще, понимал, что удержать это в секрете у него не получается, ненавидел собеседников, понимая, что они не виноваты, удивлялся их свободе и немного им завидовал.

Можете смеяться, но именно в эти минуты я понял, что люблю его. Он был несчастный и живой, живой, в отличие от всех своих предшественников. Я его полюбил, как мною совершенное открытие, и он стал и навсегда остался членом моей семьи, как божок у первобытных племен, которого мажут жиром по губам, на которого сердятся и в сердцах ставят в угол, но без которого не стоит дом, как без праведника.

Он заметно потел, и телеэкран выдавал крупным планом все недостатки его внешности и речи, лакомые для карикатуристов и пародистов: ставропольский говорок и недоступное произношению слово «Азейбарджан», родимое пятно на голове и неловкость рук еще не умеющих сложиться в выразительный жест. Он был открыт и уязвим. Но он решил, что страна должна освоить гласность как норму поведения и начал с себя.

И я пошел за ним.

Б. Славин

НЕ НАДО ИСКАЖАТЬ СМЫСЛ ПЕРЕСТРОЙКИ!

В 2021 г. исполняется 90 лет со дня рождения первого и последнего президента СССР, вошедшего в историю нашей страны своей знаменитой реформаторской политикой, получившей название «перестройка». К сожалению, смысл и значение этой политики сегодня постоянно искажается в центральных СМИ различными политиками и идеологами неоконсервативного и либерального направления, современными «почвенниками» и «западниками». При этом и те, и другие сходятся на идее политического поражения перестройки, ее сугубо поверхностного и элитарного характера.

Идеал – гуманный демократический социализм

Казалось бы, потерпела «поражение» перестройка, так зачем же к ней постоянно возвращаться, и о ней так много говорить? Видимо, дело в том, что она как «кость в горле» застряла у тех, кто боится ее повторения, ее сугубо обновленческого и социалистического характера. Нынешние консерваторы, как сторонники возрождения своеобразного «белого» проекта, вообще не хотят никаких революций и реформаций (ни мирных, ни социальных), а их оппоненты в лице известных либералов всячески пугаются их сугубо классовой сущности, что для них равносильно потере смысла жизни и нечестно нажитых капиталов.

В этой связи, хочу напомнить, что для самого М. Горбачева перестройка велась в рамках сугубо социалистического выбора. Не случайно он в беседе со своим другом З. Млынаржем откровенно говорил: «Наш выбор состоял в том, чтобы через демократизацию в рамках социалистического выбора очеловечить и обустроить страну».

Современные критики перестройки, имя которым легион, игнорируют или искажают ее социальный смысл, связанный с радикальным

Борис Федорович Славин – доктор философских наук, профессор (г. Москва).

демократическим обновлением прежней бюрократической модели социализма, утвердившейся при Сталине и частично снова возродившейся после хрущевской «оттепели». Рассмотрим это подробнее.

Итак, инициаторы и сторонники перестройки считали, что их стратегической задачей было, преодолев сталинизм, вернуться сначала к позднему В. Ленину с его идеями НЭПа, индустриализации, кооперации и культурной революции, а потом пойти дальше, добиваясь полного преодоления отчуждения человека от собственности, власти и культуры. В этой связи, не случайно перестройка называлась ими – продолжением не Февральской, а Октябрьской революции. Их идеалом, в конечном счете, была не абсолютизация рыночных отношений, а создание в СССР гуманного демократического социализма. Эта стратегия была, как известно, одобрена правящей Коммунистической партией и принята советским народом, в котором тогда были еще живы революционные традиции Октября и надежды на лучшее будущее страны.

Эти надежды во многом начали оправдываться в ходе самой перестройки. Народ принял ее пафос борьбы с бюрократизмом и двоедушием власть предержащих. Гласность дала возможность простым людям публично высказывать свое мнение о наболевших вопросах. Демократия породила альтернативные и честные выборы. Исчезли унижительные комиссии на право людей свободно выезжать за границу. Уже тогда появились зародыши разных политических партий, заявила о своих правах «парламентская» оппозиция, на прилавках книжных магазинов появилась ранее запрещенная литература художественного и философско-исторического характера. Стало больше свободы и творчества в духовной жизни, возникли новые формы в экономической сфере, включая социально ориентированный рынок, допущение частной собственности, развитие производственного и территориального самоуправления. Наконец, произошли существенные сдвиги в международной обстановке, связанные с прекращением войны в Афганистане, улучшением советско-китайских отношений, началом ядерного разоружения и, в итоге, прекращением «холодной войны». Благодаря реализации «нового мышления» мир стал более предсказуемым и безопасным. Все это положительно сказывалось на настроении миллионов советских людей.

Для меня, например, перестройка в этом смысле была настоящей весной в истории советского общества. Она наполняла марксистскую идеологию конкретно-историческим смыслом, укрепляла уверенность в исполнимости многих социалистических и даже коммунистических идеалов.

Конечно, политика перестройки и лично М. Горбачев не избежали исторически значимых ошибок, просчетов и упущений. Но, не ошибается в политике только тот, кто ничего не делает. Так, на мой взгляд, в годы перестройки не были полностью решены зада-

чи, поставленные Всесоюзным совещанием по форсированию научно-технического прогресса, которым уже овладели многие западные страны. Оказались слабыми темпы преобразований в экономике, явно недооценивалась роль потребления и социальной сферы в общественных отношениях. В частности, громадные военные затраты сдерживали удовлетворение потребностей людей в современных и модных товарах массового спроса. Явно запоздало разделение правящей партии на возникшие в ней фракции ортодоксально коммунистической и социал-демократической направленности. Особенно плохо решались обострившиеся национальные проблемы, без чего невозможно было эффективное обновление Союза. Многие прогрессивные преобразования в политической сфере заметно обгоняли решение экономических проблем и запросов населения.

Следующее поколение еще вернется к социалистическому выбору

Все это порождало разочарование народных масс в перестройке. В итоге перестройщики со временем стали терять свою социальную базу. Часть интеллигенции, восторженно встретившая перестройку, начала колебаться, а затем резко перешла на сторону ее противников и критиков, пополнив ряды консерваторов и радикальных либералов во главе с Б. Ельциным, который не случайно в своем выступлении в конгрессе США под долгие аплодисменты слушателей говорил: «Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость... рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить Вас: мы не дадим ему воскреснуть». В одной из бесед с автором этих заметок М. Горбачев заметил: «Я помню это выступление Б. Ельцина, Оно поразило меня своей крайней заидеологизированностью и подобострастностью... Его речь была похожа на отчет «младшего партнера» перед начальством»¹.

Тогда я работал в «Правде», и после этих слов вчерашнего кандидата в члены Политбюро и руководителя партийной организации г. Москвы, мне стало совершенно ясно: Б. Ельцин к началу 1990-х годов перестал быть не только коммунистом, не только человеком левых социалистических взглядов и сторонником перестройки, какковым позиционировал себя в восьмидесятые годы. Он фактически превратился в тривиального «идейного перевертыша» и воинствующего антикоммуниста.

Как известно, после августовского путча 1991 г., пытавшегося вернуть страну к доперестроечным временам, и раскольнических дей-

¹ Неоконченная повесть: о судьбе России и мира в XXI веке. (Беседы М. С. Горбачева с политологом Б. Ф. Славиним). М.: «Новые перспективы». 2019. С. 54.

ствий либеральной оппозиции перестройщики оказались политически изолированными. В итоге ослабленный М. Горбачев не смог оказать существенного и решительного сопротивления «беловежским сидельцам», упразднивших СССР вопреки мнению советского народа, который высказался за его сохранение на мартовском (1991 г.) референдуме. В итоге перестройка была сорвана, а ее инициатор был вынужден уйти в отставку.

Однако достигнутые завоевания перестройки не следует недооценивать. В этом отношении она сыграла существенную историческую роль. Вопреки ее современным критикам перестройка доказала, что обновление системы реального социализма практически возможно, что «демократический социализм» это не выдумка или утопия сторонников левых идей, а вполне реальное практическое дело, которое позднее нашло отражение в опыте создания широкого социал-демократического движения, включающего в себя парламентскую партию «Справедливая Россия», внепарламентские объединения и клубы, пропагандирующие идеи российской и международной социал-демократии.

Интересны, в этой связи, почти неизвестные размышления М. Горбачева во время его отдыха в Форосе. Готовясь к заседанию Верховного совета СССР, который должен был принять новый Союзный договор, он диктовал помощнику следующие малоизвестные слова: «В чем только не ищут выхода? И в восстановлении полностью порядков, существовавших при царе, включая монархию. И в возрождении духовности только на один манер – через передачу монополии на духовность церкви, религии. И в насаждении капиталистических порядков, что называется, «в чистом виде», где каждый за себя, и слава тому, кому улыбнется удача, а остальные пусть выкарабкиваются, как смогут. Иронизируют по поводу социалистического выбора, не видя того, что отторжение социализма в массовом сознании произошло потому, что социализм предстал в образе сталинизма. Но это – явление преходящее. И следующее поколение наверняка вернется к этой великой идее и надежде»².

Привожу я эти слова с одной целью, чтобы показать, чем идеология перестройки принципиально отличалась и отличается от стремлений тех, кто сегодня отрицает ее исторический и сознательный характер. Кто, с одной стороны, пытается нас вернуть в тяжелые и темные времена средневековья, а с другой – фальсифицируя социалистический смысл перестройки, пытается оправдать бездушную «шоковую терапию» Б. Ельцина – Е. Гайдара и их современных наследников.

² См. Архив Горбачев-фонда.

Н. Травкин

ОН ПО ЖИЗНИ ТАКОЙ

М. Горбачев – первый в тысячелетней истории государства властитель, который без принуждения дал народу свободу. Он верил в народ и верил, что свободные люди способны сделать свою жизнь лучше. Он предложил: давайте проведем перестройку нашего общего дома и вместе сделаем жизнь в этом доме приятной и благополучной.

Народ поначалу загорелся идеей, митингами и шествиями поддержал, а потом как-то поостыл. «Получше-то пожить мы не против, – сказали люди, – мы на лучшее всегда согласные. Но ты сначала необходимую перестройку в доме произведи, сделай все как следует, а мы потом и вселимся». Демократы даже жестче ответили: «Нет, никуда мы с тобой не пойдём. Очень ты нерешительный и без харизмы». К этому времени и решительный с харизмой нашёлся.

Решительный пообещал, что через полгода будет изобилие и европейские ценности в полном объёме. И люди отвернулись от М. Горбачева. Ну, раз не хотите, то как хотите, сказал он – и ушёл, не выторговывая себе никаких гарантий и привилегий. В этом он тоже оказался единственным президентом. После него так опрометчиво уже ни один не делал. Даже решительный, когда устал, то выбирал преемника с учётом соображений личных и семейных гарантий.

Главная черта характера М. Горбачева и, пожалуй, главная причина провала его политики – в том, что все его поступки происходили от глубокой (или наивной) веры в людей. Он именно верил им, а не «заигрывал» с ними подобно предшественникам и последователям на троне главы государства. Со времени его ухода с поста президента мы встречались раз десять, и при каждой встрече М. Горбачев укорял: «Вот все вам, демократам, народ не тот, не дозрел. Да хороший у нас народ, умный!» Переубедить Михаила Сергеевича – как же так, он же, народ, тебя не захотел понимать, отвергнул и предал, – бесполезно. Потому что для него это не поза, он по жизни такой. С днем рождения Вас, с юбилеем, Михаил Сергеевич!

Николай Ильич Травкин – депутат Госдумы нескольких созывов (г. Москва).

М. Урнов

ТРИ СПАСИБО М. ГОРБАЧЕВУ

В сознании граждан России, помнящих 1980-е и 1990-е годы, слово «Горбачев» чаще всего активизирует фразу «Какую страну потеряли». У большинства эта фраза заканчивается восклицательным знаком. У меньшинства, к которому принадлежу я, – знаком вопросительным, пробуждающим воспоминания о «догорбачевской» стране. Думаю, что эти воспоминания лучше, чем что бы то ни было, отражают мое отношение к М. Горбачеву. Потому поделюсь некоторыми из них.

Картины из прошлого

1955 г. Мне 8 лет. У нас дома живет домработница – молодая девушка лет 18–19, сбежавшая из деревни. Именно сбежавшая, потому что просто уехать из колхоза было невозможно – у колхозников тогда не было паспортов. Однажды я услышал, как она рассказывала моей матери причину своего побега: «Есть было нечего. Мы кору ели...».

1965–1970 гг. – картины из студенческой жизни экономического факультета МГИМО, где я имел несчастье учиться.

Картина первая – 1965 г. Актовый зал, комсомольское собрание курса. По сцене расхаживает парторг нашего курса – карьерно озабоченный «старик», пришедший в вуз после армии. Ходит по сцене и металлическим голосом вещает: «Партия не может ошибаться!». Мы – беспартийная масса – сидим и молча слушаем, потому что, по понятным причинам, невозможно не только сказать ему, что он идиот, но и просто уйти. На одном из таких собраний я твердо решил никогда не вступать в КПСС.

Картина вторая – 1965 г. Семинар по политэкономии капитализма. За пару дней до этого лектор сказал нам, что абсолютное обнища-

Марк Юрьевич Урнов – кандидат экономических наук, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник факультета социальных наук НИУ ВШЭ (г. Москва).

ние пролетариата при современном капитализме существует лишь «как тенденция», которая в настоящее время не проявляется... На семинаре это мнение было кем-то из нас воспроизведено. Услышав это, дама, ведущая семинары – женщина лет 50-ти, – напряглась и несколько взвинчено спросила: «Это кто вам такое сказал?». «Наш лектор», – почти хором ответили мы. Выдержав паузу, дама отчеканила: «Ну, это может быть, ваш лектор так считает. А Маркс считал по-другому!» Звонок на перерыв. Дама подходит ко мне, сидящему на первой парте отличнику, и горько-доверительно говорит: «Ну, Вы же понимаете, ведь если нет абсолютного обнищания, тогда же ничего не получается...».

1980 г. Продовольственный магазин в российском районном центре. Летом я случайно оказался в городе Севск. Вхожу в продовольственный магазин. На полках вообще ничего нет. На прилавках тоже ничего, кроме одиноко стоящего в дальнем углу поддона. На поддоне груды говяжьих костей, лишенных каких бы то ни было следов мяса. На костях картонка, на которой синими чернилами написано: «Только для участников ВОВ» (ВОВ – Великая Отечественная Война).

Предпосылки для лечения

Бытовые зарисовки можно было бы продолжать. Но думаю, что и сказанного достаточно, чтобы понять, какие чувства я испытал, когда во главе страны неожиданно возник М. Горбачев – энергичный человек, не только смело и открыто говоривший об острейших проблемах, но и старающийся эти проблемы решать. Человек, благодаря которому прекратилась «холодная война», а я ощутил себя политически свободным, т.е. имеющим право и возможность читать, слушать, говорить и делать то, что считаю нужным, не обращая внимание на «вечно живое учение марксизма-ленинизма» и не сообразуясь с планами «Родной коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета во главе с...».

За это внезапное появление на политическом горизонте я говорю М. Горбачеву *свое первое спасибо*.

Знаю, что мое отношение к нему нетипично. Я в меньшинстве. Сегодня российские граждане чаще всего относятся к М. Горбачеву отрицательно. Основных причин этого негативизма, на мой взгляд, две.

Во-первых, для большинства граждан СССР и сегодняшней России, страна мыслилась и мыслится не иначе, как великой державой, мощь которой должна повергать окружающий мир в восхищение и трепет. Нынешние критики М. Горбачева поначалу искренне верили в то, что перестройка обеспечит стране полную и окончательную победу в «соревновании двух систем».

Во-вторых, большинство тех, кто теперь яростно осуждает М. Горбачева, в начале перестройки полагали, что достаточно убрать комму-

нистов от власти, и через два-три года начнется благодать: хорошие зарплаты, товарное изобилие, отсутствие откровенных дураков во власти, вранья на радио и ТВ и пр.

Между тем, в результате горбачевских реформ надежды не сбылись. В этом «горбачевофобии» яростно винят именно его. Однако, если в чем М. Горбачев и «виноват», так это не в развале *страны Советов*, а в искренней вере в возможность спасти ее от распада, заменив тоталитарную систему «реального социализма» утопической системой «социализма с человеческим лицом». Но «вина» эта (если ее вообще можно называть виной), на мой взгляд, вполне искупается тем, что горбачевские реформы свели к минимуму негативные последствия неизбежного умирания советской системы.

Начну с развала СССР. Называя вещи своими именами, Советский Союз представлял собой конгломерат насильственно объединенных территорий и этносов с разными культурами (в том числе и с разной религией), разным уровнем социально-экономического развития и традиционно разной геополитической ориентацией. Такой конгломерат, по пестроте сопоставимый разве что с Британской колониальной империей, мог существовать только в условиях жесткого централизованного подавления любых попыток реальной самостоятельности «союзных республик».

На уровне лозунгов это подавление зачастую именовалось борьбой с «буржуазным национализмом». На практике оно сводилось к «советизации» национальных культур (насаждению марксистско-ленинской идеологии, включая «пролетарский интернационализм» и атеизм); контролю со стороны Москвы за всеми ключевыми сферами жизни республик через партийный аппарат, силовые структуры и армию; направленному ослаблению национальной элиты; увеличению в республиках доли русскоязычного населения из числа граждан РСФСР и искусственному перекраиванию их границ, которое порождало конфликты между ними и делало зависимыми от союзного центра.

Это происходило в условиях «железного занавеса», изолировавшего СССР от «растленного влияния Запада».

Эффект всех этих усилий был сугубо негативным: изоляция вела к экономической деградации СССР, а противодействие «буржуазному национализму» только усиливало антирусские настроения и стремление к государственной самостоятельности практически во всех национальных республиках. Поддерживать единство страны на фоне нарастания экономической отсталости и роста межнациональной напряженности до бесконечности было невозможно.

Полагаю, что к середине 1980-х годов напряженность в межнациональных отношениях и сепаратистские настроения достигли критической точки. Об этом можно судить по конфликтам, которые с 1985 г. сотрясали прибалтийские республики, Молдавию, Казах-

стан, Узбекистан, Таджикистан, Грузию и Абхазию, Якутию, депортированное И. Сталиным из Крыма крымско-татарское сообщество и, наконец, Армению и Азербайджан в связи в Нагорным Карабахом. Конфликты эти были порой весьма кровавыми. Многие из них проходили под лозунгами свободы от Москвы. В РСФСР поднимал голову русский нацизм – с маршами со свастиками на рукавах, осквернением еврейских кладбищ и избиением «чурок».

В результате СССР оказался перед альтернативой: мирный развод или распад, сопровождающийся большой кровью. То, что М. Горбачев не пошел на подавление сепаратизма военной силой, спасло множество жизней. Чего могли бы стоить попытки «усмирения окраин», можно судить по результатам боевых действий в Чечне в 1994–2000 гг.

Теперь об отсутствии столь желаемого многими быстрого позитивного результата экономических реформ. Во второй половине 1980-х годов надежда на скорый эффект от реформ была свойственна отнюдь не только простым гражданам, но и многим образованным людям, включая профессиональных экономистов.

Существование этой – вообще говоря, странной – надежды было, как мне кажется, в значительной мере обусловлено спецификой советского преподавания общественных наук. Говорю о навеянном марксизмом взгляде на общество как на совокупность институтов, для изменения которых требуются лишь экономические предпосылки и политическая воля. Соображения, согласно которым факторы культурного и психологического характера могут привести усилия преобразователей к результатам неожиданным, а то и прямо противоположным тем, на которые они рассчитывали, всерьез не принимались: «у экономики есть свои законы...».

Между тем, недоучитывать силы влияния этих факторов недопустимо.

В результате большевистского переворота 1917 г. страна оказалась вовлеченной в беспрецедентный по продолжительности, бредовости и кровавости эксперимент, который повлек за собой целый каскад катастроф – культурную, социальную, политическую, экономическую, демографическую... Эксперимент продолжался 74 года, т.е. на протяжении жизни трех поколений – периода, достаточного для того, чтобы сформировать социокультурный тип *homosoveticus*, человека, «рожденного, чтоб Кафку сделать былью»: не доверяющего никому, привыкшего жить в условиях постоянного дефицита, но почему-то надеющегося на светлое будущее; отученного от самостоятельности; не умеющего качественно работать (настоящих специалистов в СССР всегда был чудовищный дефицит); не уважающего Закон и частную собственность, привыкшего жить по понятиям; считающего, что воровать нехорошо, но полагающего возможным давать и брать взятки...

Помимо того, что советский эксперимент сотворил с сознанием среднего человека, он убил и качественную управленческую элиту. Отдельные талантливые управленцы, разумеется, существовали.

Но одна ласточка, как знал еще Эзоп, весны не делает. Так что сколько-нибудь эффективной государственной машины, которая могла бы в течение переходного периода обеспечить управление огромной страной, в СССР не было. Советская управленческая элита плохо работала, зато мечтала жить «как на Западе». Потому при первой же возможности стала самозабвенно воровать...

То, что советская система нравственно и психологически калечила людей, многим было достаточно очевидно. Об этом писали И. Бунин, М. Алданов, В. Набоков, Е. Замятин, А. Платонов, М. Булгаков, Дж. Оруэлл, И. Шмелев, А. Кестлер, Р. Конквест, Д. Мережковский, А. Сахаров, А. Солженицын. Об этом зло пел А. Галич. Об этом говорили на интеллигентских кухнях... В 1970–1980-е годы «анти-советская» литература в той или иной мере была доступна столичной элите. Однако, с удовольствием читая эту литературу, многие диссидентски настроенные советские экономисты и обществоведы странным образом не соединяли содержащиеся в ней наблюдения с экономической теорией и потому верили, что изуродованное на поколенческом уровне советское сознание может быстро встроиться в экономические и политические институты, эффективно работающие в постиндустриальных обществах Запада. И страна расцветет...

В реальности же произошло то, что должно было произойти. Реформы привели к фонтанообразному выбросу наружу всех патологий, которые порождала, но держала под спудом советская система. Вместо постиндустриального благополучия, социального либерализма и процветания страна вошла в фазу первоначального накопления, не сдерживаемого ни вековой аристократией, ни почтением к Закону...

Впрочем, избавление от десятилетиями накапливавшихся советских патологий без обострения болезни вряд ли было возможно. Более же или менее устойчивое выздоровление – процесс поколенческий, т.е. очень длительный и трудный.

Понимаю, что все эти рассуждения не только не убедят «горбачевофобов», но и, скорее всего, еще больше озлобят. Но такова специфика политических дискуссий. Здесь аргументы не работают. Здесь люди ищут согласия или несогласия со своими позициями. Обнаружив согласие, радуются. Увидев несогласие, негодуют.

Так что мне остается лишь сказать М. Горбачеву спасибо за создание предпосылок для начала лечения. Это мое *второе спасибо*.

Третье спасибо

Перейду теперь к оценкам М. Горбачева на Западе.

В отличие от россиян, для которых отношение к М. Горбачеву определяется их отношением к стране, для людей западных (насколько я могу их понять) оценки М. Горбачева и СССР/России – вещи разные.

Западные политики в большинстве своем относятся к М. Горбачеву очень позитивно. Это понятно. Он для них – инициатор разрушения тоталитарной системы, которая обладала ядерным оружием и своим главным врагом считала Запад.

В отличие от М. Горбачева, отношение к России на Западе разное, но «в среднем» сдержанное. Сейчас оно хуже, чем в начале 1990-х, но в целом, отношение к нынешней России явно лучше, чем отношение к СССР. Однако даже в самый теплый период – ориентировочно 1985–1995 гг. – освобожденную от коммунизма Россию Запад своей частью не считал. Для западных политиков Россия, перестав быть советской, из врага превратилась в страну, отделяющую Запад от Востока, «Средиземье от Мордора».

В первой половине 1990-х годов значительная часть российской политической элиты стремилась к тому, чтобы страна стала членом НАТО. Проекты и условия вступления в Североатлантический альянс обсуждались у нас часто и публично. Со стороны НАТО никаких негативных официальных комментариев этой инициативы не было. Но как-то раз, один хорошо мне знакомый высокопоставленный натовский чиновник сказал:

– Знаешь, а мы ведь вас никогда в НАТО не примем. Потому что у вас общая граница с Китаем.

Сначала эти слова меня поразили. Однако потом, обдумывая их, решил: будь я на месте собеседника, моя позиция была бы в точности такой же. В самом деле, вряд ли мудро по собственной инициативе получить общую границу с Китаем – новой супердержавой, быстрое нарастание экономической и военной мощи которой в ближайшие десятилетия приведет к изменению стратегического баланса сил в мире с плохо прогнозируемыми последствиями. Не лучше ли быть отделенным от Китая нейтральным соседом?

Сегодняшняя геополитическая реальность: Россия – буферное государство, отделяющее культурно близкий ей Запад от Китая и мирового Ислама. Эта реальность порождена семидесятилетием противостояния с Западом: «России не быть под Антантой.левой!левой!левой!»

Не могу назвать такое положение идеальным. Но то, что оно лучше, чем было в период «холодной войны», для меня очевидно. В любом случае эта позиция позволяет России проводить куда более гибкую, чем СССР, внешнюю политику. Гибкость же в условиях сегодняшнего радикально меняющегося мира жизненно необходима.

Возможностью такой гибкости Россия обязана М. Горбачеву, усилия которого привели к деидеологизации внешней политики страны и прекращению «холодной войны». В какой мере мы воспользуемся этой возможностью, зависит только от нас.

Но за появление этой возможности я не могу не сказать М. Горбачеву *третье спасибо* и завершить им свою статью.

Р. Хасбулатов

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР

С древнеримских времен существует известное изречение «Горе побежденным!», высказанное, по преданиям, вождем гуннов Аттилой после взятия его войсками Рима. Падение СССР связано с правлением М. Горбачева. Вот почему все последствия этого события, равнозначимого появлению социализма, падают на его голову. Критика первого президента СССР даже усиливается по мере того, как неважно развиваются дела в осколке бывшей социалистической империи, Российской Федерации. Такова уж природа человека – он сравнивает прошлое с настоящим. И чем больше идеологические службы подвергают критике это прошлое и пытаются возвеличить настоящее, тем больше симпатий к ушедшему и возрастание вражды к тем, кто погубил, по их мнению, это их счастливое прошлое.

Два образа героя

Соответственно, остается в тени неутомимая деятельность, решительность, гибкость и смелость в принятии политических решений по модернизации политической системы, то обстоятельство, что он вовлек в преобразовательную деятельность десятки миллионов советских людей, вселил в их сердца надежды на великое будущее. Самое главное – люди при М. Горбачеве, впервые после В. Ленина, преодолели страх перед Системой. Он построил демократию, которая вызвала к политической жизни тех людей, которые воспользовавшись ею, пришли к власти и погубили и его, М. Горбачева, и его детище – перестройку, и само великое государство, и надежды общества на счастливое будущее.

Целый ряд решений – к чему был непосредственно причастен М. Горбачев, – несомненно, имели позитивное значение: расшире-

Руслан Имранович Хасбулатов – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова (г. Москва).

ние прав предприятий и коллективов, развитие кооперативного движения, арендаторство, возможности широкого выхода на внешние рынки и ряд других. В то же время предельно отрицательно сказались такие нормативные акты, как объявление борьбы с нетрудовыми доходами, под которые как раз подводились новые кооператоры. Более опасным стало принятие постановления о необязательности взаимных поставок предприятиями. Это мгновенно разорвало устоявшиеся технологические цепи в едином народнохозяйственном комплексе страны и обозначило обвал производства. Возвратом к идее военного коммунизма я считал появление нормативного акта о выборах руководителей всех уровней.

Но кто выдвинул и «протолкнул» эту идею? Уверен, не М. Горбачев. Так, решая одну проблему и принимая нужное решение, создавали другие, искусственные, ухудшавшие общую остановку и препятствовавшие целям, поставленным в ходе перестройки. Не создав рыночную инфраструктуру, отпустив предприятия на «вольные хлеба» в условиях всеобщего дефицита сырья, материалов и комплектующих, фактически упразднили Госплан и Госснаб – важнейшие государственные структуры с бесценными опытнейшими кадрами по организации и управлению народным хозяйством. Упразднили и промышленные министерства, вместо которых создавались какие-то «концерны», их легко скупил позже мошенники, при участии самих руководителей этих концернов. Они оказались выведены из-под сферы государственного управления, которого уже и не было. К началу 1991 г. управляемость народного хозяйства СССР достигла критической грани. По своему разрушительному характеру это были удивительные реформы, их превзошли только реформаторы Б. Ельцина – Е. Гайдар, В. Черномырдин, А. Чубайс и прочие, входившие в их правительства.

Политическая реформа

Идея «возвращения к Ленину» была весьма популярной в научных и интеллектуальных кругах Москвы и других крупных городов СССР с тех пор, как на эту тему заговорил М. Горбачев в самом начале своего прихода к власти в роли генерального секретаря ЦК КПСС. Тогда стали публиковаться интересные материалы по НЭПу, борьбе В. Ленина за СССР, разные подходы к его образованию. Огромной популярностью пользовалась пьеса М. Шатрова «Так победим!», в которой героизировалась борьба вождя. Противопоставление злобного И. Сталина «демократу Ленину» достигла, казалось, своего апогея.

Не случайно, М. Горбачев, проводя политическую реформу, постоянно ссылаясь на В. Ленина, в том числе возрождая давно забытый орган власти – Съезд советов. Достижения в сфере демократизации советского общества, начатые по инициативе М. Горбачева,

впечатляюще и бесспорны. Был изменен один из главных столпов системы власти – избирательный закон, в соответствии с которым действовал принцип: один кандидат – на одно депутатское место. Отныне претендентов на избрание по избирательным округам могло быть сколько угодно, и все они обладали равными правами. Это стало огромным прорывом к реальной демократизации всего государства. Изменилась система органов власти – вместо Верховных Советов СССР и РСФСР появились Съезды народных депутатов СССР и РСФСР, провозглашенные носителями верховной власти, соответственно в СССР и РСФСР. Парламентами в них стали Верховные Советы, постоянно действующие органы законодательной и контрольной власти. В других союзных республиках действовали только Верховные Советы, их полномочия были значительно расширены.

Предельно ослабла власть партийной бюрократии, она устранялась из сферы политики. Это тоже не было инициативой М. Горбачева, и также имело роковой характер. Учитывая, что в партийном аппарате были сконцентрированы превосходные профессионально подготовленные кадры специалистов, следовало именно им поручить возглавить и проводить в жизнь всю горбачевскую перестройку, а не отталкивать их, превращая в стойких оппозиционеров и противников реформы. Но, видимо, здесь сказалось влияние авторитетного для М. Горбачева академика А. Яковлева, главного его советника. Далее, создан Конституционный Суд СССР, но он никак не проявил себя в последующий период, в том числе и в случаях, когда республики стали принимать нормативные акты, противоречившие союзному законодательству. Пресса стала свободной от надзора, вскоре она (в основном московская и ленинградская) объявила войну самому М. Горбачеву, обвиняя его в «уступках консерваторам» и медленных темпах перехода к демократии.

Очевидно, А. Яковлев подсказал М. Горбачеву и роковую идею о необходимости заключения «нового союзного договора» между субъектами СССР. С самого начала обсуждения проекта договора делегации союзных республик, по сути, шантажировали союзный центр, добиваясь больших полномочий и ослабляя будущее Союза. Это была искусственная проблема, вброшенная явно в целях ослабления и единства СССР, и позиций самого М. Горбачева. Не думаю, что первоначально она исходила от него, поскольку действовала Конституционная комиссия, нужные поправки в Конституцию она уже внесла и могла вносить впредь.

Бесконечные дискуссии по поводу «нового союзного договора» реально девальвировали Конституцию СССР. Это позволило пренебрежительно относиться к ней руководителям союзных и автономных республик, начавших «парад суверенитетов», вслед за прибалтийскими и закавказскими республиками, а затем и РСФСР (после этого начал-

ся парад суверенитетов автономий). В такой обстановке референдум о единстве СССР не оказал никакого влияния на политические силы, стремившиеся к обособлению от союзного центра – он потерял свою многовековую сакральность, перестал быть органом власти, способным жестко наказать любое должностное лицо за нарушение Закона.

Мощные удары по М. Горбачеву стала наносить известная в те времена (1989–1991 гг.) межрегиональная депутатская группа (МДГ), претендовавшая на роль единственного представителя демократических сил в Советском Союзе. Каждое заседание съезда члены этой группы превращали в поле сражения с М. Горбачевым, Советом Министров, отдельными должностными лицами, обвиняя их во всех смертных грехах и не предлагая ничего конструктивного. Только жесткая критика. Затем они бежали в Лужники, где шли бесконечные митинги со всевозможными лозунгами и требованиями к власти. Московские газеты публиковали статьи, в которых уверяли, что все союзные республики – это «нахлебники России», и если они отделятся от СССР, – это будет во благо России.

Всесильный КГБ, который десятилетиями следил за инакомыслием, как будто исчез, сбежал вслед за диссидентами, которых он изгонял из страны. Эта огромная организация в 200 тыс. офицеров, оказалась в нужный момент чем-то, напоминающим нелепое чучело на огороде – пугало для ворон. Попытка государственного переворота, организованная группой генералов КГБ во главе с В. Крючковым, нанесла очередной мощный удар по государству, предельно ослабив его.

Сквозь призму путча

В эти три критических дня августовского путча я с огромным для себя удивлением увидел и другое – насколько слабы и не подготовлены для государственного управления претенденты на место М. Горбачева – Б. Ельцин и его «команда». Отчетливо помню, когда мы спешно собрались у Б. Ельцина, и я предложил немедленно написать Обращение к народу и первым пунктом потребовать от путчистов возвращения в Кремль М. Горбачева, Б. Ельцин недовольно буркнул: «Зачем я буду спасать Горбачева?» Другие его поддержали. Я вынужден был пояснить простую мысль – мы все здесь ожидаем ареста, и если произойдет чудо и мы спасемся, то единственная причина, почему мы выступили против заговорщиков, состоит в том, что они нарушили Закон, изолировали главу государства. Мы же требуем торжества Закона. Почему-то эту простую мысль мне пришлось буквально вдавливать в их головы. Хорошо, что там был премьер И. Силаев, который поддержал меня.

Другое событие лишь укрепило мое мнение о непригодности Б. Ельцина к серьезной государственной деятельности. Речь о его

попытке сбежать в американское посольство, но непременно вместе со мной в машине, которая уже стояла готовой в гараже, куда меня привел А. Коржаков, как и его хозяин, уже чуть ли не трясущийся от страха. Узнав, для чего меня сюда привели, я не стал даже ничего обсуждать, повернулся и ушел, пожелав счастливого пути Б. Ельцину. Один бежать он не решился, спустился в подвал Белого дома в ожидании, чем закончится фарс на путч, затеянный генералами КГБ. И дождался своего часа.

Постпутчевская обстановка сложилась драматически – все органы власти и управления СССР были сметены. К сожалению, М. Горбачев дал согласие на арест А. Лукьянова, хотя он в путче не участвовал. Без него Верховный Совет СССР практически распался, возглавить его академик Е. Примаков отказался (зная, что Б. Ельцин против), других не захотели ни М. Горбачев, ни Б. Ельцин. Но самое главное состоит в том, что Б. Ельцин не дал М. Горбачеву сформировать новое союзное правительство. Конечно, ему надо было обратиться официально за помощью в Верховный Совет России, тогда у нас (и у меня) были бы «развязаны руки» для активной деятельности. Однако М. Горбачев, вместо конкретной работы по восстановлению порядка в стране, занялся снова «проектом нового союзного договора», который остался уже в Истории – к нему не следовало вообще возвращаться. Тогда Б. Ельцин (пользуясь тем, что я находился в тот период в Сеуле), собрал двоих визави (лидеров Украины и Белоруссии) и объявил о конце СССР 7 декабря 1991 г.

Уверен, если этого не произошло бы, Российская Федерация, Белоруссия, Казахстан, среднеазиатские республики и Азербайджан остались в составе СССР. Все они обладали общими границами, мощным промышленно-аграрным потенциалом, квалифицированными кадрами и могли успешно развиваться, особенно после прихода нефтяного бума в связи с повышением цен на углеводы на мировом рынке.

Замечательного лидера, человека глубоко порядочного, лишнего чувства мести к своим противникам, подвели три фактора: кадры; острая нехватка денег в решающие периоды перестройки; предательство генералов КГБ и других выдвинутых им должностных лиц.

Кстати, к сведению, Михаила Сергеевича, я не праздновал, как он писал не раз, его уход из Кремля в группе «соратников Ельцина» в кремлевском кабинете, едва его покинул М. Горбачев. После событий августа 1991 г., когда я фактически возглавил противостояние с путчистами, Б. Ельцин общался со мной исключительно официально. Возможно, если он пригласил бы меня, я был бы там, не знаю. Но он, как заметили тогда многие, с того времени попросту стал побаиваться. Меня предупреждали, чтобы я остерегался его злопамятства и злобного характера. Но как это возможно было осуществить?

А. Ципко

ПОПЫТКА ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В нынешнем забвении перестройки, ее роли в очеловечивании России и русской жизни есть что-то от национального нигилизма. Ведь перестройка как освобождение народа самим себя от деспотической власти – одна из самых ярких страниц русской истории. Уникальность этого события состоит в том, что освобождение от коммунистического тоталитаризма шло сверху. На самом деле М. Горбачев довел до конца разрушение созданной И. Сталиным политической системы, начатое еще при Н. Хрущеве. Ненавидеть М. Горбачева может только недочеловек, для которого нет ни ценностей свободы, ни ценностей правды, нет ценности жизни, нет морали и совести.

Забвение перестройки

Можно найти множество примеров бесстыдства в «крымнашевской» России. Но в данном случае хочу обратить внимание на пример бесстыдства, которое связано с утратой практически всей нынешней интеллигенцией чувства благодарности М. Горбачеву и его перестройке. Прежде всего мы не слышим о ней ни одного доброго слова от представителей нынешней власти. Но ведь правда состоит в том, что все, кто сегодня находится на вершине власти, превратились из ничего в нечто значительное именно благодаря перестройке М. Горбачева.

Скачок из небытия в заметное политическое бытие, произошедший благодаря перестройке, характерен для многих представителей нынешней власти. Но они не только не произносят какие-либо слова благодарности М. Горбачеву, но и, как правило, обвиняют его в развале СССР, а некоторые политики и якобы интеллектуалы даже призывают начать судебное расследование по поводу негативных последствий перестройки. Один из наиболее ярких примеров бесстыдства нынеш-

Александр Сергеевич Ципко – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН (г. Москва).

ней России – забвение руководством РПЦ того, что именно благодаря М. Горбачеву появилась возможность ее возрождения, возможность возвращения русскому народу памяти о мучениках русской церкви, возвращение РПЦ ее храмов, святынь, возвращение национальной памяти.

Не менее пронзительно нежелание сказать доброе слово о М. Горбачеве всех, кого именно он освободил от мук и страданий, связанных с «пятым пунктом» анкеты при приеме на работу. Именно человек (не буду называть его фамилию), который, как я знаю, был многого лишен в СССР из-за своего «пятого пункта», написал Е. Гайдару книгу «Государство и революция», где целая глава посвящена доказательству того, что ничего, кроме желания партийного аппарата превратить свою власть в собственность, не стояло за перестройкой М. Горбачева. В общем, по логике Е. Гайдара и большинства членов его команды (для них слово Е. Гайдара всегда было сакральным, истиной в последней инстанции) М. Горбачев и А. Яковлев начали перестройку, политику гласности для того, чтобы обогатиться за счет народного достояния.

Это не просто бесстыдство, но и откровенное моральное уродство. В команде Е. Гайдара было много тех, кто в советское время страдал от пресловутого «пятого пункта», тем не менее они не смогли сказать доброе слово о человеке, который принес им равенство в гражданских правах и т.д. Ведь М. Горбачев освободил от скрытого государственного антисемитизма сотни тысяч людей, страдавших от этого пункта при поступлении в вузы, на работу. Перестройка очеловечила советскую жизнь, освободила многих людей от преград и притеснений, которые мучили их на протяжении всей жизни.

Я лично выступаю против этого морального уродства тех, кто не хочет благодарить М. Горбачева за то, что он лишил их страданий и мук, связанных с «пятым пунктом», ибо мой, как я помню, «шестой пункт» был более страшным. В нем спрашивали: «Были ли ваши родители в оккупации во время Великой Отечественной войны?» Я со своим отцом С. Дзегудзе был не только в оккупации, но и находился с ноября 1943 г. по апрель 1949 г. в Румынии. Правда, с марта по апрель 1949 г. мы с матерью находились в Венгрии, в лагере для пересыльных, возвращавшихся в СССР.

Отец оказался в ГУЛаге уже в 1948 г., а мы с матерью появились в Одессе в апреле 1949 г. Чтобы я стал, как считала мама, полноценным советским человеком, она поставила в моей метрике свою фамилию Ципко, а там, где должна была стоять фамилия отца, стоял жирный прочерк. Сознание того, что я не такой, как все, что я неполноценный в каком-то биографическом отношении, угнетало меня практически всю жизнь, до 1986 г., до перестройки М. Горбачева. Именно она сделала меня счастливым: я перестал стесняться своей драматической по советским меркам биографии и, наверное, драматической судьбы. Представьте, появляюсь в Одессе в 1949 г., а все мои мальчишки-соседи, которые знают, откуда я приехал, называют меня «румын».

Жизнь в СССР с «плохой» анкетой

До перестройки, до своих 44 лет на мне всегда висело сознание этой «черной метки» в биографии. Хотя номинально я не должен был страдать: два моих деда – и чекист Л. Дзегузе, и мамин отец Е. Ципко – во время оккупации оказались в концлагере. Л. Дзегузе как чекист был оставлен на оперативной работе, и его выдали соседи. Е. Ципко не был партизаном, тем не менее его отправили в немецкий концлагерь в родной Проскуров в 1942 г. за то, что он, как специалист по одесским катакомбам, показывал молодым людям, желавшим стать партизанами, замурованные во времена СССР входы в катакомбы. Мамин брат Виталий был инвалид войны. Однако все эти семейные обстоятельства во время Великой Отечественной войны не принимались во внимание работниками пятого управления КГБ, которые навсегда запретили мне выезд в капиталистические страны.

Это я понял еще в 1964 г., когда деканат философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, решил меня, отличника, отправить на учебу в Канаду. Я, конечно, дал согласие, был счастлив, но уже через несколько дней в деканате замолчали и больше к этой теме не возвращались. Так стало ясно, кто я, и что мне позволено в этой жизни. Кстати, самое поразительное, что когда я в 1986 г. стал номенклатурой самого Политбюро ЦК КПСС, то же пятое управление КГБ запретило мне в 1988 г. выезд в составе делегации СССР в Бразилию. Только благодаря тому, что М. Горбачев под свою ответственность выпустил меня из СССР, я впервые пересек границу с капстраной, с Германией, и до 1991 г. выезжал в капиталистические страны по тому старому разрешению М. Горбачева, который взял меня «на поруки». Такова правда о тех, кто мучился в СССР из-за своей «неудачной» биографии и кто в конце концов освободился от этих мук.

В советское время судьба людей зависела от особенностей их биографий, от того, кем были их родители, от того, как звучала их фамилия. В советском неравенстве было что-то от средневековья. Правда, фамилия моей матери «Ципко» не спасала меня в те минуты, когда решался вопрос о моем переходе в аппарат сначала ЦК ВЛКСМ, а потом – ЦК КПСС. Не могу обижаться на свою жизнь в СССР, не могу сказать, что на самом деле я по большому счету лично страдал от советской системы. Если не умер бы Л. Брежнев, то я как специалист по Польше еще в 1982 г. перешел бы на работу в ЦК КПСС. Только когда к власти пришел М. Горбачев, сначала А. Яковлев, а потом Г. Шахназаров вернулись к этому. Правда, нашлись некоторые люди, которые считали возможным напомнить, что я все-таки «не такой», что у меня «не такие» родители.

Мне якобы благоволил директор ИЭМСС АН СССР О. Богомолов. Когда уже о моем переходе в ЦК КПСС было решено, при мне

мой будущий шеф Г. Шахназаров по «вертушке» звонит ему и говорит: «Олег, напиши характеристику на твоего Ципко, она необходима для оформления на него приказа». В ответ (по «вертушке», все слышно): «Знает ли Горбачев, что у Ципко отец был осужден по 58 статье?». Тогда, в 1986 г., мой отец еще не был реабилитирован, это произошло в начале 1990-х. Что же сказал О. Богомолу Г. Шахназаров?

Его ответ очень важен для понимания того, каким благородством отличалась и отличается до сих пор душа М. Горбачева. Г. Шахназаров: «Мы обсуждали с Михаилом Сергеевичем этот вопрос, и он мне сказал, что “ничего особенного, в советское время многие сидели в ГУЛаге. И у меня родной дядя был в ГУЛаге, но это неважно, сегодня нам надо учитывать, что может человек, какую пользу государству он может принести”». Конечно, О. Богомолу ничего не смог сказать в ответ, и на следующий день я получил от него характеристику, которую передал Г. Шахназарову.

Этот факт сам по себе говорит о внутренних мотивах перестройки М. Горбачева. За ней стояло не только желание принести свободу в СССР, освободить людей, и прежде всего интеллигенцию, от запретов, которые лишали их полноценной жизни, но и какой-то инстинкт человечности, желание помочь всем, кто по каким-то причинам страдал от особенностей советской системы. Вообще, не могу не сказать тем, кто говорит, что русским чужда свобода, что плоть от плоти русские крестьяне М. Горбачев и А. Яковлев сделали все возможное и невозможное, чтобы довести до конца начатую еще Н. Хрущевым десталинизацию СССР.

Конечно, в начале перестройки М. Горбачев жил еще иллюзиями А. Дубчека, он думал, что можно соединить демократию с советской экономикой. Но при всем этом за его утопизмом о «социализме с демократическим лицом» стояла жажда свободы, жажда полноценной человеческой жизни. Не забывайте, М. Горбачев, который принял решение о свободных демократических выборах делегатов Съезда народных депутатов СССР, отдавал себе отчет, что тем самым он начинает подрывать собственную сверхвласть.

А. Яковлев, с которым я часто общался с 1988 по 1990 гг., осознал, что отдает свою должность второго человека в стране новым демократическим силам. Он, в отличие от М. Горбачева, понимал, что отказ от скреп советской системы неизбежно приведет и к распаду КПСС, и к распаду мировой социалистической системы. Но он, о чем мало кто знает, был категорическим противником распада СССР и мечтал на месте коммунистической России, объединявшей народы СССР, создать союз свободных демократических республик бывшего СССР. Но, как оказалось, и это была утопия.

Кстати, когда мы говорим о личности М. Горбачева, надо знать, что он отличался и до сих пор отличается тем, что в нем не было ни

грана не только национализма, но и какой бы то ни было этничности. За это, как мне рассказывала Раиса Максимовна (я вместе с ними ездил несколько раз в командировку в Японию), его ценил и любил Ю. Андропов. По дороге в Кисловодск он на целый вечер оставался с супругами Горбачевыми в Минеральных водах, где, как было положено, его встречал первый секретарь крайкома. О том, что Ю. Андропов был противником какого бы то ни было национализма, мне рассказывал и А. Бовин.

Вот почему я счастлив, что в моей жизни был М. Горбачев, была перестройка. Счастлив, что тогда руководителем нашей страны оказался человек, несущий в своей душе доброту и гуманность, человек, который, как мог, старался сделать советскую жизнь свободнее и человечнее.

Повторяю, для меня главным свидетелем сегодняшнего глубинного морального и духовного кризиса служит тот факт, что до сих пор в подавляющем большинстве не только представители «глубинного русского народа», которые на самом деле не получили много благ от перестройки, но и представители советской интеллигенции, которые благодаря М. Горбачеву получили то, о чем они и не мечтали еще за год до его прихода к власти, не в состоянии сказать доброе слово о человеке, который принес им много счастья. Действительно страшно, и об этом надо подумать: И. Сталина, который с остервенением уничтожал миллионы советских людей, многие у нас до сих пор помнят и ценят. М. Горбачева же, который дал русскому народу свободу, вернул ему историческую память, его родную православную церковь, освободил его от железного занавеса, наш народ не любит.

Л. Шевцова

ВЕЛИКОЕ ТО БЫЛО ВРЕМЯ!

Сегодня, когда мир потерял вектор движения, и мы застряли в сумерках, даже не верится, что у нас в жизни было то время. Время, когда мы освобождали других, одновременно освобождая себя. Это время дал нам Он – М. Горбачев. Это был период постоянных неожиданностей. Было неясно, что произойдет завтра. Но было ясно, что вчера не повторится. Нужно было учиться дышать свежим воздухом. Учиться свободно мыслить, выдирая себя из удушающего корсета готовых схем.

Это было время движения в будущее

Мне повезло быть среди людей, которые были готовы выбраться из болотной тины. Нас к этому долго и осторожно готовил академик О. Богомоллов в своем институте, который носил скучное название – Институт экономики мировой социалистической системы. Но там мы говорили о венгерских реформаторах, о польской «Солидарности», о папе Иоанне Павле Втором и том, что он дал миру, о необходимости воссоединения Германии и о том, что нужно делать, чтобы никогда не повторился ввод советских войск в соседнюю страну. Когда же М. Горбачев открыл окна, мы были готовы ринуться в новый мир.

Горбачевское время дало возможность нам, богомолловцам, найти новый язык, новое понимание политики и быть честными в нашей профессии.

Нам повезло жить в новом времени. Да, это не было время повсеместного счастья. Это было время драм и личных трагедий, которыми всегда сопровождается уход эпохи и разваливающихся конструкций. Для многих разрушение государства и прежнего мира было трагедией, которую не все мы тогда осознавали.

Лилия Федоровна Шевцова – доктор исторических наук, российский политолог (г. Москва).

Вместе с тем это было время не только разрушения, но и движения в будущее. Это движение начал именно Он – М. Горбачев.

В современности есть немало славных имен, которые запомнило человечество: У. Черчилль, Ш. де Голль, М. Тэтчер, Г. Коль, Р. Рейган, В. Гавел и Л. Валенса. Это лидеры, которые определили судьбы своих стран. Но есть лишь один лидер, который определил судьбу мирового порядка и глобальных систем, – М. Горбачев.

Он совершил геополитический и цивилизационный перелом. Он предложил «триаду», которая противоречила не только советским устоям. Она была непривычна для западных демократий, которые оказались не готовы к его приходу.

Во-первых, М. Горбачев признал обреченность гонки вооружений и бессмысленность ядерной войны, отбросив прежние представления о стратегической стабильности, которая должна покоиться на взаимном сдерживании и гарантии взаимного уничтожения.

Во-вторых, М. Горбачев заявил, что каждый народ имеет право на свободу выбора. Он пришел к этой истине, когда западное сообщество все еще оправдывало раздел мира на «сферы влияния» и с удовольствием исповедовало принцип «баланса сил» великих держав. Понятно, что держава может быть великой, только имея свою галактику из вассалов.

В-третьих, провозгласив гласность и допустив конкурентность и плюрализм, М. Горбачев разрушил фундамент самодержавия, создав основы для формирования в России гражданского общества – впервые в российской истории!

М. Горбачев вызвал лавину событий, изменивших ход мирового развития. Именно ему было суждено стать лидером, который демонтировал воинственную цивилизацию – мировой коммунизм. Так закончилась «холодная война» и конфронтация двух враждебных систем, соперничавших за глобальное лидерство. Мирный распад тоталитарного коммунизма был по своим последствиям самым значительным событием XX в. Только задумайтесь – этим мы обязаны одному человеку!

При этом М. Горбачев разрушил мировой коммунизм тогда, когда эта цивилизация была способна жить неопределенное время либо просто ковлять долгие десятилетия, порождая страх у окружающего мира. М. Горбачев сбросил шахматы, когда к этому не была готова не только советская элита. К этому не был готов Запад. Действия М. Горбачева вызвали у западного истеблишмента непонимание и даже шок! Ведь они нарушали привычный ритм жизни и открывали вызовы, к которым либеральная цивилизация готова не была.

М. Горбачев уничтожил угрозу ядерного апокалипсиса. Результатом горбачевского «нового мышления» стал советско-американский диалог по ядерному разоружению и подписание (в 1987 г.) Договора

о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Затем последовали переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений и обычных вооружений, о запрете химического, бактериологического и биологического оружия.

Диалог М. Горбачева с Р. Рейганом по вопросам безопасности был не только следствием признания Москвой своей неспособности конкурировать с Америкой в гонке вооружений. Будь на его месте другой советский лидер, он мог бы еще долго шантажировать американцев ядерными боеголовками. М. Горбачев решился разорвать с советской парадигмой выживания за счет шантажа ядерной угрозой.

Механизм контроля за вооружениями, созданный при участии М. Горбачева, обеспечивал мировую стабильность вплоть до настоящего времени. Сегодня этот механизм разрушается и нет в мире лидера, который сделал бы то, что сделал тогда М. Горбачев – начал поиск нового способа предотвратить ядерную конфронтацию.

Перед дилеммой: сохранить СССР или власть

М. Горбачев решил дать волю Восточной Европе. Когда начались «бархатные революции» в Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии и Польше, тамошние руководители надеялись на помощь Кремля. М. Горбачев сказал твердое «Нет!» Он не хотел повторения Пражской весны. Он дал возможность немцам объединиться в рамках одного государства. Как же этого не хотели тогда Париж и Лондон! Он дал возможность бывшим сателлитам СССР вернуться в Европу.

Но ослабив железный обруч, стягивавший советскую империю, М. Горбачев не смог сохранить СССР. Видимо, он не ожидал того, что сам же и вызвал. Отталкивание национальных республик от центра оказалось настолько мощным, что дезинтеграцию было уже не остановить, как он ни старался.

Он не мог предвидеть, что перестройка приведет к крушению государства. Лидер, начавший как реформатор, закончил как могильщик. Он сам включил закон разрушения: каждый шаг по разгерметизации советского пространства ускорял его распад. Думаю, что в какой-то момент ему все стало ясно. И он понял возникшую перед ним дилемму: сохранить СССР либо сохранить свою власть. Но сохранить СССР можно было только ценой большой крови. Он на это не пошел. М. Горбачев добровольно отказался от российской традиции удержания личной власти через насилие и, таким образом, уничтожил основу российского самодержавия. Казалось, навсегда. Потом стало ясно, что только на время. Но он уничтожил Самодержца в себе.

В любом случае он знал (не мог не знать), что перестройка советской системы – это не способ упрочить свою власть. И понимал риск затеянного.

Конечно, М. Горбачев – человек шекспировского масштаба. Хотел перестроить систему, а закончил тем, что ликвидировал государство. И не только – создал условия для потери собственной власти. Но, конечно, именно развал СССР стал его личной трагедией.

Тем не менее он дал нам возможность сделать то, что не смог сам. Но не успел гарантировать необратимость своих же преобразований. Впрочем, и не мог этого сделать.

Мы не сумели воспользоваться свободой, которую нам дал М. Горбачев

М. Горбачева атакуют с противоположных сторон. Одни его клеймят за то, что он разрушил привычный уклад. Другие обвиняют в том, что он медлил и все жал на тормоза.

Первые могут теперь успокоиться – Россия возвратилась в догорбачевское время. Что касается либеральных критиков М. Горбачева, то возникает подозрение в том, что они перекалдывают на него ответственность за свою беспомощность. За то, что они оказались не готовы использовать свободу и создать новый Российский проект.

Российская элита, включая демократов и либералов, отдала свободу очередному лидеру, возложив на него ответственность за судьбу страны и свою тоже. Произошло то, что должно было произойти. Вначале Б. Ельцин через правленую им же конституцию воссоздал единовластие в виде президентства, которое получило больше полномочий, чем те, которые были у руководителя компартии. Затем В. Путин, отбросив мишуру и имитации, стал уже безо всякого стеснения российским самодержцем, восстановив все то, что пытался выкорчевать М. Горбачев.

Впрочем, не они перечеркнули горбачевскую идею. Ее похоронили мы, не сумев воспользоваться свободой, которую нам дал М. Горбачев.

Сегодня Россия вернулась к властной вертикали, к декоративной конституции, к державно-имперской идентичности, к репрессиям и политическим заключенным. Мы вновь стоим перед необходимостью начать все сначала. И мы вновь будем размышлять: можно ли реформировать единовластие либо придется повторить горбачевский путь и вначале его демонтировать?

Мог ли М. Горбачев стать и разрушителем старого мира, и архитектором нового? До сих пор в мире не было лидера, который сумел бы сыграть две роли, требующие разных качеств и разной политики. Обычно лидеры, разрушающие старые системы, сжигают свою популярность, начав демонтировать устои. Кроме того, ни одно общество в мире пока не воспринимало своих лидеров, которые осмеливались нарушить нормы, как героев, при их жизни. Признательность приходит к великим лидерам, замахнувшимся на устоявшееся, тогда, когда они уходят в вечность. Так, что вряд ли М. Горбачев сумел бы создать

новую Русскую систему, основанную на свободе и конкуренции. Он дал нам возможность перейти к созиданию. Но увы. Эта задача оказалась нам не по плечу.

У лидеров есть жизнь вне власти, если у них есть мужество не держаться за власть

Драматизм лидерства М. Горбачева и в том, что волна, которую он поднял, смела его самого с российской сцены. Начался новый период его жизни вне политики. То, как он себя ведет в этой новой для себя, неполитической жизни, – особая история. Он создает в России новую традицию жизни лидеров, которые ушли с высоты власти.

В России для лидеров нет жизни вне власти. Именно поэтому они всегда опасались потерять власть. Ибо это означало потерю жизни. М. Горбачев говорит: нет, у лидеров есть жизнь вне власти, если у них есть мужество не держаться за власть. Это новый опыт, который М. Горбачев дарит самодержавной России. М. Горбачев был первым в российской истории лидером, кто покинул Кремль, не цепляясь за власть и не пытаясь назначать своего преемника.

Так что он создает прецеденты, которые могут стать основой новой жизни в России – если мы их сделаем традицией. Пока традиция добровольного ухода лидера из Кремля оказалась не востребовавшей.

М. Горбачев не покинул Россию. Хотя любое западное государство сочло бы за честь иметь М. Горбачева своим почетным гражданином и сделало бы его жизнь гораздо комфортнее, чем та, которую он ведет в России. Но М. Горбачев предпочел остаться в России. Ему нечего бояться и стыдиться. Ему нечего прятать и ему нечего скрывать. Ему не от кого бежать.

Его жизнь «после Кремля» свидетельствует о демократической органике этого человека. Об этом можно судить по тому, что он создал свою общественную среду, сняв дистанцию между собой и обычными людьми, которую определяла его прежняя должность. Он, Гражданин Мира, создал вокруг себя такую степень открытости и человеческого общения, которую не могут позволить себе и западные лидеры.

Он первый из российских лидеров, десакрализовав власть, стал символом нового времени. И то, что оно еще не пришло в России, – это уже наша проблема.

В российской политической жизни, которая уничтожает авторитеты и моральные стандарты, М. Горбачев остался единственным, к кому прислушивается мировое сообщество. То, что официальная Россия пытается его игнорировать, говорит не о нем – а о ней. Конечно, слишком многое еще истории придется переварить, чтобы полностью осознать последствия появления этого человека на мировой сцене.

Сейчас М. Горбачев проходит через новое испытание. Он, такой живой и обаятельный человек, уже стал памятником при жизни. Ему ставят памятники. Интересно, как он к этому относится? Думаю, с юмором.

Гарантировав для себя место в Вечности, М. Горбачев остается поразительным Человеком! Быть Человеком и Историей одновременно, сохраняя простоту и чувство самоиронии, – для этого действительно нужно быть незаурядной личностью.

Тяжело оставаться последним из того великого поколения, которое делало большую мировую политику. Ему, должно быть, невыносимо смотреть на нынешних политических пигмеев. Но в его одиночестве и стоицизме есть своя гордость и свое мужество. И вера в то, что все было не напрасно.

Сегодня в сумерки, которые продолжают сгущаться, мы оглядываемся назад и начинаем осознавать, что за великое то было время! Мы тогда много не поняли. Многое упустили. Но мы были в тот момент нашей истории. Благодаря ему!

Нам еще предстоит тяжелая работа: нужно будет осознать, что мы упустили и почему. Еще придется осмыслить роль М. Горбачева и последствия того перелома, который он совершил и с которым мир все еще не может совладать. Если не сможем сделать это мы, придется сесть за работу новому поколению.

Ему не повезло с нами. Но нам повезло с ним. Правда, нам еще предстоит это осознать.

Он дал нам шанс изменить себя. И его ли вина, что мы этим шансом не воспользовались?

Пожелаем Ему – и себе тоже – дожждаться момента, когда у нас вновь появится возможность открыть окна и начать вновь свой путь к свободе! Тогда эту попытку сделал М. Горбачев. На этот раз нам придется это делать самим, не надеясь на верхи.

Сейчас предлагаю вам открыть Ютуб и послушать, как М. Горбачев поет романс «Старые письма». Он поет о любви:

Все давно прочитаны страницы,
Только я не знаю, почему,
Сердце, словно раненая птица,
Тянется к измятому письму...

М. Горбачев – мировой лидер. М. Горбачев – человек со своей болью, со своими страстями и своей любовью к той единственной, которая ушла...

Спасибо, Михаил Сергеевич, за то время, которое Вы нам подарили. Грустно, что мы не смогли его удержать...

И. Юргенс

ШАНС, С КОТОРЫМ МЫ ЖИВЕМ

В феврале 1985 г. по окончании пятилетней заграничной командировки я вернулся в Москву. Впечатления от встреч с друзьями и сослуживцами были смешанными – радость встреч омрачалась ощущением апатии и неверия в благополучный исход происходившего в эту «пятилетку пышных похорон». Осторожная надежда на начало столь необходимых перемен при коротком правлении Ю. Андропова сменилась пессимизмом. На следующего генсека, К. Черненко, смотреть было тяжело и жалко. Остальные члены Политбюро были нам хорошо знакомы и энтузиазма не вызывали. И вот 10 марта, траур, комиссию возглавляет М. Горбачев. Что-то стало двигаться, и довольно быстро. Потом эта быстрота превратилась в суперрали с неизбежным ощущением нереальности происходившего.

Настрой на перемены

Моя работа в международном отделе ВЦСПС не предполагала близости к политическим верхам. Но беседы с начальниками на Старой площади в ЦК КПСС, постоянные запросы оттуда и из других властных структур – проанализировать опыт профсоюзного и рабочего движения в странах с социал-демократической системой управления (Скандинавия) или глубокими традициями в этой области (Великобритания, Германия, Франция) – позволяли делать вывод о настрое нового политического руководства на перемены.

Социальная справедливость и экономическая эффективность шведов и финнов не могли не импонировать, трудности трансформации огромной советской машины централизованного управления и распределения не могли не пугать. По мере развития событий появилось

Игорь Юрьевич Юргенс – кандидат экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, президент Всероссийского союза страховщиков (г. Москва).

ощущение ленинского «шаг вперед, два шага назад», не покидавшее и в последующие годы.

Довольно быстро в Волынском начали собирать экономистов и политологов для подготовки всякого рода программ и стратегий. Установки были размытые и иногда конфликтные – мы понимали, что в ЦК есть разные направления и группы интересов. Тем не менее лидер СССР заговорил связно, открыто и не избегая острых вопросов. Появилась настоящая первая леди, на которую было приятно смотреть.

Для международных открылись совершенно иные горизонты: М. Горбачев выдвинул концепцию «нового политического мышления». В соответствии с ней внешняя политика Советского Союза деидеологизировалась, предпринимались односторонние меры в области разоружения, предотвращение ядерной войны декларировалось в качестве первейшего приоритета. На работе все забурлило: мы не успевали принимать и направлять делегации для разъяснения политики перестройки и гласности. Мир открылся и повернулся к нам своим дружелюбным лицом.

Но даже в нашей сфере деятельности ощущалась некоторая непоследовательность в верхах. С одной стороны, высшим нашим куратором стал заведующий международным отделом ЦК КПСС, бывший посол в США, изумительный человек и выдающийся дипломат А. Добрынин, которого я знал по работе в США и который всегда был готов к новому мышлению. С другой стороны, в аппарате оставались люди Б. Пономарева и В. Фалина, позднее, в 1988 г., принявшего заведование отделом. Эти люди были настроены крайне настроенно и консервативно.

Прекрасно помню, как с подобного рода дихотомией я столкнулся в 1987 г. в командировке в Афганистане. Как и все крупные советские структуры, мы курировали там «своих» – молодые афганские профсоюзы. Пребывание в Кабуле оставило сюрреалистическое впечатление разнонаправленности: партийное руководство и посол, по крайней мере, в своей риторике, следовали установкам М. Горбачева: «больше демократии, больше социализма». Коллеги из спецслужб и армии руководствовались совершенно противоположными установками, которые диктовала война.

Я неоднократно участвовал в мероприятиях международного характера, когда перед нами выступал Михаил Сергеевич. Его гуманистический посыл, манера говорить и отвечать на любые вопросы, безусловно, были глотком свежего воздуха. Профессионалы-международники, конечно, часто находили в его выступлениях детали, к которым можно было «прикопаться». Но оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что первые годы перестройки – это светлое время в моей гражданской и профессиональной жизни.

Проблемы, проблемы...

Однако проблемы внутри страны нарастали, и этого нельзя было не замечать. Первым испытанием гласности для меня лично стала авария на Чернобыльской АЭС. На Первомайские праздники профсоюзы традиционно принимали делегации из более чем ста стран и после демонстрации на Красной площади отправляли гостей в поездку по стране.

26 апреля зарубежные гости начали прибывать в Москву, а вечером 1 мая большая группа должна была отправиться в Киев. Мы, по слухам и сообщениям коллег из украинского совета профсоюзов, знали, что авария серьезная. Но на вопрос, направлять ли иностранцев на традиционные торжества, ответа все не было. Потом вообще последовал звонок от кураторов из ЦК КПСС: «Не сейте паники, праздник в Киеве состоится, ничего не менять».

Надо отдать должное моему начальнику, секретарю ВЦСПС А. Субботину. После наших серьезных внутренних дискуссий он распорядился отправить делегации по другим городам, а объяснения с товарищами из ЦК взял на себя. Но осадок, как говорится, у нас остался.

На это же время пришелся еще один крупный просчет, когда хорошее превращалось в плохое – антиалкогольная кампания. В целом, когда в мае 1985 г. было объявлено о решительных мерах по борьбе с пьянством, большинство, по крайней мере, в столицах, это решение поддержало. Но к лету 1986 г. стало понятно: направленная на «моральное оздоровление» советского общества кампания превратилась в тяжелый фарс, и преобладающим оказалось убеждение, что это абсурдная инициатива власти «против простого народа». Начальство и теневики как пили, так и пьют, а простые люди по очередям в драки лезут. При этом экономические потери, как признавал Г. Шахназаров, составили 100 млрд руб., и государственный бюджет оставался дефицитным уже до конца СССР.

Но профессионально мне все же ближе были проблемы международные. Здесь царила та же пресловутая дихотомия. С одной стороны, из «империи зла» мы превращались в цивилизованного партнера, и общая атмосфера, безусловно, оздоравливалась. С другой стороны, ни в Афганистане, ни в Польше, ни на собственной периферии «новое мышление» не давало значимых результатов. Складывалось впечатление, что Запад, вместо того, чтобы с открытым сердцем поддержать М. Горбачева, старался быстро воспользоваться возникшими трудностями и дожать СССР.

Полыхнул Нагорный Карабах, зашевелились крайние украинские националисты, неспокойно стало в Прибалтике. Везде при этом ощущалось присутствие специально обученных советников и консультантов из западных неправительственных организаций. Я не

считал тогда и не считаю сейчас, что развал СССР стал делом западных спецслужб и политических элит. Но известный план ослабления СССР директора ЦРУ У. Кейси существовал, и его реализация по направлениям: Польша («Солидарность» и кардинал К. Войтыла на папском престоле); Саудовская Аравия (максимальная добыча нефти и обрушение ее цены на мировых рынках); Афганистан (поставка оружия моджахедам и тренировочные базы в Пакистане) – все это происходило у нас на глазах.

Уже в качестве заведующего международным отделом ВЦСПС в конце 1980-х годов я сталкивался с активной деятельностью в СССР помощника заместителя госсекретаря по вопросам демократии, прав человека и труда Б. Фримена. К тому моменту уровень нашего сотрудничества с американскими профсоюзами и их центром АФТ-КПП был очень высоким и готовность к консультациям беспрецедентная. Тем не менее желание «помочь» именно параллельным структурам и создать «дружественные» организации, в первую очередь, среди шахтеров и авиадиспетчеров были на «радаре» Б. Фримена, и он от меня это особо не скрывал.

Еще раз повторяюсь, не эта «помощь» была катализатором демократизации и причиной распада СССР. Причины и движущие силы перемен созрели в экономической системе, не соответствовавшей новому технологическому веку. Но по достоинству оценить искреннее стремление М. Горбачева и его соратников создать «Общий европейский дом», начав с создания единой Германии, не ставить им подножки, а поддержать словом и делом, – этого не случилось. Не происходило аналогичных движений и впоследствии (хотя уже совершенно в ином контексте).

М. Горбачев открыл нам новую эпоху, и его личный вклад в этот исторический процесс невозможно переоценить. Сага о том, как мы распорядились этим шансом, по-прежнему разворачивается у нас на глазах.

Л. Энзель

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ «НОВОГО МЫШЛЕНИЯ»

М. Горбачев был первым политиком, вышедшим на мировую сцену, мышление и действия которого проявились в разгар ядерного века. С тех пор мир страдает от серьезных неудач. Переориентация на принципы нового мышления как никогда необходима.

Потом случилось чудо

Я дитя «холодной войны», и рос со страхом перед «русскими». В какой-то момент они придут, нападут на нас и приведут сюда свой коммунизм – по крайней мере, если американцы нас не защитят! Позднее, в восьмидесятых годах, как и сотни тысяч других западных немцев, я вышел на улицы, чтобы выразить протест против размещения американских ракет средней дальности, которые, как мы были убеждены, резко увеличат опасность ядерной войны в Европе. Ситуация казалась безнадежной: обе супердержавы были вооружены до зубов, запутавшись в катастрофической спирали вооружений.

«Кто-то должен начать останавливаться!» – призывал несколько беспомощный слоган. Потом случилось чудо.

Одна сторона действительно начала останавливаться. Но ведь они были нашими «врагами»! Склеротическая коммунистическая система действительно начала меняться – вопреки всем ожиданиям. Наконец-то свет снова пришел с востока! Внезапно стало интересно послушать выступления лидера коммунистической партии. Больше никаких фраз, никаких воззваний о высшей мудрости из Москвы! Теперь доминировали волшебные слова «перестройка» и «гласность». Говорили о «новом мышлении» в атомный век и об «общих человеческих ценностях». У новых руководителей было и чувство юмора. Вместо брежневской доктрины теперь говорили об «доктрине Синатры» (вспомним слова из его песни «I did it my way!» – «Я сделал это по-своему!»). Новый ге-

Лео Энзель – доктор, исследователь конфликтолог. Университет Ольденбурга (Германия).

рой на мировой политической сцене: молодой, энергичный, симпатичный, с открытым лицом, возможно, даже честным, с привлекательной умной женщиной рядом. Он тоже может смеяться! Еще одна фраза сделала поворот на 180 градусов: от «Мы сделаем что-нибудь ужасное с тобой» к «Мы собираемся оградить тебя от твоего врага».

За «новым мышлением» последовало новое действие: одно советское предложение о разоружении за другим. До тех пор, пока изначально подозрительно настроенный Запад не признал поражение. Все ракеты средней дальности наземного базирования на Востоке и Западе были сняты с боевого дежурства и утилизированы. Впервые ликвидирована целая категория оружия! За этим последовали мирные революции в странах Центральной и Восточной Европы, падение Берлинской стены, воссоединение Германии, ликвидация 80% всех ядерных боеголовок в мире. Наконец, как коронация славы, Парижская хартия (с ключевым предложением «Безопасность неделима, и безопасность каждой страны-участницы неотделима от безопасности всех остальных»), в которой НАТО и Варшавский договор закрепили окончание «холодной войны». Перспективы создания «Общего европейского дома» казались вполне достижимыми. Даже утопия И. Канта о «вечном мире» выглядела возможной в мировой истории.

Это были сны о том времени, когда казалось бы, что все в конце концов обернется хорошо.

Отрезвляющий подарок

История с тех пор пошла другим путем. Сегодня мир стоит перед новой, еще более опасной «холодной войной», если она еще не началась! Посмотрим, что стало с большими надеждами в Европе.

Эпоха мира? Всего через девять месяцев после подписания Парижской хартии на югославской территории начались войны – с безжалостной «этнической чистки» и резни Сребреницы, подобных которой мир не видел со времен гитлеровских спецподразделений во Второй мировой войне. Шесть с половиной лет на востоке Украины бушует кровавая война, которая уже стоила жизни более 13 000 человек! В конце сентября 2020 г. замороженная в 1994 г. война за Нагорный Карабах со всей жестокостью вновь вспыхнула на Южном Кавказе.

Эпоха сотрудничества? Санкции и контрсанкции блокируют экономические отношения между ЕС и Россией. Европейский союз и Евразийский союз, идеальные партнеры по сотрудничеству, все более враждебно относятся друг к другу – в ущерб всем вовлеченным сторонам.

Преодоление разделения Европы? Сегодня граница между расширенным на восток НАТО и возрождающейся Россией знаменует новый раздел Европы, который также буквально зацементирован стеной между Украиной и Российской Федерацией – на этот раз Западом!

Контроль над вооружениями и разоружение? Шаг за шагом США вышли практически из всех договоров по разоружению и контролю над вооружениями и в настоящее время размещают систему ПРО прямо на пороге России, но якобы не направленную против нее. Обе стороны сейчас вновь модернизируют свои ядерные арсеналы.

Спустя более четверти века после воссоединения, которое стало возможным не в последнюю очередь благодаря конструктивному компромиссу тогдашнего советского руководства, немецкие солдаты вновь оказались на границе с Россией! На этот раз в рамках интеграции НАТО.

Какой шанс века ничтожно растрочен! Как это могло случиться?

Возвращение старого мышления

Что бы ни обещал (или не обещал – истории об этом разные) госсекретарь США Дж. Бейкер М. Горбачеву в феврале 1991 г. на переговорах по воссоединению Германии, всем сторонам следовало бы принять Парижскую хартию как основу для создания совершенно новой трансатлантической структуры безопасности с равноправным участием тогда еще существовавшего СССР! Когда вскоре после этого Варшавский договор распался, а Советский Союз распался в конце 1991 г., этот вариант больше не устраивал Запад. Вместо этого, НАТО расширилось в течение последующих двух десятилетий – сначала осторожно, принимая во внимание Россию, а затем уже дошло и до границ России. Сам Североатлантический блок в то же время все больше и больше менялся – из альянса по предотвращению войны, становясь альянсом по ведению войны, – к тому же при первой миссии вне зоны НАТО против Югославии, не имея на это международного мандата!

Многочисленные предложения России по созданию новой трансатлантической структуры безопасности – последнее из них было выдвинуто тогдашним президентом Д. Медведевым, который осенью 2008 г. предложил новую Евроатлантическую хартию мира от Ванкувера до Владивостока – даже не обсуждались всерьез. Российские опасения по поводу угроз были отвергнуты как якобы истеричные и необоснованные, хотя речь шла о четырех расширениях НАТО на восток, так называемом противоракетном щите, а также при обсуждении возможного вступления Грузии и Украины в НАТО.

Видимо, Запад еще не созрел для «нового мышления».

За возрождение «нового мышления»

Возрождение именно этих принципов сегодня как никогда необходимо. Давайте кратко подведем итог.

С 6 августа 1945 г., когда на Хиросиму была сброшена атомная бомба, на карту поставлено не что иное, как выживание самого че-

ловечества. Но прошло много времени, прежде чем последствия этого возмутительного акта были действительно поняты. Спустя девять месяцев после этого эпохального события, никто иной, как А. Эйнштейн написал: «Развязанная сила атома изменила все, кроме нашего образа мышления, и поэтому мы направляемся к беспрецедентной катастрофе... Для выживания человечества необходим новый образ мышления». Философ Г. Андерс в середине 1950-х годов максимально подытожил характеристику атомного века, сказав: «Человечество в целом может быть убито». Из этого следует: впервые в истории человечества действительно появился интерес, который пересиливает все классовые, религиозные и другие антагонизмы: выживание вида. Сделать это понимание решающим и извлечь из него необходимые политические последствия – вот основной принцип нового мышления.

М. Горбачев был первым – и пока единственным – политиком мирового уровня, который не только мыслил этими принципами в разгар ядерного века, но и имел смелость шаг за шагом воплощать их в жизнь. Его революционный вывод – о том, что в современных условиях безопасность, особенно безопасность ядерных сверхдержав, может быть только взаимной и – в глобальном контексте – только всеохватывающей. А политика силы в основном отжила. Его это привело к примату политики, т.е. к переговорам, отказу от стремления к собственной выгоде за счет других, а также к решимости трансформировать видение человечества в конкретную цель политических действий: «Единственно верный путь – это ликвидация ядерного оружия, сокращение и ограничение вооружений в целом».

15 января 1986 г. политическая сенсация прошла идеально: тогдашний генеральный секретарь ЦК КПСС зачитал декларацию, которая призывала к реализации отдельных инициатив и тем самым указывала путь к миру, свободному от ядерного оружия, к 2000 г.

Ничто не устарело в этом мышлении! Хотя М. Горбачев в то время не смог сделать большего. В конце концов, даже сейчас человечество все еще способно уничтожить наш земной шар двадцать раз.

От «нового мышления» – к новому действию

В ретроспективе М. Горбачев неоднократно подчеркивал, что его политика «нового мышления» возникла не как оторванная от реальности книжная теория, а разрабатывалась, видоизменялась, внедрялась и развивалась шаг за шагом во взаимодействии с практической политикой. «Новое мышление» и новое действие взаимозависимы.

Именно здесь нужно подхватить то, на чем мы остановились, если хотим, чтобы мир не скатился во вторую, еще более безудержную гонку вооружений, чем во время первой «холодной войны».

«Новое мышление», основа всего доверия в ядерный век, означало бы сегодня: прощание с односторонностью; прощание со спорами за геополитические сферы влияния; прощание с соперничеством за сырье. Другими словами: конец размышлений и действий в категориях игры с нулевой суммой, в которой победа для одной стороны обязательно означает проигрыш для другой! Вместо этого надо сосредоточиться на общих интересах, на выживании человечества! И не только в сфере вооружения, но и против других опасностей, угрожающих человечеству.

В середине восьмидесятых годов М. Горбачев нашел выход из тогдашней полностью запутанной и крайне опасной ситуации. С помощью «нового образа мышления», постулированного А. Эйнштейном, он преодолел ничейный счет Женевских переговоров по разоружению, которые длились на протяжении многих лет и зашли в тупик. Он добился решающего прорыва, набравшись смелости мыслить в качественных, а не количественных категориях, и энергично, продвигал их. Чтобы ликвидировать целую категорию оружия, он утилизировал не 846 ракет малой и средней дальности наземного базирования, как другая сторона, а в общей сложности 1846. При этом он достиг равновесия на нулевом уровне! Многие из его соотечественников, которые сохраняют старый образ мышления, до сих пор горько обижаются на него за это.

Каково же было бы, если на этот раз Запад выступил с инициативой и «атаковал» Россию расчетливыми односторонними разоруженческими мерами? Военный альянс, чья только ведущая сверхдержава тратит ежегодно на вооружение более, чем в десять раз того, что Россия может себе позволить! Что было бы, если мирное движение 2.0 вернулось на сцену и оказало соответствующее давление на ответственных политиков?

Среди великих величайший

Тот факт, что М. Горбачев как глава ядерной державы в разгар атомной эры предложил и реализовывал «новое мышление», сделал его уникальным деятелем. У него хватило мужества последовательно и непоколебимо воплощать «Новое мышление» в Новое действие. Он добился успеха, заключив Договор о нераспространении ядерного оружия, самый важный в мировой истории договор в области разоружения. Ему удалось снять с вооружения 80% ядерных боеголовок в мире. Все это делает его величайшим среди великих. Сегодня мир пережил серьезный рецидив старого мышления, но вынужденный уход М. Горбачева с политической сцены – не его вина.

Теперь мы должны стать хорошими наследниками.

Акаев Аскар Акаевич – иностранный член РАН, первый президент Кыргызской Республики

Бодрунов Сергей Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества

Геец Валерий Михайлович – академик, член президиума НАН Украины

Горбачев Михаил Сергеевич – президент Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев–Фонд), генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991 гг.), президент СССР (1990–1991 гг.)

Грачев Андрей Серафимович – кандидат исторических наук, советник и пресс-секретарь первого президента СССР.

Гэлбрейт Джеймс К. – профессор Школы государственного управления имени Линдона Б. Джонсона, Техасский университет (США)

Земан Милош – президент Чешской Республики

Илиеску Ион – депутат парламента Румынии, президент Республики Румыния (1989–1996, 2000–2004 гг.)

Колодко Гжегож В. – доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER, первый вице-премьер и министр финансов правительства Польши (1994–1997 гг.; 2002–2003 гг.)

Лебедев Александр Евгеньевич – доктор экономических наук, президент Национального инвестиционного совета, председатель Совета директоров ЗАО «Национальная резервная корпорация»

Михник Адам – главный редактор «Газета wyborчей» (Польша)

Некипелов Александр Дмитриевич – академик РАН, директор Московской школы экономики, факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Никитенко Петр Георгиевич – академик НАН Беларуси

Прунскиене Казимира – доктор экономических наук, профессор, депутат Сейма Литовской Республики

Скидельский Роберт – член палаты лордов парламента Великобритании, профессор Уорвикского университета

Сулейменов Олжас Омарович – поэт, писатель, литератор, общественно-политический деятель, Постоянный представитель Казахстана при ЮНЕСКО

Тишendorф Фальк – адвокат и управляющий партнер Московского офиса Байтен Буркхардт (ФРГ)

Чарногурский Ян – доктор, адвокат, заместитель премьер-министра, министр внутренних дел Чехословакии (1989 г.), первый заместитель премьер-министра, премьер-министр (1990–1992 гг.) правительства Словакии

Эрлер Гернот – депутат фракции СДПГ в Бундестаге, координатор по отношениям с восточными странами в МИД ФРГ

Содержание за 2020 г.

	№	Стр.
Слово к читателю		
<i>Р. Гринберг.</i> Какой будет новая модель экономического развития?	2	5
<i>Р. Гринберг.</i> Сумерки белорусской автократии: уроки для России	3	5
Инициатору перестройки – 89 лет		
<i>Р. Гринберг.</i> Неблагодарность – награда мира	1	5
<i>Л. Шевцова.</i> Он дал нам шанс	1	6
<i>А. Ципко.</i> Почему мало ценится дарованная свобода	1	8
Дилеммы глобализации		
<i>К. Бабкин.</i> Ковид-кризис, мир и мы	3	71
<i>С. Бодрунов.</i> На пути к ноономике: человек, технологии, общество	2	24
<i>М. Горбачев и др.</i> Пандемия как вызов новому мышлению в XXI в.	3	54
<i>А. Кива.</i> Послевоенный миропорядок	1	23
<i>А. Мартино.</i> Роль сети университетов БРИКС в геоэкономической стратегии	3	94
<i>С. Орлов.</i> Стратегия для России в турбулентном мире	1	39
Мировое экономическое положение и перспективы – 2020 (Доклад ООН)	1	52
Постпандемический мир и Россия: новая реальность? (МАЭФ-2020)	2	9
<i>П. Раймонди.</i> БРИКС перед лицом глобального системного кризиса	2	40
<i>Г. Фейгин, А. Гайдук.</i> Плюсы и минусы глобального ИТ-аутсорсинга	3	80
Трансформация		
<i>З. Захариев.</i> Есть ли шанс у нового социализма в Восточной Европе?	3	10
<i>Е. Калоева.</i> Как пишется история при постсоциализме	2	81
<i>Гж. В. Колодко.</i> Великая китайская трансформация: от «третьего мира» к «первому»	2	51
<i>Ф. Мисливец.</i> Розы и тернии европейской интеграции	3	39
<i>И. Орлик.</i> Центрально-Восточная Европа: завершение постсоциалистической трансформации	2	66
<i>А. Рар.</i> Quo vadis Восток Европы?	3	15
<i>А. Ротфельд.</i> Новый европейский политический ландшафт	3	23
<i>М. Сиручек.</i> Вторая Пражская весна	3	29
<i>М. Фюлоп.</i> Возвращение в Европу?	3	33
Экономика		
<i>Т. Валева.</i> Болгария в поисках опоры на третьи страны	1	70
<i>Н. Зиядуллаев.</i> ЕАЭС и Республика Узбекистан: фальстарт на пути к интеграции	3	111
<i>О. Кароза, А. Потемкин, М. Ротшильд.</i> Как инвестиционный сектор сдерживает рост российской экономики	2	110
<i>Ю. Котыньский.</i> Экономика Польши в условиях турбулентности мировой экономики	1	83
<i>И. Новикова.</i> Системный кризис мировой экономики или кризис системы?	2	98

	№	Стр.
<i>М. Соколов.</i> Что необходимо для выхода российской экономики из кризиса?	3	101
<i>Л. Ходов.</i> Электромобили в наступлении	1	98

Украинская драма

<i>В. Дергачев.</i> Экономика Украины сегодня: старые проблемы и новые вызовы	1	108
<i>В. Мироненко.</i> Год гнева и надежды	1	123

Социальная сфера

<i>Л. Вардомский, Т. Соколова.</i> Социальные детерминанты евразийской интеграции	1	131
<i>Р. Вольф.</i> Почему капитализм находится в постоянном конфликте с демократией?	3	149
<i>Д. Камари.</i> Почему социальные лифты не работают?	3	142
<i>Б. Нолан, Д. Вайстаннер.</i> Безусловный базовый доход и пандемия: что изменится?	2	128
<i>Дж. Огилви.</i> Безусловный базовый доход и радикальный популизм	2	122
<i>И. Синицина.</i> Социальная ориентированность «транзитных» стран: общее и особенное	1	148
<i>А. Хачатурян.</i> Социальные риски перехода к цифровой экономике	3	126

Региональные сообщества

<i>Дж. Дженсен, Ф. Мисливец.</i> Европейские ценности, культура и идентичность под угрозой	1	180
<i>Б. Исламов, Д. Исламов, С. Примова.</i> Роль и место Узбекистана в реализации инициативы «Один пояс – один путь»	2	149
<i>Я. Младек.</i> 30 лет спустя: как Вышеградская четверка преуспела в постсоциалистическом транзите	2	157
Сопряжение интеграционных процессов в Европе и Азии (международная научная конференция)	2	131
<i>Н. Степанов.</i> Китайская инициатива «Один пояс – один путь»: шансы и риски сопряжения с ЕАЭС	3	170
<i>Л. Ходов.</i> 25 лет участия Австрии в Евросоюзе	3	179
<i>Э. Шейнин.</i> Кредитно-банковская политика стран ЦВЕ: пределы автономии	3	154
<i>А. Шурубович.</i> Российско-белорусская интеграция вновь на перепутье	1	165

Культура

<i>Ж. Тощенко.</i> Народ всегда прав, даже когда он не прав	2	171
<i>Л. Энзель.</i> Смелость быть несовершеннолетним, или имей смелость не воспользоваться своим разумом	2	180

У книжной полки

Публикации Института экономики РАН по международным проблемам в 2019 г.	2	185
---	---	-----

К 90-летию М. Горбачева

Специальный выпуск	4	1–192
--------------------	---	-------